

p1
H62

И. С. НИКИТИНЪ

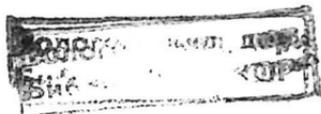
0

И. С. Никитинъ. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Сиб.

И. С. Никитинъ.

Съ фотографіи, снятой въ 1860 г. въ С.-Петербурѣ и принадлежавшей М. Ѳ. Де-Пуле.

Полное собраніе сочиненій и писемъ

И. С. Никитина.

Всемирная Библиотека.

Собрания сочинений известных
русских и иностранных писателей.

Русские писатели:

- Аксаковъ, С. Т., под редакцией А. Г. Горьфельда;
Андреевъ, Л. Н., со вступительной статьей проф. М. А. Рейсера;
Ан—ский, С. А., под наблюдениемъ автора;
Амфитеатровъ, А. В., под наблюдениемъ автора;
Айзманъ, Д. Я., под наблюдениемъ автора;
Гоголь, Н. В., под редакцией В. В. Каллаша;
Добролюбовъ, Н. А., под редакцией В. П. Крамизфельда;
Достоевскій, Ф. М., съ многочисл. приложеніями;
Златовратскій, Н. Н., под наблюдениемъ автора;
Кольцовъ, А. В., под редакцией Арс. Ив. Введенскаго;
Крыловъ, И. А., под редакцией В. В. Каллаша;
Лазаревскій, Б. А., под наблюдениемъ автора;
Левитовъ, А. И., со вступ. статьей А. А. Цымайлова;
Лермонтовъ, М. Ю., под ред. Арс. Ив. Введенскаго;
Максимовъ, С. В., со вступ. статьей П. В. Быкова;
Мачтетъ, Г. А., под редакцией Д. П. Сильчовскаго;
Муйжель, В. В., под наблюдениемъ автора;
Невѣжинъ, П. М., под наблюдениемъ автора;
Никитинъ, И. С., под ред. А. Г. Фомина, со вступительной статьей
Ю. И. Айзенвальда;
Немировичъ-Данченко, Вас. И., под наблюдениемъ автора;
Олгеръ, Н. Ф., под наблюдениемъ автора;
Осиповичъ, Н. М., под наблюдениемъ автора;
Островскій, А. Н.; под ред. М. И. Писарева;
Помяловскій, Н. Г., съ биограф. очеркомъ Н. А. Благотыщенскаго;
Потѣхинъ, А. А., под наблюдениемъ автора;
Пушкинъ, А. С., под редакцией П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
Соловьевъ, Н. Я., съ портретомъ автора;
Танъ, В. Г., под наблюдениемъ автора;
Толстой, Л. Н., под редакцией А. М. Хирьякова;
Шапиръ, Ольга, под наблюдениемъ автора.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акціон. О-ва „Самообразование“,
Забалканскій просп., д. № 75.

И-62. И

Полное собрание сочинений и писемъ

42

И. С. НИКИТИНА.

Провѣренный по рукописямъ и первопечатнымъ источникамъ текстъ и варианты.

Подъ редакцией, съ биогр. очеркомъ, статьями и примѣчаниями

А. Г. Фомина.

Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда.

Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ.

Томъ второй

122770-1

ПОГАШЕНО

Отделъ Центр писателя
книгохраненія
В. И. Белова

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Библиотека
Журналы
Изд. № 4518

Вологодская
городская ЦБС

И. С. Никитина

УЧЕТ Р.

Р1

Н62

Бумага без примеси древесной массы.

Стихотворенія.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

1855 г.

94.

- Сибирь! . . . Напишешь это слово, —
И вдругъ свободная мечта
Меня уноситьъ въ край суровый.
Природы дикой красота
5. Вдали встаетъ передо мною.
И, мнится, вижу я Байкаль
Съ его прозрачной глубиною,
И цѣпи горъ съ громадой скаль,
И безконечную равнину
10. Вокругъ бѣляющихъ снѣговъ,
И грозныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ
Необозримую вершину . . .
Но вотъ проходить этотъ бредъ,
И снова видишь предъ собою:
15. Диванъ съ подушкою худою,
Комодъ, старинный туалетъ,
Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,
Навозъ какой-то на полу,
Цвѣты въ какихъ-то глупыхъ площадкахъ,
20. И, наконецъ, кота въ углу.
Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
О похоронахъ говорить

- И, кажется, меня бранить,
 Что моей тетки гробъ открытый
 25. До церкви я не проводилъ.

2 января.

95.

- За какую жь вину и бѣду
 Я состарѣлся рано безъ старости,
 И терплю съ малолѣтства нужду,
 И не вижу отрады и радости?
5. Только я, бѣдный, на ноги сталъ —
 Сиротою остался безъ матушки;
 И привѣта и ласки не зналъ
 Во всю жизнь отъ родимаго батюшки.
- Помню, какъ онъ бывало возьметъ
 10. Съ полки крашеной книгу измятую,
 Подъ хмелькомъ мнѣ приказъ отдаетъ —
 Прочитать ему заповѣдь пятую,
- И ударить объ столъ кулакомъ...
 Я стою, отъ испуга шатаюся,
 15. Что скажу, — позабуду потомъ,
 Начинаю опять, — заикаюся...
- Помню, какъ я не разъ убѣгалъ
 По утрамъ въ лѣсъ зеленый украдкою, —
 Что родной, меня онъ принималъ,
 20. Утѣшалъ рѣчью тихой и сладкою;
- И когда по немъ буря порой
 Съ грознымъ шумомъ бывало расходится,

Притаюся я въ чащѣ глухой,
И мнѣ страшно и любо становится.

25. И не разъ я съ любовью глядѣлъ,
Когда солнце надъ нимъ поднималось,
И на листьяхъ румянецъ горѣлъ,
И кругомъ меня все просыпалось.

- Годы шли . . . Сталъ я ночи не спать,
30. Думы думать про степи раздольныя,
Чудныхъ звуковъ игру понимать,
Втихомолку слагать пѣсни вольныя.

- Но иное судилъ мнѣ Господь . . .
Гдѣ тутъ пѣть, когда жизнь ужъ наскучила,
35. И не слезы изъ глазъ — кровь течеть,
И всю душу кручина измучила!

- У людей хоть и бѣдность, да миръ.
У меня въ домѣ крикъ, ссора шумная,
При тяжелой нуждѣ — хмельной пиръ,
40. При печали — веселость безумная.

Но какъ доля моя ни горька,
И сквозь слезы пѣть пѣсни мнѣ хочется,
Лежитъ на сердцѣ камнемъ тоска, —
На уста звуки чудные просятся.

45. И придетъ часъ — отрада души,
Пѣсню грустную сложишь украдкою,
И забудется горе въ тиши,
И на мигъ жизнь покажется сладкою! . .

18 января.

96.

Пошутила я — и другу слово молвила:
«Не ходи ты темной ночью въ нашъ зеленый
садъ:

Молодой сосѣдъ догадливъ, онъ дознается,
Быль и нѣ быль станетъ всѣмъ про насъ раз-
сказывать».

5. Милый другъ мой, что ненастный день, на-
хмурился,
Не подумалъ и отвѣтилъ мнѣ съ усмѣшкою:
«Не молвы людской боишься ты, измѣнница,
Вѣрно видѣться со мною тебѣ нелюбо».

- Вотъ недѣля — моя радость не является,
10. Засыпаю — мнѣ во снѣ онъ, соколъ, видится,
Просыпаюсь — мнѣ походка его чудится,
Вспомню рѣчь его — все сердце разрывается.

- Для чего же меня, другъ мой, ты обманывалъ,
Называлъ душою, дорогою радостью?
15. Покидая радость, ты слезы не выронилъ,
И съ душой разстался, что съ заботой скуч-
ною.

- Не виню я друга, на себя я плачуся:
Ужъ зачѣмъ его я слушала, лелѣяла?
Полюбить умѣла лучше милой матери,
20. Позабыть нѣтъ силъ, разлюбить — нѣтъ ра-
зума.

19 января.

97.

Взгляни: небесный сводъ безоблаченъ надъ
нами,
И безмятежно угасаетъ день,
И листья темныхъ ивъ, нависшихъ надъ во-
дами,
Объяли сонъ и сладостная лѣнь.

5. Не тронется трава, камышь не шевелится,
Безлюдны берега, молчить полей просторъ,
И солнце на покой торжественно садится,
И въ золотѣ горитъ недвижный боръ.

- Повсюду тишина и миръ невозмутимый . . .
10. Лишь слышенъ мельницы однообразный шумъ
Да рѣзвой рыбы плескъ . . . О, другъ неутоми-
мый!
Зачѣмъ же ты одинъ и мраченъ, и угрюмъ?

- Вотъ отъ того-то такъ мнѣ тяжело и
больно,
Что все покоится въ глубокой тишинѣ,
15. Тогда какъ нѣтъ отрады только мнѣ,
Тогда какъ плачу я отъ горькихъ думъ не-
вольно.
20 января.

98.

Уличная встрѣча.

Словно безлюдный, спокоенъ весь городъ.
Солнце чуть видно сквозь сѣть облаковъ.

- Пусто на улицѣ. Утренній холодъ
 Вывель узоры на стеклахъ домовъ.
5. Крыши повсюду покрыты коврами
 Мягкаго снѣга; изъ трубъ тамъ и сямъ
 Дымъ подымается кверху столбами,
 Вьется, рѣдѣетъ, подобно клочкамъ
 Тучекъ прозрачныхъ, — и вдаль улетаетъ...
10. Скучная улица! Вѣрно народъ
 Здѣсь неохотно двory покидаетъ...
 Вотъ только баба, согнувшись, несетъ
 Гробикъ подъ мышкою... Вотъ и другая
 Встрѣтилась съ нею, поклонъ отдала,
15. Кланяясь, молвила: «здравствуй, родная!»
 Остановилась и рѣчь повела:

- «Кому же этотъ гробикъ-то
 Ты, мать моя, взяла,
 Сыночекъ, что ли, кончился,
 20. Иль дочка умерла?»

— «Сынка, моя голубушка,
 Сбираюсь хоронить;
 Да вотъ насилу сбилася
 И гробикъ-то купить.

25. А ужъ свѣчей и ладану
 Не знаю, гдѣ и взять...
 Есть старый самоваришка,
 Хочу въ закладъ отдать.

- Мужъ боленъ. Вотъ три мѣсяца
 30. Лежитъ все на печи,
 Просить на бѣдность — совѣстно,
 Хоть голосомъ кричи». —

«И, мать! и я стыдилася
 Просить въ твои года . . .

35. Глупа была, ужъ что таить,
 Глупа, да и горда.

Теперь привыкла, горя нѣтъ;
 Придешь въ знакомый домъ,
 Поплачешь да поклонишься,

40. Расскажешь обо всемъ:

Вдова, моль, я несчастная . . .
 Глядишь, — присѣсть велятъ,
 Дадутъ какое платышко
 И къ чаю пригласятъ.

45. Другое дѣло, мать моя,
 Подъ окнами ходить, —
 Вѣстимо, это совѣстно,
 Ужъ надо нищей быть.

- А примутъ тебя въ комнату, —
 50. Какой же тутъ порокъ? . .
 Ты, кажется, кручинишься,
 Что померъ твой сынокъ?»

— «Охъ, я вѣдь съ нимъ заботушки
 Не мало приняла! . .

55. Кормить его, по немочи,
 Я грудью не могла.

Поутру жидкой кашицы
 Вольешь ему въ рожокъ,
 Сосеть ее онъ, бѣдненькій

60. Да тѣмъ и сытъ денекъ.

Туть, знаешь, у насъ горенка,
 Зимой-то, что ледникъ, —
 Чуть сонный онъ размечется,
 Ну и подыметъ крикъ...

65. И весь дрожить отъ холода...
 Начнешь ему дышать
 На красныя ручонки-то,
 Ну и заснетъ опять». —

- «И плакать тебѣ нечего,
 70. Что Богъ его прибралъ...
 Онъ, мать моя, я думаю,
 Недолго похворалъ?»

- «Съ недѣлю, другъ мой, маялся
 И не бралъ въ ротъ рожка;
 75. Бывало, только капельку
 Проглотить молока.

- Вчера, моя голубушка,
 Ласкаю я его,
 Глядь, — слезки навернулись
 80. На глазкахъ у него,

Какъ будто жизнь безгрѣшную
 Онъ кинуть не хотѣлъ...
 А умеръ тихо, бѣдненькій,
 Какъ свѣчка, догорѣлъ!» —

85. «О чемъ же ты заплакала?
 Туть воля не твоя.
 И дѣти-то при бѣдности —
 Желѣзы, мать моя!

- Вотъ у меня Аринушка
 90. И умница была,
 По бархату, душа моя,
 Шить золотомъ могла;
- Бывало, за работою
 До пѣтуховъ сидить,
 95. А мнѣ съ поклономъ по людямъ
 И выйти не велить:
- «Сама ужъ, дескать, маменька,
 Я пропитаю васъ».
 Работала, работала, —
 100. Да и лишилась глазъ.
- Связала мои рученьки:
 Вѣдь чахнетъ отъ тоски;
 Слепа, а вяжетъ кое-какъ
 Носчишки да чулки.
105. Чужого калача не съѣсть,
 А если и возьметъ
 Кусокъ какой отъ голода,
 Все сердце надорветъ:
- И ѣсть, и плачетъ, глупая;
 110. Журишь, — отвѣта нѣтъ...
 Вотъ каково, при бѣдности,
 Съ дѣтьми-то жить, мой свѣтъ!»
- «Охъ, горько, моя милая!
 Растетъ дитя — печаль,
 115. Умретъ оно — своя вѣдь кровь,
 Жаль, другъ мой, крѣпко жаль!» —

- «Молися Богу, мать моя, —
 Не надобно тужить.
 Прости же, я зайду къ тебѣ
 120. Блиновъ-то закусить».

- Бабы разстались. На улицѣ снова
 Пусто. Заборы и стѣны домовъ
 Смотрять печально и какъ-то сурово.
 Солнце за длинной грядой облаковъ
 125. Спряталось. Небо такъ блѣдно, безцвѣтно,
 Точно какъ мертвое . . . и облака
 Такъ безотрадно глядятъ, безпривѣтно,
 Что поневолѣ находить тоска . . .

Январь.

99.

- Погуляла вода
 По зеленымъ лугамъ, —
 Вдоволь бури понаслушалась;
 Поломала мостовъ,
 5. Подтопила дворовъ, —
 Вольной жизнью понатѣшилась.
- Миновала весна,
 Присмирѣла рѣка, —
 По песку течетъ — не мутится;
 10. Въ ночь при мѣсяцѣ спитъ,
 Дунетъ вѣтеръ — молчитъ,
 Только хмурится да морщится.
- Погулялъ молодецъ
 По чужимъ сторонамъ, —
 15. Удальствомъ своимъ похвастался;

По пирамъ походилъ,
 Чужихъ женъ поласкалъ,
 Ихъ мужьямъ придалъ заботушки.

- А теперь, при огнѣ
 20. Сиди лапотъ плети, —
 Всю вину на старость сваливай;
 Молодая жена
 Ею колетъ глаза, —
 Ну, радъ не радъ — а смалчивай.

Январь.

—————

100.

- Надъ свѣтлымъ озеромъ пурпуровой зари
 Вечерній пламень потухаетъ.
 На берегу огни разводягъ косари,
 И беззаботно собираетъ
5. Рыбакъ, близъ камыша, сѣтъ мокрую въ чел-
 нокъ;
 Уснули въ сумракъ равнины,
 И только изрѣдка прохладный вѣтерокъ
 Пошевелитъ листы осины.

Люблю я этотъ часъ, когда со всѣхъ сто-
 ронъ

10. Ко мнѣ идутъ густыя тѣни,
 И вѣтъ свѣжестю, и воздухъ напоенъ
 Дыханьемъ дремлющихъ растений;
 Когда становится яснѣ каждый звукъ.
 Горитъ зарница надо мною,

15. И мѣсяць огненный, безмолвный ночи другъ,
Встаетъ надъ ближнею горою.

- Что нужды? Этотъ день печально я прожилъ
Подъ гнетомъ горькихъ впечатлѣній,
Зато теперь кипить во мнѣ избытокъ силъ
20. И новыхъ чувствъ и размышленій.
Я вновь теперь живу! и какъ отраденъ мнѣ
И сонъ полей въ тиши безлюдной,
И этихъ яркихъ звѣздъ, горящихъ въ вышинѣ,
Языкъ торжественный и чудный!

Январь.

101.

Е л к а.

Посвящено кн. Е. П. Долгорукой.

Одиноко выростала
Елка стройная въ лѣсу,
Холодъ смолоду узнала,
Часто видѣла грозу.

5. Но, покинувъ лѣсъ родимый,
Елка бѣдная нашла
Уголокъ гостепріимный,
Новой жизнью зацвѣла,

- Вся огнями освѣтилась,
10. Въ серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
Въ лучшій міръ перенеслась.

- Дѣти нужды и печали!
Точно елку, васъ, сиротъ
15. Матерински приласкали
И укрыли отъ невзгодъ,

- Обогрѣли, пріютили,
Святъ и свѣтель вашъ Пріюгъ,
Здѣсь васъ рано научили
20. Полобить добро и трудъ.

- И добра живое сѣмя
Не на камень упадетъ:
Дастъ Господь, оно во время
Плодь сторичный принесетъ.

25. Начать сѣвъ во имя Бога.
Подрастайте, въ добрый часъ!
Жизни тѣсная дорога
Пораздвинется для васъ.

- Но невзгода ль васъ застанетъ
30. На пути, или порокъ
Сѣти хитря разставитъ, —
Дѣтства помните урокъ.

- Для борьбы дана вамъ сила;
Не родное по крови
35. Вамъ свѣтъ истины открыло
Сердце, полное любви.

- И о немъ воспоминанье
Да хранитъ васъ въ дни тревогъ,
Въ пору счастья и страданья,
40. Какъ добра святой залогъ.

Январь.

102.

Другъ (Степь).

Пусть снова дни мои мнѣ горе принесутъ, —
 Часы тяжелаго томленья,
 Я знаю, выкупить восторгъ иныхъ минутъ, —
 Другія чувства и явленья.

5. Когда поверхность водъ при мѣсяцѣ бле-
 стить,

Когда закатъ огнемъ пылаетъ,
 Иль по дорогѣ вихрь густую пыль кружить,
 Иль въ полночь молнія блистаетъ,

Когда поля зимой подъ бѣлымъ пухомъ
 спятъ,

10. Иль гнется лѣсъ отъ вьюги грозной,
 Иль на небѣ столбы, какъ радуги, горятъ
 При свѣтѣ солнца въ день морозный, —

За всѣмъ отрадно мнѣ и весело слѣдить,
 Все такъ знакомо мнѣ и ново,

15. И все я въ памяти желалъ бы сохранить,
 Замкнуть въ обдуманное слово!..

Природа, ты одна, наставникъ мой и другъ,
 Миръ полный мысли мнѣ открыла,
 Счастливымъ сдѣлала печальный мой досугъ

20. И съ бѣдной долей примирила!

Отъ тайной ли тоски болить и ноетъ грудь,
 Иль мучить сердце нужды тревога, —
 Въ твои объятія спѣшу я отдохнуть,
 Какъ въ храмъ невидимаго Бога.

25. И мнѣ ли не любить тебя отъ всей души,
Мой другъ, не знающій забвенья!
Меня и мертваго ты пріютишь въ тиши,
Теперь живого утѣшенье!

Мартъ.

122770 - 1

103.

Слѣпой гусярь.

Давно ужъ не вижу я солнца и неба,
Не знаю, какъ мѣръ и живетъ и цвѣтеть,
Какъ птица не сѣю зернистаго хлѣба,
Пою и ночую, гдѣ Богъ приведетъ.

5. Но слухъ мой въ замѣну отраднаго зрѣнья
Невѣдомой силою чудно развитъ, —
Когда и былинка стоитъ безъ движенья,
Со мною незримая жизнь говоритъ:

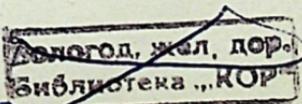
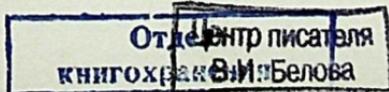
10. Листокъ ли на землю сырую ложится,
Змѣя ли ползетъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ,
Камышь ли сквозь сонъ вдалекѣ шевелится, —
Я все различаю въ ночной тишинѣ.

- И голось веселья, и стонъ тайной муки
Въ тревогѣ дневной я умѣю ловить;
15. И въ душу однажды запавшіе звуки
Въ согласныя пѣсни спѣшу перелить.

- Когда же порой, окруженный гостями,
Подъ крышей чужою найду я пріютъ,
И гусли вздрогнуть у меня подъ руками,
20. И звуки волнами отъ струнь потекутъ, —

И. С. Никитинъ. II.

2

Откуда-то вдругъ во мнѣ сила возьмется,
 Забѣгаютъ пальцы, и кровь закипитъ,
 Развернется дума, — и пѣсня польется...
 И свѣтъ мои очи тогда озарить!

25. Мнѣ кажется, вижу я степи раздолье,
 Блескъ солнца и краски душистыхъ цвѣтовъ,
 И свѣтлыя воды и луга приволье,
 И темныя сѣни родимыхъ лѣсовъ, —

- Пою — и на мнѣ подымается волосъ,
 30. И впалыя щеки румянцемъ горять,
 И звучнымъ становится слабый мой голосъ,
 И гости, заслушавшись, молча сидятъ.

- Умолкну, — гусяра толпа окружаетъ.
 Но я ужъ не слышу тутъ грома рѣчей:
 35. Душа, словно вѣтеръ, по свѣту гуляетъ
 И слезы ручьями бѣгутъ изъ очей!

Мартъ.

104.

[П. И. Савостьянову.]

Не спится мнѣ. Окно отворено,
 Давно горять небесныя свѣтила,
 Сіяетъ прудъ, въ густомъ саду темно,
 Ночь ясная безмолвна, какъ могила...

5. Но тамъ — въ гробахъ — навѣрно есть по-
 кой;
 Здѣсь жизни пиръ; во тьмѣ кипятъ желанья,

Во тьмѣ порокъ идетъ своей тропой,
Во тьмѣ не спятъ ни страсти, ни страданья!

- И больно мнѣ, и страшно за людей.
10. Въ ночной тиши мнѣ чудятся ихъ стоны,
И вижу я, какъ въ пламени страстей
И мучатся и плачутъ миллионы . . .

- И плачу я . . . Мнѣ думать тяжело,
Что день и ночь, минута и мгновенье
15. Родятъ на свѣтъ невидимое зло
И новое, тяжелое мученье.

24 июня.

105.

Въ лѣсу.

(Послѣ выздоровления.)

- Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый!
Прими меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ,
Раскинувшихъ навѣсь свой величавый
Надъ гладью свѣтлыхъ водъ и зеленью луговъ.
5. Какъ жаждалъ я, измученный тоскою,
Въ недугѣ медленномъ стгорая, какъ въ огнѣ,
Твоей прохладою упиться въ тишинѣ
И на траву прилечь горячей головою!
- Какъ часто въ тягостномъ безмолвіи ночей,
10. Въ часы томительнаго бдѣнья,
Я вспоминалъ твой мракъ, и музыку рѣчей,
И птицъ веселый свистъ, и пѣнье,

И дни давнишніе, когда свой скучный домъ
Я покидалъ, ребенокъ нелюдимый,

15. И, молча, въ сумракъ твоёмъ
Бродилъ, взволнованный мечтой невыразимой!

О, какъ ты былъ хорошъ вечернею порой,
Когда весь молніей мгновенно освѣщался
И вдругъ — на голосъ тучи громовой

20. Разгульнымъ свистомъ откликался!

И любо было мнѣ!.. какъ съ существомъ
роднымъ,
Съ тобой я всёмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣсню, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

25. Тебя, могучаго, не измѣнили годы!..
А я, твой гость, съ лѣтами возмужалъ,
Но въ пламени страстей, средь мелочной не-
взгоды,
Тяжелой горечи я много испыталъ...

Ужасенъ этотъ ядъ! Онъ вдругъ не уби-
ваетъ,

30. Не поражаетъ, какъ небесный громъ:
Онъ сушить мозгъ, въ суставы проникаетъ,
Жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ!

Паду ль я, этимъ ядомъ пораженный,
Утративъ крѣпость силъ и пѣсенъ скромный
даръ,

35. Иль новыхъ думъ и чувствъ узнаю свѣтъ и
жарь,
Въ горнилѣ горя искушенный, —

- Богъ вѣсть, что впереди! Теперь, полуболь-
ной,
Я вновь подъ сѣнь твою, лѣсь сумрачный, всту-
паю
И слушаю привѣтный говоръ твой,
40. Тебѣ мою печаль, какъ другу, повѣряю!..
Августъ.

106.

Отвяжися, тоска,
Пылью поразвѣйся!
Что за грусть, коли живъ —
И сквозь слезы смѣйся!

5. Не диковинка — пиръ
При хорошей долѣ;
Удаль съ горя поеть,
Пляшетъ и въ неволѣ.

- Ужъ ты какъ ни хвались
10. Умной головою, —
Громовыхъ облаковъ
Не отвесь рукою.

- Грусть-забота не спить,
Безъ бѣды крушится;
15. Беззаботной душѣ
И на камнѣ спится.

Коли солнышка нѣтъ, —
Ясный мѣсяць свѣтитъ;

Измѣнила любовь, —
20. Пѣсня не измѣнить!

Сердце просить не слезъ,
А живетъ отрадой;
Вотъ умрешь, — ну, тогда
Ничего не надо.

18 октября.

107.

19 октября.

Что это за утро! Серебряный иней
На зелени луга лежитъ;
Камышъ пожелтѣвшій надъ рѣчкою синей
Сквозною оградой стоитъ.

5. Надъ черною далью безлюдной равнины
Клубится прозрачный туманъ,
И длинныя нити сѣдой паутины
Опутали сѣрый бурьянъ.

А небо такъ чисто, свѣтло, безмятежно,
10. Что вонь — далеко въ сторонѣ —
Я вижу — мелькнулъ рыболовъ бѣлоснѣжный
И тонетъ теперь въ вышинѣ.

Веселый, прохладой луговъ освѣженный,
Я красного солнышка жду,
15. Любуюсь на пашни, на лѣсъ обнаженный,
И въ сонную чащу вхожу.

- Листы шелестятъ у меня подъ ногами,
 Два дятела гдѣ-то стучать . . .
 А солнышко тихо встаетъ надъ полями,
 20. Озера румянцемъ горятъ.

Вотъ ярко блеснули лучи золотые
 И крадутся въ чашу березъ
 Все дальше и дальше, — и вѣтки сырыя
 Покрылися каплями слезъ.

25. У осени поздней, порою печальной,
 Есть чудныя краски свои,
 Какъ есть своя прелесть въ улыбкѣ прощаль-
 ной,
 Въ послѣднемъ объятіи любви.

—————

108.

Дѣлежъ.

Да, сударь мой, нерѣдко вотъ бываетъ:
 Отецъ на столъ, а дѣтки за дѣлежъ,
 И брата братъ за шиворотъ хватаетъ . . .
 Изъ-за чего? И въ толкъ-ать не возьмешь!

5. У васъ-то, баръ, я чаю, нѣтъ разлада . . .
 А мужики, извѣстно, вахлаки:
 У нихъ за грошъ — остуда и досада,
 За гривенникъ какой-нибудь — пинки!

Тутъ изъ-за бабъ, дѣтишекъ выйдетъ
 злоба . . .

10. Вотъ мы теперь: всего-то двое насъ —

Мой братъ да я; женаты, сударь, оба,
И хлѣбъ всегда имѣли про запасъ;

И жили бы себѣ, домкомъ собирались . . .
Нѣтъ, погоди! Вишь, жены не въ ладу:

15. Вонъ у одной коты поистаскались . . .
«Я, говорить, на рѣчку не пойду;

Пускай идетъ невѣстка, коли хочеть,
Ей мужъ успѣлъ обнову-то купить . . .»
А та себѣ, какъ бѣшенная, вскочить,

20. Начнетъ вотъ такъ руками разводить,

И ну — кричать: «А ты что за дворянка?
Котовъ-де нѣтъ, да сѣла и сидить . . .»
И тутъ пойдетъ такая перебранка,
Что у тебя въ ушахъ инда звенить.

25. Братъ за жену, глядишь, замолвитъ словс
И дурую мою-то назоветъ,
А у тебя на слово пять готово, —
Вотъ, сударь мой, потѣха и пойдетъ!

- Все это такъ . . . И при отцѣ бывало.
30. Да старичокъ насъ скоро разводилъ;
Чуть крикнетъ: эй! — бѣжишь куда попало,
Не то — бѣда! Охъ, крутъ покойникъ былъ!

- Какъ померъ онъ, мой братъ и позазнался:
Срамить меня, срамить мою жену:
35. Вы, дескать, что? Старшимъ-то я остался,
Я, говорить, васъ вотъ какъ поверну!

И повернулъ . . . Тутъ надо лыкъ на лапти,—
Онъ бражничать возьметса да гулять;

- Ты цѣпь берешь, -- онъ лѣзетъ на палати...
40. Ну, одному не растянуться стать.

Жена его все, знаешь, поджигаетъ:
«Дѣлись, дескать! Твой братъ-то лежебокъ,
Какъ куколку жену-то снаряжаетъ,
Исподтишка весь домъ поразволокъ...»

45. Сама-то, вишь, она скупенька больно.
Готова вѣкъ въ отрепьяхъ пропадать,
Да любить жить хозяйкой самовольной,
По-своему все, знаешь, поворачивать.

- Ну, а моя бабенка не сварлива,
50. А грѣхъ таить, — отъ щегольства не прочь,
Да и того... въ работѣ-то лѣнива,
Что есть, то есть, — тутъ ложью не по-
мочь.

- Вотъ, сударь мой, и завязалось дѣло:
Что день, то шумъ, подъ шумомъ и заснешь;
55. И брату-то все это надоѣло,
И мнѣ равно, — и начали дѣлать...

- Сперва-то мы по совѣсти дѣлились;
Не сладили, — взяли было за судъ, —
Ну, кое-какъ въ расправѣ помирились,
60. Остался споръ за старенькій хомутъ...

И я кричу, и братъ не уступаетъ:
«Нѣтъ, — говоритъ, — хоть тресни, не от-
дамъ!»

Я за шлею, — онъ, знаешь, вырываетъ,
Да наровитъ ударить по рукамъ.

65. И смѣхъ, и грѣхъ!.. Стоимъ за дрянъ го-
рою!..

Вдругъ, сударь мой, моргнуть я не успѣлъ,
Какъ крикнулъ братъ: «возьми, пусть за то-
бою!»

Да на меня хомутъ-то и надѣлъ.

Я сгоряча въ шлеѣ позапутлялся;
70. Народъ ореть: «Вонъ, обрядилъ коня!..»
Ужъ такъ-то я въ ту пору растерялся, —
Инда слеза прошибла у меня!..

Вамъ, сударь, смѣхъ... Нѣтъ, тутъ смѣш-
ного мало:

Вѣдь братъ-то мой по-барски чаялъ жить;
75. Взялся за гужъ, — анъ силы не достало,
Тужиль, тужиль — и началъ съ горя пить.

И мнѣ не медь... Вѣдь, праздниковъ не
знаешь:

Работаешь, спины не разогнешь,
Чуть непогодъ — все стонешь да перхаешь...
80. Вотъ, сударь мой, мужицкій-то дѣлежъ!

26 октября.

Надъ полями вечерняя зорька горитъ,
Алой краскою рожъ покрываетъ;
Зарумянившись, лѣсъ надъ рѣкою стоитъ,
Тихой музыкой день провожаетъ.

5. Задымилась огни на крутомъ бережку,
Вкругъ огней косари собралися,
Полилась у нихъ пѣснь про любовь и тоску,
Отголоски во мракъ понеслися.

- Ну, зачѣмъ тутъ одинъ я подъ ивой сижу
10. И ловлю заунывные звуки,
Вспоминаю, какъ жиль, да насильно бужу
Въ бѣдномъ сердцѣ заснувшія муки?

- Эхъ, ты, жизнь, моя жизнь! Ночь, бывало,
не спишь,
Выжидаетъ минутку досуга;
15. Чуть семья улеглась, — что на крыльяхъ ле-
тишь
Въ темный садъ ненагляднаго друга!

- Ключъ въ карманѣ давно отъ калитки готовъ,
И къ бесѣдкѣ знакома дорожка...
Свистнешь разъ соловьемъ въ сонной чащѣ
кустовъ,
20. И раскроется настезь окошко.

- Стало, спать старики... И стоишь, къ головѣ
Съ шумомъ кровь у тебя приливаетъ.
Вотъ идетъ милый другъ по росистой травѣ,
«Это ты!» — и на грудь припадаетъ.
25. И не видишь, не знаешь, какъ время ле-
титъ...
Ужъ давно зорька ранняя свѣтитъ,
Садъ густой золотистымъ румянцемъ по-
крытъ, —
Ничего-то твой взглядъ не замѣтитъ.

- Эхъ, веселыя ночки! что сонъ вы прошли . . .
30. Волю дѣвицы разомъ сковали:
Старика-жениха ей бѣдняжкѣ нашли,
Полумертвую съ нимъ обвѣнчали . . .

Безотрадной тоскѣ не сломить меня вдругъ:
Много силъ у меня и отваги!

35. Каково-то тебѣ, ненаглядный мой другъ,
Подъ замкомъ у ревниваго скряги!

27 октября.

110.

Не смѣйся, родимый кормилецъ!
Кори ты меня — не кори, —
Куплю я хозяйкѣ гостинецъ,
Ну, право, куплю, посмотри.

5. Вѣдь баба-то, слышь, молодая,
Красавица, вотъ что, мой свѣтъ!
А это бѣда небольшая,
Что лысь я немножко да съдѣ.

- Иной вѣдь и соколъ по виду,
10. Да что онъ? живетъ на авось!
А я ужъ не дамся въ обиду,
Я всякаго вижу насквозь!

- Сосѣди меня и поносятъ:
Надъ нимъ-де смѣется жена . . .
15. Не вѣрь имъ, напрасно обносятъ,
Все враки, все зависть одна!

Ну, ходитъ жена моя въ гости,
 Да мнѣ это нуждушки нѣтъ,
 Не стать мнѣ ломать свои кости,
 20. За нею подсматривать вслѣдъ.

Я крутъ! и жена это знаетъ,
 Во всемъ мнѣ отчетъ отдаетъ...
 Случится ли, домъ покидаетъ, —
 Она мнѣ винца принесетъ.

25. Ну что жъ тутъ? И пусть себѣ ходитъ!
 Она вотъ пошла и теперъ...
 О-охъ, поясницу-то сводитъ!
 А ты никому, свѣтъ, не вѣрь.

29 октября.

111.

Выѣздъ ямщика [троечника].

Ну, кажись, я готовъ:
 Вотъ мой кафтанишко,
 Рукавицы на мнѣ,
 Новый кнутъ подъ мышкой...

5. Въ головѣ-то шумить...
 Вотъ что мнѣ досадно!
 Правда, хмель вѣдь не дурь, —
 Выспался — и ладно.

Ты, жена, замолчи:
 10. Безъ тебя все знаю;
 Ёду съ бариномъ... да!
 Эхъ, какъ погуляю!

- Да и баринъ! . . . — поди, —
 У родного сына
 15. Онъ невѣсту отбилъ, —
 Стало, молодчина!

- Схоронилъ двѣ жены,
 Вотъ нашель и третью . . .
 А сердить . . . чуть не такъ, —
 20. Заколотить плетью!

Ну, ништо . . . говорятъ,
 Эта-то невѣста
 И сама дастъ отпоръ, —
 Не отыщешь мѣста.

25. За богатство идетъ,
 Вѣтрогонка, значить:
 Сына пустить съ сумой,
 Мужа одурачить . . .

- Сынъ, къ примѣру, не глупъ,
 30. Да запуганъ, вѣрно:
 Все глядитъ сиротой,
 Смирень . . . вотъ что скверно!

- Ну, да пусть судить Богъ,
 Что чернѣ и бѣло . . .
 35. Вотъ лошадокъ запрячь —
 Это наше дѣло!

- Слышь, жена! погляди,
 Каковы уздечки!
 Вишь, вотъ мѣдный наборъ,
 40. Вотъ мѣхры, колечки.

А дуга-то, дуга, —
Въ золотъ сіяеть...
Прр... шалишь, коренной!
Знай песокъ копаеть!

45. Ты, дружокъ, не блажи;
Старость твою жалко!..
Такъ кнутомъ проучу, —
Станеть небу жарко!..

- Сидоръ вожжи возьметъ, —
50. Чорта не боится!
Пролетить, — на него
Облачко дивится!

- Только крикнетъ: «Ну, ну!
Эхъ, ты, беззаботный!»
55. Отстаеть позади
Вѣтеръ перелетный!

- А сѣдокъ-то мнѣ — тьфу!
Коли скажетъ: «легче!»
Нѣтъ, молъ, сѣлъ, такъ сиди
60. Да держись покрѣпче.

Ужъ у насъ, коли лѣнь, —
День и ночь спимъ сряду;
Коли пиръ — наповаль,
Трудъ — такъ до упаду;

65. Коли ѣхать, — катай!
Головы не жалко!
Намъ безъ свѣта свѣтло,
Безъ дороги — гладко!

Ну, Матрена, прощай!

70. Оставайся съ Богомъ;
Жди обновки себѣ
Да гляди за домомъ.

Да, — кобылѣ больной

Парь трухою ногу...

75. Не забудь!.. А воды
Не давай помногу.

Ну-ка, въ путь! Шевелись!

Эхъ, какъ понеслися!

Берегись, ты, мужикъ,

80. Глухъ что ль?.. берегись!..

Октябрь.

Послѣднее свиданье.

«Зачѣмъ это ты, матушка,

Кручинишься всегда,

И отдыха и праздника

Не знаешь никогда?

5. Коли вотъ дома дѣдушка,
Такъ ты сидишь себѣ,
Какъ будто и здорова ты,
И весело тебѣ;

А чуть одна останешься

10. Иль дѣдушка заснетъ,
Все плачешь ты да молишься,
Ажъ грусть меня возьметъ». —

- «Ты не грусти, касаточка,
 Поди ко мнѣ присядь,
 15. Я буду сказку сказывать,
 Коли не хочешь спать.

- Сошью тебѣ и куколку;
 Ты никогда, смотри,
 Подружкамъ или дѣдушкѣ,
 20. Дружокъ, не говори,

- Что плачу я... ты умница,
 Всегда такою будь.
 Ну сядь же, поцѣлуй меня,
 Прилягъ ко мнѣ на грудь.
25. Вотъ такъ. Что, хорошо тебѣ?
 Ну, спи тутъ у меня.
 Какая ты красавица,
 Касаточка моя». —

- «А я въ обѣдъ съ подружками
 30. Играла на гумнѣ...
 Зачѣмъ это, родимая,
 Онѣ смѣются мнѣ?

- А гдѣ, дескать, отецъ-ать твой
 И какъ его зовутъ, —
 35. И сами переглянутся,
 Да со смѣху помрутъ...

- Сказать имъ не придумаешь
 Въ ту пору ничего,
 И станеть что-то стыдно мнѣ...
 40. Не знаю отъ чего». —

— «Твои подружки дурочки,
Не слѣдъ къ нимъ и ходить;
А ты, моя касаточка,
Ты станешь мать любить?» —

45. «Ну, вотъ ты и заплакала!
Нечаянно войдетъ,
Глядишь, въ избушку дѣдушка —
Бранить тебя начнетъ».

- «Не буду, ненаглядная,
50. Послушаюсь тебя.
Ну, вотъ ужъ мнѣ и весело.
Ну, обними жъ меня!»

- Горить заря вечерняя,
Листы деревъ молчать,
55. Во ржи густой безъ умолку
Перепела кричать.

- Вдоль рѣчки тѣни длинныя
Легли отъ береговъ.
Туманъ встаетъ и стелется
60. По бархату луговъ.

По роцѣ шумъ отъ мельницы
Во всѣ концы идетъ,
И шумъ тотъ роца слушаетъ,
Листомъ не шевельнетъ.

65. Давно въ избушкѣ смерклося;
Покрывшись зипуномъ,
Малютка спитъ, не тронется,
На лавкѣ подъ окномъ.

- Мать сучить шерсть на варешки,
70. Ночникъ едва горитъ,
А сѣрый котъ на коникѣ
Мышенка сторожить.

- Но вотъ звенять бубенчики
И слышенъ скрипъ воротъ,
75. Дверь настежь отворяется,
Гость нежданный идетъ.

- Плечистый и приземистый,
Лицо что маковъ цвѣтъ,
Бородка свѣтлорусая,
80. На лбу морщинки нѣтъ.

Халать суконный на плечи
Накинуть щегольски,
Рубашка темносиняя,
Со скрипомъ сапоги.

85. Вошелъ онъ бойкой поступью,
Картузъ проворно снялъ,
Раскланялся съ хозяйкою
И весело сказалъ:

- «Настасья Агафоновна,
90. Поклонъ тебѣ и честь!
Я къ вамъ по старой памяти,
Прикажешь ли присѣсть?»

- Хозяйка зарумянилась
И молвила въ отвѣтъ:
95. «Въ угоду ль будетъ батюшкѣ?
Его, вишь, дома нѣтъ». —

- ... «Э! что тутъ, все уладится:
 Прикрикнетъ — помолчи.
 Вотъ ты о самоварчикѣ
 100. Сперва похлопочи».

И кучеру кудрявому
 Купчина молодець
 Велѣлъ достать подъ войлокомъ
 Дорожный погребецъ.

105. На дѣвушку съ улыбкою
 Настасьѣ указалъ
 И два медовыхъ пряника
 Ей молча передалъ.

- Гуляютъ тучи по небу;
 110. Село покойно спить;
 На тайны міра здѣшняго
 Ночь черная глядитъ.

- Все видитъ, гдѣ что дѣется,
 Все знаетъ издавна...
 115. И вотъ слезами крупными
 Заплакала она...

- Молчить Настасья бѣдная,
 Не сводить глазъ съ окна;
 Не смотреть ли кто съ улицы —
 120. Все думаетъ она.

И страшно ей, и совѣстно.
 Бѣда, коли опять
 Пойдетъ молва недобрая;
 Куда тогда бѣжать?..

125. Купчинѣ нѣтъ заботушки,—
Сидитъ онъ за столомъ
И называетъ кучера
Набитымъ дуракомъ.

- «Да скоро ли ты, увалень,
130. Подашь мнѣ самоваръ?»
И кучеръ съ горя чешется
И раздуваетъ жаръ;

- Поотдохнетъ, пощурится,
Надсадитъ кашлемъ грудь,
135. И снова принимается
Въ трубу со свистомъ дуть.

- «Ну, слава Тебѣ, Господи!
Насилу паръ пошелъ...»
И самоваръ съ досадою
140. Поставилъ онъ на столъ.

Но только гость подвинулся
Поближе къ огоньку,
Взялъ бережно изъ чайницы
Щепоточку чайку

145. И сталь его заваривать —
Бѣда какъ тутъ была:
Хозяина нелегкая
Какъ на-смѣхъ принесла.

- Старикъ сѣдой съ сутулиной,
150. Угрюмый и рябой,
На немъ лаптишки старые,
Въ пыли чекмень худой.

Неласково и пристально
 На гостя онъ взглянулъ,
 155. Взглянулъ на дочь съ усмѣшкою,
 И голову тряхнулъ.

— «Зачѣмъ это пожаловалъ,
 Коли велишь спросить?
 Да ты тутъ по-домашнему...
 160. Ужъ чай усѣлся пить». —

«Нельзя-съ... погрѣться надобно,
 Въ дорогѣ-то продрогъ...
 Здоровъ ли, какъ смогаешься,
 Какъ милуетъ васъ Богъ?»

165. — «Нешто... живемъ по-старому...
 А помнятся ль тебѣ
 Слова твои разумныя
 Вотъ въ этой же избѣ?»

Давненько, самъ ты вѣдаешь,
 170. А я ихъ не забылъ.
 Ты, пѣсь, мнѣ въ ноги кланялся
 И вотъ что говорилъ:

Прости меня... не гнѣвайся...
 Вотъ образомъ клянусь —
 175. Тебя на волю выкуплю,
 На дочери женюсь.

Торгашъ, торгашъ безсовѣстный,
 Ты радъ, что обманулъ...
 Ужъ лучше бы мнѣ въ ту пору
 180. Ты въ сердце ножъ воткнулъ.

Вѣдь я теперь посмѣшище
 У добрыхъ-то людей,
 А дочь, какъ щепка, высохла;
 Все отъ тебя, злодѣй.

185. Вонъ дѣвочка несчастная,
 Изволь-ка отвѣчать:
 Чтѣ, любо намъ на улицу
 Бѣдняжку выпускать?»

- Смутился гость. Рукой со лба
 190. Отеръ холодный потъ,
 И думалъ: дѣло скверное,
 Не въ духъ старый чортъ!

- Пришлось кошель развязывать...
 «Эхъ, Агафонъ Петровъ!
 195. Ну стоитъ ли намъ ссориться,
 Шумѣть изъ пустяковъ!

- Какъ быть! Не то случается
 На свѣтѣ межъ людьми,
 Да все концы хоронятся...
 200. Вотъ сто рублей... возьми!»

Старикъ назадъ попятился,
 Немного покраснѣлъ
 И на Настасью блѣдную
 Пытливо поглядѣлъ.

205. — «Ну, дочка... вотъ ты плакалась:
 Насъ нищими зовутъ, —
 Казна вишь съ неба валится,
 Бери, коли даютъ». —

Дочь вспыхнула, что зарево,
210. И къ гостю подошла;
Въ глазахъ у ней мутилося,
Но рѣчь тверда была:

«Не надо намъ казны твоей!
Не смѣйся надо мной!»
215. И деньги на полъ бросила
Дрожащею рукой.

«Вишь, — молвилъ гость, — знать, дешево
Чужое-то добро».
И гнулся въ три погибели,
220. Сбирая серебро.

Сѣдой старикъ не вытерпѣлъ
И крикнулъ: «Осмотриись!
Пощупай и въ лоханкѣ-то —
Тамъ звякнуло, кажись!

225. Эхъ, Настя, Настя бѣдная!
Сгубила ты свой вѣкъ!
Гляди, какъ тварь-то ползаетъ;
А!.. тоже челоуѣкъ!..»

Дочь опустила голову
230. И плакала навзрыдъ,
Какъ будто разомъ выплакать
Хотѣла гнѣвъ и стыдъ.

«Ухъ, батюшки, измучился!
Всю спину изломаль!»
235. Насилу выпрямляясь,
Купчина разсуждалъ:

- И за дверь тихо выбравшись,
 Сталь кучера ругать:
 «Впрягай коней-то, увалень!
 240. Покудова миѣ ждатель?»
- «Эхъ-ма!» въ отвѣтъ послышалось,
 И, плюнувъ на ладонь,
 Дугу взялъ кучерь нѣхотя
 И натянулъ супонь.
245. И сталъ просить хозяина:
 «Ой, какъ болить животъ!
 Чайку тамъ не осталось?
 Равно онъ пропадетъ». —
- «Толкуй вотъ съ деревенщиной!
 250. Смѣется вѣдь, смотри.
 Пошелъ въ избушку, увалень,
 Что нужно, собери».
- Гремятъ, звенять бубенчики...
 Купчина подъ дождемъ
 255. Свою досаду горькую
 Отмщаетъ на другомъ:
- «Дороги-то, дороги-то!
 Поѣдешъ да не радъ!
 Зачѣмъ это бездѣльники
 260. Исправники глядятъ?»..
- Молчить избушка тѣсная.
 Настасья въ темнотѣ
 Стоитъ и Богу молится
 О дочкѣ-сиротѣ.

265. Старикъ лежитъ и думаетъ:
 «Еще прожить денёкъ.
 А что-то завтра старостѣ
 Скажу я про оброкъ...»

Октябрь.

113.

Музыка лѣса.

Безъ конца поля
 Развернулись,
 Небеса въ водѣ
 Опрокинулись.

5. За крутой курганъ
 Солнце прячется,
 Облаковъ гряда
 Развернулася.

- Поднялись, растутъ
 10. Горы мѣдныя,
 На горахъ дворцы
 Золоченыя.

- Между горъ мосты
 Перекинуты,
 15. Въ серебро и сталь
 Позакованы.

- По травѣ, по ржи
 Тѣни крадутся,
 Въ лѣсъ густой бѣгутъ,
 20. Собираются.

Лѣсъ стоитъ, покрытъ
Краской розовой,
Провожаеть день
Тихой музыкой.

25. Разливайтесь,
Звуки чудные!
Самъ не знаю я,
Чтò мнѣ весело . . .

- Все мнѣ кажется.
30. Что давнымъ давно
Гдѣ-то слышалъ я
Эту музыку.

- Все мнѣ помнится
Сумракъ вечера,
35. Тѣсной горенки
Стѣны темныя.

- Огонекъ горѣлъ
Передъ образомъ,
Какъ теперь горить
40. Эта звѣздочка.

- На груди моей
Милой матушки
Я дремалъ, и мнѣ
Пѣсни слышались.

45. Были пѣсни тѣ
Звуки райскіе,
Неземная жизнь
Отъ нихъ вѣяла! . .

И тогда сквозь сонъ
 50. Все мнѣ видѣлся
 Яркій блескъ и свѣтъ
 Въ темной горенкѣ.

Не отъ этого ль
 Такъ мнѣ весело
 55. Слушать въ сумерки
 Лѣса музыку,

Что при ней одной
 Дѣтство помнится,
 Безотраднѣй день
 60. Забывается?

Начало ноября.

114.

Затеплились звѣзды одна за другою
 Надъ темною далью луговъ;
 Куда-то со скрипомъ, за сонной рѣкою,
 Проѣхалъ обозъ чумаковъ.

5. Задумавъ поужинать, подлѣ залива
 Рыбакъ разложилъ огонекъ;
 И вдругъ освѣтились: плакучая ива,
 Плечистый старикъ и челнокъ,

Развѣсистый неводъ, подпертый шестами,
 10. Шалашъ на крутомъ берегу;
 Кусты лозняка и, вдали за кустами,
 Стреноженный конь на лугу.

Вотъ въ сторону, вѣрно испуганный свѣ-
томъ,

Со свистомъ куликъ пролетѣлъ...

15. Все тихо... лишь въ полѣ, туманомъ одѣтомъ,
Богъ вѣсть кто-то пѣсню запѣлъ.

А къ полночи, кажется, дождь соберется,
Ужъ наволочь кой-гдѣ пошла;

Теперь мужичокъ его ждетъ не дождется:

20. Вѣдь рожь наливать начала!

Ложись, горожанинъ, въ постель пуховую
И спи до утра безъ заботъ!

Хлѣбъ будетъ: крестьянинъ свѣчу восковую
Сегодня жъ съ молитвой зажжетъ.

25. Вонъ тучки находятъ; отрада народа,
Господь дастъ, и дождикъ пойдетъ...
Ужъ сколько же завтра душистаго меда
Пчела моя въ полѣ найдетъ!

7 ноября.

115.

На взятіе Карса.

Во храмы, братья! на колѣни!
Возсталъ нашъ Богъ, и грянулъ громъ!
На память позднихъ поколѣній
Судь начать кровью и огнемъ...

5. Таковъ удѣлъ твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;

На горахъ пепла, вырастая,
 Не въ первый разъ тебѣ стоять.

10. Въ борьбѣ съ чужими племенами
 Ты возмужала, развилась,
 И надъ мятежными волнами
 Скалой громадной поднялась.

15. Опять борьба! Растутъ могилы...
 Опять стоишь ты подъ грозой!
 Но чую я, какъ крѣпнуть наши силы,
 И вижу я, какъ дѣти рвутся въ бой...

20. За Русь! гремитъ народный голосъ,
 За Русь! по ратямъ кликъ идетъ,
 И дыбомъ подымается мой волосъ, —
 За Русь! душа и тѣло вопіетъ.

Все во гнѣвѣ проснулось и все закипѣло;
 Великою мыслью все царство живетъ;
 На страшныя битвы за правое дѣло
 Народъ оскорбленный, какъ буря, идетъ.

25. Задвигались рати, какъ тучи съ громами,
 Откликнулись степи, вздрогнули лѣса,
 Мелькаютъ знамена съ святыми крестами,
 И меркнуть отъ пыли густой небеса.

30. За падшихъ героевъ отмщенье настало:
 По сушѣ, по морю гуль битвы пошелъ, —
 И знамя Ислама позорно упало,
 Надъ Карсомъ поднялся двуглавый орелъ.

Да здравствуетъ наша родная держава,
 Сыновъ-исполиновъ безсмертная мать!

35. Да будетъ тебѣ вѣковѣчная слава,
Облитая кровью, могучая рать!

- Пусть огнедышащихъ орудій
Намъ зѣвы мѣдныя грозятъ, —
Мы не закроемъ нашей груди
40. Гранитомъ стѣнъ и сталью латъ.

- Любовь къ отчизнѣ закалила
Въ неравныхъ спорахъ нашъ народъ, —
Вотъ сверхъестественная сила
И чудотворный нашъ оплотъ!
45. Твердыня Руси — плоть живая,
Несокрушимая стѣна,
Надежда, слава вѣковая,
И честь, и гордость — все она!

- За насъ Господь! Онъ Русью править,
50. Онъ съ неба жезлъ царю пошлетъ;
Царь по волнамъ жезломъ ударить —
И рати двинутся впередъ,

- И грянуть новые удары...
И вамъ, защитникамъ Луны,
55. За грабежи и за пожары
Отплатятъ Сѣвера сыны.

30 ноября.

116.

П ѣ с н я.

Ковыль, моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла,

Идетъ зима съ вьюгами, а все ты шата-
ешься;

Прошла почти молодость, — отрады нѣтъ мо-
лодцу.

5. Жиль дома — кручинился, покинулъ домъ
на горе;
Работалъ безъ устали, — остался безъ при-
были;
Служиль людямъ правдою, — добра я не вы-
служиль;
Нашель друга пò сердцу, — сгубиль свою го-
лову!

- О милой вся думушка, и грусть, и забо-
тушка,
10. Жду, вòтъ съ нею встрѣчуся, а встрѣчусь —
раскаюся:
Скажу ей чтò ласково, — молчить и не слу-
шаетъ;
Я мукою мучуся, — она улыбается...

- Легко красной дѣвицѣ чужой тоской тѣ-
шиться,
Съ ума сводить молодца, шутить злой измѣ-
ною:
15. Полюбить ненадолго, — забудеть по при-
хоти,
Безъ друга соскучится, — нарядомъ утѣ-
шится...

Ужъ полно печалиться! — твердятъ мнѣ то-
варищи:
Чужое безвремяе не трудно обсуживать!

Узнаешь безсонницу, повѣсишь головушку,
20. Прощаяся навѣки съ послѣднею радостью . . .

Ковыль, моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла . . .
Когда же мы, бѣдные, съ тобой красовались?
Зачѣмъ съ тобой горькіе на свѣтъ показались?

1856 г.

117.

Староста.

Что туча темная
Въ ясный день плыветь, —
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

5. Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

- Пузо перевязано
10. Краснымъ кушакомъ,
Плечи позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

- Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ;
15. Въ сапоги-то новые
Мѣра ржи войдетъ.

Онъ идетъ по улицѣ —
Безъ метлы мететь;

- Курица покажется, —
20. Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль да съ поклонами
Мужики идутъ,
Ребятенки малые
Ко дворамъ ползуть.

25. Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладить усъ да бороду,
Да на людъ глядитъ.

- На небѣ ни облачка,
30. Вѣтерокъ-атъ спитъ,
Солнце землю-матушку,
Что огнемъ, палитъ.

- Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь, —
Стонетъ все гумно;
35. Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужиковъ равно.

- Староста надумался:
«Молоти дружнѣй!»
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
40. Мужиковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то вель разумную,
Дѣло толковалъ.

45. Дура-баба плюнула,
Молотить пошла.

То-то, значить, молодость,
Въ нуждѣ не была!

- Умная головушка
50. Рубить не съ плеча:
Староста не выпустить
Слова сгоряча.

- На скирды посматриваль,
Поглядѣль на рожь, —
55. Поглядѣль и вымолвилъ:
«Умолотъ хорошъ!»

- Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалиль,
Бабѣ съ бровью черною
60. Чорта посулилъ.

«Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...»
— Не грѣшно ли, батюшка? —
«Нѣтъ, коли велю!»

65. Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ,
Безъ метлы подмель.

- На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
70. Весело гумно:
Потомъ обливается
Каждое зерно.

118.

Новая утрата.

Давно ль повеселѣлъ мой уголокъ печальный,
Давно ль я межъ друзей сидѣлъ,
И слушалъ ихъ, и радовался тайно? ..
И вотъ опять осиротѣлъ!

5. Кругомъ глубокое молчанье ...
Однимъ я позабытъ, другой умчался въ даль ...
Да и кому нужна моя печаль?
У всякаго свое страданье!

- Послѣдній другъ безвременно зарытъ ...
10. Угасъ, замученный борьбою
Съ суровой долею, съ безчувственной семьею,
Тоскою медленной убить!

- Погибли молодья силы!
Безжалостной судьбы не могъ онъ побѣдить ...
15. Мой бѣдный другъ! И гробъ твой до могилы
Не удалось мнѣ проводить!

- Все чудится — я слышу милый голосъ,
Все жду, что другъ отворить дверь ...
Одинъ остался я теперь, —
20. На сжатой нивѣ позабытый колосъ!

Безоблачны покуда небеса,
Но сердце у меня не даромъ замираетъ,
И этотъ стихъ не даромъ вызываетъ
Слезу на грустные глаза ...

25. Такъ иногда, передъ грозою,
 Надъ зеркальной поверхностью рѣки,
 Тревожно дѣлая круги,
 Щебечеть ласточка порою . . .

22 февраля

119.

Николаю Ивановичу Второву.

- Какъ другу милому, единственному другу,
 Мой скромный трудъ тебѣ я посвятилъ.
 Ты первый взоръ участя обратилъ
 На музу робкую, мою подругу.
 5. Ты показалъ мнѣ новый лучшій путь,
 На немъ шаги мои направилъ,
 И примирилъ съ людьми, и жизнь любить за-
 ставилъ,
 Развилъ мой умъ, согрѣлъ мнѣ грудь . . .
 Я помню все! Что бѣ ни было со мною, —
 10. Въ одномъ себѣ по гробъ не измѣню:
 Въ день радости, въ день горя — подъ грозою,
 Въ моей душѣ твой образъ сохраню.

26 марта.

120.

Разсказъ моего знакомаго.

Позвольте-ко . . . Сысой . . . Сысой . . .
 Не вспомню воть отечества . . .

- Ахъ, Боже мой! И братъ-то свой —
Изъ нашего купечества...
5. Ну, все равно-съ! Мужикъ — добрякъ
И голова торговая,
А смиренъ, сударь, то-есть — такъ,
Что курица дворовая.
Ни Боже мой-съ не пьеть вина!
10. Ребенокъ съ ребяташками...
Но слабость у него одна —
И спить, то-есть, за книжками...
Оно ни что. Тутъ нѣтъ вреда,
Изъ книгъ, то-есть, вывѣдывать
15. И что, и какъ... да вотъ-съ бѣда —
Любилъ онъ проповѣдывать.
Въ торговлѣ де у насъ обманъ,
Намъ вѣрить де сомнительно,
И то, и то... такой туманъ,
20. Что слушать уморительно.
Бранилъ и билъ отецъ крутой
Его за эти шалости, —
Все толку нѣтъ... Махнулъ рукой
И пересталъ... изъ жалости!
25. И вздумалъ онъ-съ его женить.
Сынъ плачетъ, убивается:
— «Постой, дескать! Зачѣмъ спѣшить?» —
Въ ногахъ, то-есть, валяется!
Отецъ сказалъ, что это вздоръ,
30. Одно непослушаніе.
Сынъ такъ-и-сякъ... и бросилъ споръ,
Исполнилъ приказаніе.
Жена лицомъ, что маковъ цвѣтъ,
Дородная, работница,
35. Мететь, скребетъ, встаетъ чуть свѣтъ,
И мыть и шить охотница.

- Ну-съ, мужъ того . . . ей не мѣшалъ.
 Что думалъ, — дѣло темное,
 И все, то-есть, сидѣль — читаль,
40. Все разное-съ, мудреное.
 Когда-то онъ, когда съ женой
 Словечкомъ перебросится!
 Лежить, то-есть, что пень какой,
 Пойдетъ куда, -- не спросится . . .
45. Жена со зла и ну рыдать:
 Что вотъ де напущеніе —
 И день читать, и ночь читать,
 Жены милѣе чтеніе! . . .
 Мужъ все молчить. Картузь возьметъ,
50. На рынкѣ пошатается . . .
 Нельзя-съ, купецъ! . . . Домой придетъ,
 Никакъ не начитается.
 Груститъ жена: зачѣмъ она
 Жизнь дѣвичью покинула?
55. Она ль глупа? Она ль дурна? . . .
 Да книжки въ печь и кинула.
 Тотъ, знаете, тужиль-тужиль,
 Да съ кислою улыбкою
 И молвилъ ей: «себя сгубиль,
60. Связалъ тебя ошибкою» . . .
 Возьметъ картузь, изъ дома вонъ,
 На рынкѣ пошатается.
 Придетъ домой, — опять трезвонъ!
 Жена не унимается:
65. «Куда ходиль? За чѣмъ пропаль?
 Такой сякой и грамотникъ!
 Жена плоха, иной искалъ . . .
 Не грамотникъ, ты лапотникъ!»
 А завтра то жъ, и послѣ то жъ,
70. Попреки, да разладица,

- И нѣтъ, то-есть, добра на грошъ,
 Такая безпорядица!
 Оказія-сь!.. Жену винить?
 Любовь, то-есть, ревнивая...
 75. И мужа, сударь, грѣхъ чернить:
 Природа молчаливая...
 Молчалъ онъ годъ, молчалъ онъ два,
 Читалъ, что попадалося,
 Тайкомъ, то-есть... Но голова...
 80. Да-сь! Тутъ-вотъ помѣшалось.
 Онъ живъ теперь. Все внизъ глядитъ,
 Ничѣмъ не занимается,
 Глупъ, знаете!.. И все молчитъ
 Да горько улыбается.

Мартъ.

121.

- У кого нѣтъ думы
 И заботъ-кручины,
 Да за то есть радость, —
 Уголокъ родимый.
5. Сядетъ онъ, усталый,
 Съ милою женою,
 Отдохнетъ въ бесѣдѣ
 Сердцемъ и душою.
- На дворѣ невзгода,
 10. Свѣчка нагораетъ...
 На полу малютка
 Весело играетъ.

- Къ дому онъ подходитъ, —
 Путь неровный гладокъ;
 15. Ужинать присядетъ, —
 Бѣдный ужинъ сладокъ.

- Не съ кѣмъ подѣлиться
 Теплыми словами, —
 Поведешь бесѣду
 20. Съ мертвыми стѣнами!

- Облаку да вѣтру
 Горе поразскажешь
 И съ подушкой думать
 Съ вечера приляжешь.
 26 апрѣля.

122.

- Помню я: бывало, няня,
 Долго сидя за чулкомъ,
 Молвить: баловень ты, Ваня,
 Все дурачишься съ котомъ.
5. Встань, подай мою шубейку:
 Что-то холодно, дрожу...
 Да присядь вотъ на скамейку,
 Сказку длинную скажу.
- И старушка съ разстановкой
 10. До полночи говоритъ.
 Съ приподнятою головкой
 Я сажу. Свѣча горитъ.

- Пѣтухи давно пропѣли.
Поздно. Тянется ко сну...
15. Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
И подѣ говорѣ я засну.

- Сонъ покоенъ. Утромъ встанешь, —
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говорѣ... А какъ глянешь
20. На росинки, — самъ не свой!

- Чуть сорока защекочетъ, —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть она, молъ, хочетъ:
«Здравствуй, Ваня! долго спишь!»
25. А теперъ ночной порою
На груди гора лежитъ:
День прожитый предѣ тобою
Страшнымъ призракомъ стоитъ.

- Видишь зла и грязи море,
30. Племя жалкое невѣждъ,
Униженъе, голодъ, горе,
Клочья нищенскихъ одеждъ.

- Поть на пашняхъ за сохами,
Поть въ лѣсу за топоромъ,
35. Потъ на гумнахъ за цѣпами,
На дворѣ и за дворомъ.

- Видишь горькія потери,
Слезы падшей красоты
И затворенныя двери
40. Для убитой нищеты...

И съ тоскою ждешь разсвѣта,
 Давить голову свинецъ.
 О, когда же горечь эта
 Вся исчезнетъ, наконецъ!

27 апрѣля.

123.

[Въ альбомъ Н. В. Плотниковой.]

Прохладно. Всѣ окна открыты
 Въ душистый и сумрачный садъ.
 Въ прудѣ горятъ звѣзды. Ракиты
 Надъ гладью хрустальною спятъ.

5. Пѣвучіе звуки рояли
 То стихнуть, то вновь потекутъ;
 Съ утра соловьи не смолкали
 Въ саду — и теперь все поютъ.

Поникъ я въ тоскѣ головою,
 10. Подъ пѣсни душа замерла...
 Затѣмъ, что подъ кровлей чужою
Минутное счастье нашла...

124.

[Въ альбомъ М. И. Жуно.]

И дикъ, и не весель нашъ сѣверъ холодный,
 Но ты сохранила вполнѣ

Домъ въ имѣніи Плотниковыхъ „Дмитріевкѣ“, гдѣ любилъ бывать И. С. Никитинъ.

И. С. Никитинъ. II.

Т-во „Проевіщеніе“ въ Спб.

Домъ С. Е. Никитина на Никитинской улицѣ въ
Воронежѣ.

Въ флигель направо жилъ (1844—1861) и умеръ И. С. Никитинъ.
Съ фотографіи.

Горячее сердце и разумъ свободный
Въ суровой, чужой сторонѣ.

5. Съ тяжелой тоскою по родинѣ дальней,
Скромна, благородно-горда,
Ты шла одиноко дорогой печальной
Подъ гнётомъ заботъ и труда.

- Ты злому невѣждѣ и плуту не мстила;
10. Какъ голубь, нѣжна и кротка,
Ты черныя сплетни презрѣшьемъ казнила,
Прощала всегда дурака.

- Ты грусти своей показать не хотѣла
Предъ бѣдной и жалкой толпой
15. И смѣло на пошлыя лица глядѣла,
Сквозь слезы смѣялась порой.

- Но рано иль поздно минуетъ невзгода —
Недаромъ ты крѣпла въ борьбѣ, —
Какъ дочери милой, родная природа
20. Откроетъ объятъя тебѣ.

И ты отдохнешь . . . Но подъ кровлей родною
Не помни минувшаго зла;
Повѣрь: на Руси не одною душою
Ты крѣпко любима была.

Май.

125.

* * *

Чуть сошлись мы — другъ друга узнали.
Ваши рѣчи мнѣ въ душу запали,

Но, увы! не услышать мнѣ ихъ,
 Не услышать мнѣ звуковъ родныхъ.

5. Не помочь, видно, горю словами!
 На мгновенье я встрѣтился съ вами,
 Разстаюсь навсегда, навсегда:
 Унесетесь вы Богъ вѣсть куда!

Вотъ какъ жизнь иногда безтолкова!

10. Вотъ какъ доля глупа и сурова!
 Ужъ какъ ляжетъ она на плечахъ, —
 Бѣлый свѣтъ помутится въ глазахъ!

126.

* * *

День и ночь съ тобой жду встрѣчи,
 Встрѣчусь, — голову теряю;
 Рѣчь веду, но эти рѣчи
 Всею душой я проклиная.

5. Рвется чувство на свободу,
 На любовь хочу отвѣта, —
 Говорю я про погоду,
 Говорю, какъ ты одѣта.

Не сердись, не слушай болѣ:

10. Этой лжи я самъ не вѣрю.
 Я не радъ своей неволѣ,
 Я не радъ, что лицемѣрю.

- Такова моя отрада,
 Такъ свой вѣкъ я коротаю:
 15. Тяжело ль, — молчать мнѣ надо,
 Полюблю ль, — любовь скрываю.

127.

Пахарь.

- Солнце за день нагулялося,
 За кудрявый лѣсъ спускается;
 Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
 Въ золотомъ огнѣ купается.
5. На бугрѣ трава зеленая
 Спитъ, вся искрами обрызгана,
 Пылью розовой осыпана
 Да камнями унизана.
- Не слышать-то въ полѣ голоса,
 10. Молча воронъ на межѣ сидитъ,
 Только слышенъ голосъ пахаря, —
 За сохой онъ на коня кричитъ.
- Съ ранней зорьки пашня черная
 Бороздами подымается,
 15. Конь идетъ — понурилъ голову,
 Мужичокъ идетъ — шатается...
- Ужъ когда же ты, кормилецъ нашъ,
 Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
 Изъ земли ты роешь золото,
 20. Самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣеть рожь — тебѣ заботушка:
 Какъ бы градомъ не побилася,
 Безъ дождей въ жары не высохла,
 Отъ дождей не положила.

25. Хлѣбъ поспѣлъ — тебѣ кручинушка:
 Убирать ты не управишься,
 На корню-то онъ осыплется,
 Безъ куска-то ты останешься.

- Урожай — купцы спесивятся;
 30. Годъ плохой — въ семьѣ всѣ мучатся —
 Все твой дворъ не поправляется,
 Дѣтки грамотѣ не учатся.

- Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
 Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
 35. На труды твои да на-горе
 Вдоволь вчужѣ я наплакался!

128.

[Н. В. Плотниковой.]

Какъ голубь, кротка и нѣжна,
 Какъ лань молодая, пуглива,
 О Боже! да будетъ она,
 Какъ ангель небесный, счастлива.

26 августа.

129.

[Н. И. Второву.]

Возверзи печаль твою на Го-
спода и Той тя препитаеъ.

1856, декабря 23.

- Ну, вотъ я дождался разсвѣта.
Гляжу въ окно — все нѣтъ добра!
Чортъ знаетъ! Ни зима, ни лѣто...
Бѣги хоть съ горя со двора!
5. Мой другъ! Скажите, ради Бога,
Когда жъ падетъ надежный снѣгъ,
Окончится ѣзда телѣгъ,
Настанетъ зимняя дорога?
Напрасно я за ворота
10. Спѣшу, обозовъ поджидая, —
Безмолвна улица пустая,
Дворъ пустьъ, въ карманѣ пустота!..
Дай, помолюсь въ тоскѣ-печали!
Не медли матушка-зима!
15. Мы безъ тебя оголодали,
Всѣмъ дворникамъ грозить сума...
О, горе, горе! Въ избахъ пусто...
Куда же дѣнется у насъ
Въ кадушкахъ припасенный квасъ
20. И наша кислая капуста, —
Чѣмъ дорожитъ, къ чему привыкъ
Нашъ русскій баринъ и мужикъ?
Аминь! Да будетъ власть Господня!
Лукичъ мой просится сегодня
25. Къ вамъ въ гости. Этакой осель!
Какъ зюзя съ ярмарки пришелъ...

130.

С п л е т н я .

Живи какъ отшельникъ,
 Гуляй или плачь, —
 Найдеть тебя сплетня,
 Придетъ твой палачь!

5. Двери не отворить,—
 Подъ дверь подползеть,
 Ограда мѣшаетъ, —
 Сквозь камень пройдетъ.

- Въ чемъ грѣшень, не грѣшень, —
 10. Въ набатъ прогудить,
 Навѣкъ обезчестить,
 По гробъ осрамить.

- И въ грязь тебя втопчетъ
 И недругъ, и другъ...
 15. Проклятая сплетня!
 Проклятый недугъ!

131.

В ъ с а д у .

При зарѣ, по водѣ и румянецъ, и тѣнь,
 Въ чащѣ пѣсня да свистъ раздается;
 Притаилъ садъ дыханье, весь нѣга и лѣнь,
 По кудрямъ его золото льется.

5. Долго ль буду я тутъ одиноко бродить,
 Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
 Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
 Молча сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
 На тоску я съ тобой повстрѣчался,
 На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
 Всей душою къ тебѣ привязался!

Ужъ и такъ мои дни были днями потерь:
 Гибли молодость, сила, здоровье...

15. Выносилъ я, терпѣль... Каково жъ мнѣ те-
 перь, —
 Знаетъ Богъ да мое изголовье!

Нѣтъ, не жить мнѣ съ тобою подъ крышей
 одной;

Какъ простимся — и полно встрѣчаться!
 Тяжело мнѣ и горько разстаться съ тобой,
 20. Легче бъ тѣлу съ душою разстаться!

И за что жъ ты, мой другъ, у меня отнята?..
 Ты права. Не тебя обвиняю;
 Виноватъ, видно, я да моя бѣднота...
 Въ первый разъ я ее проклинаяю!

132.

* * *

Разсыпались звѣзды, дрожать и горять;
 За пашнями диво творится:

На воздухѣ синія горы висятъ,
И въ полыми людѣ шевелится.

5. Подвинулось небо назадъ отъ земли,
Водѣ золотой уступило;
Безъ вѣтра плывутъ по водѣ корабли,
Бока ихъ огнемъ охватило...

- А ночь черезъ лѣсъ торопливо ползетъ,
10. Ползетъ — и листа не зацѣпитъ;
Насупила брови, глазами сверкнетъ —
Широкое поле освѣтитъ.

- Опять я съ тоскою домой ворочусь.
Молчалъ бы, да нѣтъ моей мочи:
15. Одинъ я средь поля пятномъ остаюсь,
Чернѣе и пашень, и ночи!

- Гляжу и люблюсь: просторъ и краса...
Въ себя заглянуть только стыдно:
Закиданы грязью мои небеса,
20. Звѣзды ни единой не видно!..

133.

Гнѣздо ласточки.

- Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ, и громъ,
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ,
5. Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мость живой, весь полъ дрожить.

- Шумить вода, рукавъ трясеть,
 На камни рожь дождемъ течеть,
 Подъ жерновомъ муку родить,
 10. Идетъ мука, въ глаза пылить.
 Объ мельникѣ и рѣчи нѣтъ.
 Въ пыли, въ мукѣ, и лысь, и сѣдъ,
 Кричитъ весь день про бѣдный людъ:
 Вотъ тотъ-то мотъ, вотъ тотъ-то плутъ...
 15. Самъ, старый чортъ, какъ звѣрь, глядитъ,
 Чужимъ добромъ и пьянъ, и сытъ;
 Дѣтей забылъ, жену извелъ;
 Барбось съ нимъ жилъ, барбось ушелъ...

- Одна пѣвунья-ласточка
 20. Подъ крышей обжилась,
 Свила-слѣпила гнѣздышко,
 Дѣтьми обзавелась.

- Поетъ, пока не выгнали.
 Чужой-то кровь — не свой;
 25. Хоть не-любо, не весело,
 Да свыкнешься съ нуждой.

- Въ ночь темную, подъ крылышко
 Головку подогнетъ
 И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
 30. Носкомъ не шевельнетъ.
-

1849—1856 гг.

134.

Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть
Въ опустѣломъ дому?
Кому стану я пѣть
О прожитой веснѣ?

5. На призывный мой кличъ
Не приходятъ друзья,
Не заводятъ со мной
Задюшевныхъ рѣчей:

Успокоила ихъ

10. Мать сырая земля;
Крѣпкимъ сномъ они спятъ
Подъ доской гробовой.

Лишь меня сироту,
Словно вѣтеръ ковыль,

15. Горе гонитъ впередъ
По дорогѣ глухой.
-

135.

Вѣчность.

- О, грозная вѣчность,
 Безмолвная вѣчность!
 Какую ты скрыла
 Великую тайну
5. За крѣпкой печатью —
 За дверью могилы? . .
 Что ты? Не одно ли
 Ничтожное слово,
 Пустая угроза
10. Толпы малодушной,
 Дитя предрассудковъ,
 Обманчивый призракъ? . .
 Или ты граница
 Обширной вселенной,
15. Развязка явленій,
 Уму непонятныхъ,
 Тяжелыхъ для сердца,
 И жизни прекрасной,
 Разумно-духовной,
20. Сомнѣнія чуждой, —
 Священный источникъ?

- О, грозная вѣчность,
 Безмолвная вѣчность!
 Крѣпка твоя тайна;
25. Но разумъ мой вѣрить,
 Что ты существуешь:
 Отраднѣе мнѣ думать,
 Что духъ мой безсмертный
 Есть вѣчный наслѣдникъ
30. Безплотнаго царства;

- Что будетъ онъ видѣтъ
 Вѣковъ миллионы,
 Мировъ разрушенье
 И, можетъ быть, новыхъ
 35. Прекрасныхъ твореній
 Конецъ и начало;
 И будетъ, какъ прежде,
 Идти къ совершенству,
 Всегда оставаясь
 40. Разумно-свободнымъ.

 136.

Н е б о .

- Съ глубокою думой
 Гляжу я на небо,
 Гдѣ, въ темной лазури,
 Такъ ярко сверкають
 5. Планетъ мириады.
 Чья мощная сила
 Вращаетъ ихъ чудно
 Въ таинственной сферѣ?
 Когда и откуда
 10. Тѣла ихъ начало
 Свое получили?
 Какія въ составѣ
 Ихъ тѣлъ неизвѣстныхъ
 Основою жизни
 15. Положены части?
 Какое имѣють
 Онѣ назначенье

И кто бытія ихъ
Всесильный виновникъ?

20. Ужъ много минуло
Суровыхъ столѣтій;
Какъ легкія тѣни,
Исчезли народы,
Но такъ же, какъ прежде,
25. Прекрасна природа,
И нѣту песчинки,
Нѣтъ капли ничтожной,
Ненужной въ системѣ
Всего мірозданья;
30. Въ ней все служитъ къ цѣли,
Для насъ непонятной...
И пусть остается
Во мракѣ глубокомъ
Великая тайна
35. Начала твореній;
Не ясно ль я вижу
Печать дивной силы
На всемъ, что доступно
Уму человѣка
40. И что существуетъ
Такъ долго и стройно,
Всегда совершая
Процессъ своей жизни
По общему смыслу
45. Законовъ природы;
И какъ мнѣ повѣрить,
Иль даже подумать,
Чтобъ случай безсильный
Былъ первой причиной
50. Начала, законовъ

Движенья и жизни
Обширной вселенной?

137.

Нужда.

Въ худой часъ, не спросясь,
Какъ полуночный воръ,
Нужда тихо вошла
Въ старый домъ къ мужичку.

5. Сталь онъ думать съ тѣхъ поръ,
Тосковать и блѣднѣть,
Мало ѣсть, дурно спать,
День и ночь работать.

- Все, что долгимъ трудомъ
10. Было собрано въ домъ,
Злая гостя, нужда,
Какъ пожаръ, подняла.

- Стало пусто вездѣ:
Въ закромахъ, въ сундукахъ,
15. На забытомъ гумнѣ,
На широкомъ дворѣ.

- Повалились плетни,
Вѣтеръ всюду гулялъ,
И подъ крышей худой
20. Домъ, какъ старецъ, стоялъ.

За безцѣнокъ пошелъ
Доморощенный скотъ,
Чужой серпъ рано снялъ
Недозрѣлую рожь.

25. Обнищаль мужичокъ,
Сдалъ онъ пашню въ наемъ
И съ молитвой святой
Заперъ наглухо домъ.

- И съ одною сумой
30. Да съ суровой нуждой,
Въ путь-дорогу пошелъ
Новой доли искать;

- Мыкать горе свое,
Въ поясъ кланяться всѣмъ,
35. На людей работать,
Силу-матушку класть...

- Много вытерпѣлъ онъ
На чужой сторонѣ;
Много зла перенесъ
40. И пролилъ горькихъ слезъ;

И здоровье сгубилъ,
И сѣдины нажилъ,
И, подъ кровлей чужой,
Слегъ въ постелю больной.

45. И на жесткой доскѣ
Изнывая въ тоскѣ,
Онъ напрасно друзей
Слабымъ голосомъ звалъ.

Въ часъ ночной, онъ одинъ,
50. Какъ свѣча, догораль
И, въ слезахъ, мѣдный крестъ
Горячо цѣловаль.

И въ досчатомъ гробу,
На дубовомъ столѣ,
55. Долго трупъ его ждалъ
Похоронъ и молитвъ.

И не плакалъ никто
Надъ могилой его
И, какъ стража, на ней
60. Не поставилъ креста;

Лишь сырая земля
На широкой груди
Пріютъ вѣчный дала
Жертвѣ горькой нужды.

Воспоминаніе о дѣтствѣ.

Однообразно и печально
Шли годы дѣтства моего:
Я помню домъ нашъ деревянный,
Кусты сирени вкругъ него,
5. Подъѣздъ, три комнаты простыя
Съ балкономъ на широкой дворъ,
Портретовъ рамы золотыя,
Разнохарактерный узоръ

- Причудливыхъ изображеній
10. На бѣломъ фонѣ потолоковъ, —
Счастливыи плодъ воображенья
Оригинальныхъ маляровъ,
Лампадку передъ образами,
Большой диванъ и круглый столъ,
15. На немъ часы, стаканъ съ цвѣтами,
Подъ нимъ узорчатый коверъ...
Съ какимъ восторгомъ я встрѣчалъ
Чась утра лѣтнею порою,
Когда надъ сонною землею
20. Востокъ безоблачный пылалъ,
И золотистыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ полосатыми полями
Паровъ вставали облака!
25. Съ какой-то тайною отрадой
Глядѣлъ я на лазурь небесъ,
На даль туманную и лѣсъ
Съ его привѣтливой прохладой,
На цѣпь кургановъ и холмовъ,
30. На блескъ и тѣнь волнистой нивы,
На тихо-спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ.
Дитя степей, дитя свободы,
Въ пустынѣ росъ я сиротой,
35. И для меня языкъ природы
Одной былъ радостью святой...
Зато какъ скупенъ я бывалъ,
Когда сырой туманъ осенній
Поля и дальнія деревни,
40. Какъ дымъ свинцовый, одѣвалъ,
Когда деревья обнажались
И лился дождь по цѣлымъ днямъ,

- Когда въ нашъ домъ по вечерамъ
 Сосѣди шумные сбирались,
 45. Бранили вѣчный свой досугъ,
 Однообразный и лѣнивый,
 А самоваръ, какъ вѣрный другъ,
 Ихъ споры слушалъ молчаливо
 И паръ струистый выпускалъ,
 50. Иль вдругъ на ихъ рассказъ безсвязный
 Какой-то музыкаю странной,
 Какъ собесѣдникъ, отвѣчалъ . . .
 Въ ту пору, скукою томимый,
 Отъ шума ихъ я уходилъ
 55. И ночь за книгою любимой,
 Забытый всѣми, проводилъ,
 Иль слушалъ няни устарѣлой
 О блескѣ чудныхъ царствъ и горь
 Одушевленный разговоръ
 60. Во мракѣ залы опустѣлой.

 139.

- Когда Невы, окованной гранитомъ,
 Алмазный блескъ я вижу въ часъ ночной,
 И весело по освѣщеннымъ плитамъ
 Толпа людей мелькаетъ предо мной, —
- 5. Тогда на умъ невольнo мнѣ приходитъ
 Минувшій вѣкъ, когда среди болотъ,
 Бывало, здѣсь чухонецъ бѣдный бродить,
 Дитя нужды, болѣзней и заботъ,
 Тотъ вѣкъ, когда одинъ туманъ свинцовый
- 10. Здѣсь одѣвалъ лѣса и небеса

- И такъ была печальна и сурова
 Пустынныхъ водъ холодная краса.
 И съ гордостью я вспоминаю тайной
 Умъ творческій Великаго Царя,
 15. Любуясь на городъ колоссальный,
 Прекрасное созданіе Петра.

 140.

Помоги ты мнѣ,
 Сила юная,
 Въ роковой борьбѣ
 Съ горькой долею!

5. Нѣтъ мнѣ бѣдному
 Ни въ чемъ счастья,
 И друзья въ нуждѣ
 Меня кинули.

- На пирахъ прошло
 10. Мое золото,
 Радость кончилась
 Съ весной красною.

- На кого жъ теперь
 Мнѣ надѣяться,
 15. Подъ окномъ сидѣть
 Призадумавшись?

Вѣдь что прожито —
 Не воротится,

Что погублено —
20. Не исправится.

Умереть иль жить,
Что бы ни было, —
Гордо встрѣчу я
Горе новое.

141.

Могила.

- Густой травой поросшая могила,
Зачѣмъ къ тебѣ невѣдомая сила
Влечетъ меня вечернею порой?
Зачѣмъ люблю я съ грустію нѣмой
5. Задумчиво глядѣть сквозь сумракъ лунный
На свѣжій твой курганъ и крестъ чугунный? . .
О, сколько разъ отъ клеветы людской
Я уходилъ отыскивать покой
И отдыхать отъ горькаго сомнѣнья
10. Подлѣ гробницъ, въ обители забвенья!
Какъ много здѣсь сокрыто навсегда
Безвременно погибшаго труда,
Надеждъ, заботъ, добра и преступленій
И, можетъ быть, высокихъ вдохновеній!
15. И кто теперъ въ кустахъ густой травы
Укажетъ мнѣ забытые холмы,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спятъ кости гражданина,
Иль мудреца, или поселянина? . .
Здѣсь всѣ равны. Здѣсь слава и позоръ
20. Окончили между собою споръ

И не даютъ отвѣта на призванье;
 Одно только изустное преданье
 Бросаетъ лучъ на ихъ минувшій вѣкъ...
 О, какъ великъ и бѣденъ человѣкъ!..

142.

- Бѣгутъ часы, недѣли и года,
 И молодость, какъ легкій сонъ, проходитъ.
 Ничтожный плодъ страданій и труда
 Усталый умъ въ уныніе приводитъ:
5. Утратами убитый человѣкъ
 Смотритъ кругомъ въ невольномъ изумленьѣ,
 Какъ близъ него свой начинается вѣкъ
 Возникшее недавно поколѣнье.
 Онъ чувствуетъ, печалію томимъ,
10. Что онъ чужой межъ новыми гостями,
 Что жизнь другихъ такъ скоро передъ нимъ
 Спѣшитъ впередъ съ надеждами, страстями;
 Что времени ему духъ новый чуждъ
 И смѣлые вопросы незнакомы,
15. Что онъ теперь на сценѣ новыхъ нуждъ
 Ужъ не актеръ, а только зритель скромный.
-

143.

Уединеніе.

Приличій тягостныя цѣпи
 И праздность долгихъ вечеровъ

- Оставилъ я для тихой степи
И тѣни сумрачныхъ лѣсовъ.
5. Отшельникъ міра добровольный,
Природой дикой окружень,
Я здѣсь мечтою своевольной
Бываю рѣдко увлечень:
Здѣсь подъ вліяньемъ жизни новой
10. И вдохновеннаго труда
Разоблачаетъ умъ суровый
Мои минувшіе года;
И полный мира и свободы,
На жизнь вѣрнѣе я гляжу
15. И въ созерцаніи природы
Уроки сердцу нахожу.

 144.

- Что счастье? — бредъ воображенья,
Любовь — лишь чувственности дань;
Власть — бремя или униженье,
А дружба — лесть или обманъ.
5. Подъ маской радости безпечной
Сокрыта жизни нагота;
Нашъ эгоизмъ — вожатый вѣчный,
Свобода — жалкая мечта.

 145.

Когда, мой другъ, въ часы одушевленья
Далекихъ лѣтъ прекрасное значенье

- Предузнаеть восторженный твой умъ, —
 Какъ я люблю свободу этихъ думъ!
5. Какъ радостно словамъ твоимъ внимаю,
 А между тѣмъ и помню я и знаю,
 Что насъ судьба невѣрная хранитъ,
 Что счастию легко намъ измѣнить
 И, можетъ быть, въ тѣ самыя мгновенья,
10. Когда на грудь твою въ самозабвеньи
 Склоняюсь я горячей головой,
 Быть можетъ, рокъ неожиданно грозой,
 Какъ Божіи громъ, закрытый облаками,
 Уже готовъ обрушиться надъ нами.

146.

Ужъ и какъ же ты,
 Моя жизнь, прошла,
 Какъ ты, горькая,
 Прокатилася!

5. Въ четырехъ стѣнахъ,
 Подъ неволею,
 Расцвѣтала ты
 Одинокою.

- Вѣрно, въ часъ худой
 10. Мать родимая
 Родила меня
 Безгаланнаго,

Что я красныхъ дней
 Во всю жизнь не зналъ,

15. Не скопиль добра,
Не нажилъ друзей;

Что я взросъ себѣ
Только на горе,
А чужимъ людямъ

20. На посмѣшище;

Что нужда и грусть,
Да тяжелый трудъ
Погубили всю
Мою молодость.

25. Или въ свѣтѣ я
Гость непрошенный,
Судьбы-мачехи
Жалкій пасынокъ?

- Или къ счастью
30. Межъ чужихъ дорогъ
И тропинки нѣтъ
Горемычному?..

- У людей разгуль,
Звонкій смѣхъ и пѣснь,
35. За большимъ столомъ
До разсвѣта пирь;

- У людей весна
Непрожитая,
Про запасъ казна,
40. Въ черный день друзья;

А подлѣ меня
Ни живой души,

Одинъ вѣтръ шумитъ
На пустомъ дворѣ.

45. Я сижу одинъ
Подъ окномъ, въ тоскѣ,
Не смыкаю глазъ
До полуночи.

- И не знаю я,
50. Чѣмъ помочь себѣ,
Какой выбрать путь
Не придумаю.

- Оглянусь назадъ —
Пусто, холодно,
55. Посмотрю впередъ —
Плакать хочется.

- Эхъ, грустна была
Ты, весна моя,
Темнѣй осени,
60. Хуже похоронъ;

И состарѣлся
Я до времени,
А умру — мнѣ глазъ
Закреть некому;

65. Какъ безъ радости
Прожилъ молодость,
Такъ и лягу въ гробъ
Неоплаканнымъ;

- И людской молвѣ
70. На поминъ меня

Не останется
Ни добра, ни зла.

Ужъ какъ вспомню я
Тебя, жизнь моя, —
75. Сердце кровію
Обливается!

147.

Отъѣздъ.

Прощайте, темные дремучіе лѣса,
Съ необозримыми степями,
Ландшафты деревень и горъ, и небеса,
Увѣнчанныя облаками,
5. Сугробы снѣжные безжизненныхъ пустынь,
Ночей суровые туманы,
И грозной вьюги шумъ, и тишина равнинъ,
И тучъ холодныхъ караваны!

Прощайте, дикій боръ и мурава луговъ,
10. Ковры волнующейся нивы,
И зелень яркая цвѣтущихъ береговъ,
И рѣкъ широкіе разливы!
Прости, прости и ты, напѣвъ родимый мой,
Мои возлюбленные звуки,
15. Такъ полные любви печальной и нѣмой,
Разгула и глубокой муки!

Не знаю, можетъ быть, уже въ послѣдній
разъ
Мои тоскующіе взоры

Любуются на вашъ сверкающій алмазь,
 20. Во льду закованныя горы.
 Быть можетъ, гробъ одинъ, а не покой души,
 Я отыщу въ странѣ далекой
 И кости положу въ невѣдомой глуши,
 Въ песку могилы одинокой . . .

25. Зовутъ меня теперь иныя небеса,
 Иныхъ долинъ благоуханье,
 И моря синяго угрюмая краса,
 И стонъ и грозное молчанье,
 Величіе и блескъ сіяющихъ дворцовъ,

30. Прохлада роци кипарисной
 И сумракъ сладостный таинственныхъ садовъ
 Съ ихъ красотою живописной,

Безмолвіе и мракъ подземныхъ галлерей,
 Такъ полныхъ вѣковыхъ преданій,
 35. Святыня древняя чужихъ монастырей,
 Обломки колоссальныхъ зданій,
 Тысячелѣтнія громады пирамидъ,
 И храмовъ мраморныхъ ступени,
 И, при лучахъ луны, развалины чудный видъ,
 40. Жилище бывшихъ поколѣній.

Тамъ въ созерцаніи природы и искусствъ —
 Ума созданій благородныхъ, —
 Найду ль я новый миръ для утомленныхъ
 чувствъ,
 Или просторъ для думъ свободныхъ?
 45. Иль снова принесу на сѣверъ мой родной
 Сомнѣнье прежнее и горе,
 И только въ памяти останутся моей
 Чужія небеса и море?

148.

Ж и з н ь.

- Прекрасны молодые годы,
 Когда, не вѣдая утратъ,
 Картины жизни и природы
 Мы начинаемъ изучать!
5. Когда надежды беззакатной
 Звѣзда привѣтливо горитъ,
 И намъ такъ много говоритъ
 Желаній голосъ непонятный;
 Когда въ восторгъ приводитъ насъ
10. Борьба и подвигъ знаменитый,
 И безыскусственный рассказъ
 О старинѣ давно забытой,
 И ночи мракъ, и солнца блескъ,
 И утренней зари сіянье,
15. И музыкальный моря плескъ,
 И вѣтра тихое дыханье,
 Степей безлюдье и просторъ,
 Напѣвы бури заунывной,
 И вѣчный снѣгъ пустынныхъ горъ,
20. И лѣса тѣнь и шумъ призывный...
 И жить въ ту пору мы спѣшимъ,
 Впередъ глядимъ нетерпѣливо,
 И новой жизни перспективу
 Узнать заранѣе хотимъ.
25. А между тѣмъ, какъ метеоръ,
 Воображенье потухаетъ,
 И въ книгѣ жизни юный взоръ
 Картины грустныя встрѣчаетъ;
 Въ душѣ является борьба
30. Глубокой вѣры и сомнѣнья,

И вотъ безпечные года
Берутъ другое направленье.

Актъ жизни прожить — и теперь
Иная сцена предъ очами:

35. Для сердца періодъ потерь
Приходитъ съ пылкими страстями;
Взамѣнъ забытыхъ нами грезъ
Подъ пестротою маскарадной
Находимъ мы источникъ слезъ
40. Въ сущности безотрадной
И, не умѣя примирять
Нужду съ достоинствомъ свободы,
Мы начинаемъ замѣчать
Противорѣчія въ природѣ,
45. Не признавая въ ней чудесъ.
И сколько грустныхъ размышленій
Въ насъ пробуждаетъ интересъ
Разнообразныхъ впечатлѣній:
Терпимый въ обществѣ развратъ
50. И злоба сплетней утонченныхъ,
Ихъ горькій смыслъ и результатъ,
И цѣль вопросовъ современныхъ!..
Потомъ и эта колея
Приводитъ насъ къ явленьямъ новымъ.
55. Здѣсь актъ послѣдній бытія,
Съ его значеніемъ суровымъ:

Здѣсь наша жалкая судьба
Лишается блестящей маски,
И жизнь теряетъ навсегда

60. И свѣтлый колоритъ, и краски,

- И привлекательной весны
Очаровательныя строки,
И прелесть яркой новизны,
И роскошь чудной обстановки.
65. И тише мы впередъ идемъ,
Не видя цѣли сокровенной,
Колелясь межъ добромъ и зломъ,
Безъ истины опредѣленной
О назначеніи своемъ;
70. Теперь не темная мечта
Умъ занимаетъ осторожный:
Нась мучить сердца пустота,
Страстей и горя плодъ ничтожный.
Намъ тяжело припоминать
75. Минувшей молодости повѣсть,
Читать ее и усыплять
Неумолкающую совѣсть,
И въ поколѣнни молодомъ
Казаться лишними гостями,
80. Съ своимъ обманутымъ умомъ
И затаенными слезами,
Въ тоскѣ безмолвно изнывать,
Въ надеждахъ лучшихъ сомнѣваться,
Въ вопросъ о жизни углубляться
85. И постепенно умирать.

149.

Не плачь, мой другъ! Есть много муки
И безъ того въ моей груди;
Повѣрь мнѣ, что лѣта разлуки
Не будутъ гробомъ для любви:

5. Въ какую бѣ дикую пустыню
Я не былъ увлеченъ судьбой, —
Я сохранию мою святыню, —
Твой образъ въ памяти моей.
-

150.

Полночь. Темно въ горенкѣ,
Тишина кругомъ.
Вотъ идетъ подь окнами
Дворникъ съ фонаремъ,

5. Яркій свѣтъ полоскою
Проскользнулъ въ окно,
Глянулъ на печь бѣлую
И — опять темно.

- Экая безсонница,
10. Скука и тоска!
Диво! все мнѣ чуждятся
Рѣчи мужичка!

- Точно какъ и вечеромъ
Онъ сидитъ со мной,
15. Съ жидкою бородкою,
Желтый, испитой,

- Зипунишка старенькій,
Отъ спины кряхтитъ...
Вотъ бѣднякъ откашлялся,
20. Глухо говоритъ:

— Смолоду, касатикъ мой,
Силку потерялъ,
У купца на мельницѣ
Все кули таскалъ.

25. Жиль-то, знаешь, въ бѣдности,
Кони — плохота,
А въ избушкѣ куро, —
Грязь и тѣснота,

- И сынишка ползаетъ,
30. И теленокъ тутъ...
Ну да что ужъ! Вѣдомо,
Какъ у насъ живутъ!

- Дай, молъ, я поправлюся,
Взялъ и нанялся,
35. Плата, знаешь, добрая,
Изъ того взялся.

- Думокъ много думалось:
И коня купить,
Мало-мальски грамотѣ
40. Сына обучить,

Что жъ, молъ, онъ безъ разума
Скоротаеть вѣкъ?
Соху знай и борону —
Будь и человѣкъ.

45. Вздумано — не сдѣлано:
Годъ поработалъ,
Угодилъ хозяину,
А животь сорвалъ.

- Зажиль хуже прежняго...
50. Все бы не бѣда,
Сынъ-атъ... сынъ-атъ, батюшка...
Отъ холеры... да!

- Тяжело на старости,
Божья власть... ништо!
55. А трудиться надобно:
Человѣкъ на то. —

- Чѣмъ мнѣ заплатитъ тебѣ,
Бѣдный мужичокъ,
За святую истину,
60. За благой урокъ?

151.

[Н. И. Второву.]

- Изъ библіотеки старинной
Вамъ томъ разрозненный дарю;
Я, признаюсь, морали чинной
Въ сатирѣ скучной не люблю.
5. Желаю вамъ подѣ этой пылью
Сыскать побольше добрыхъ лицъ;
Пусть вѣетъ сладостною былью
На васъ отъ сѣренькихъ страницъ.
Да, кстати! новость сообщаю:
10. Мой Дмитричъ далеко... увы!
Я самъ извозчиковъ встрѣчаю,
И дворникъ съ ногъ до головы!
-

1857 г.

152.

Лампадка.

Предъ образомъ лампадка догораетъ,
Кидая тѣнь на потолокъ...
Какъ много думъ, думъ горькихъ вызываетъ
Глазамъ знакомый огонекъ!

5. Я помню ночь: передъ моей кроваткой,
Сжавъ руки, съ мукою въ чертахъ,
Вся блѣдная, освѣщена лампадкой,
Молилась мать моя въ слезахъ.

Я былъ въ жару. А за стѣною пѣли, —
10. Шель пиръ семейный, какъ всегда...
Испуганный, я вздрагивалъ въ постели...
Зачѣмъ не умеръ я тогда?

Я помню день: лампадка трепетала;
Шель дождикъ, по стеклу звеня.
15. Отецъ мой плакалъ... мать въ гробу лежала...
Въ глазахъ мутилось у меня.

Но молодость сильна. Вдали блестяло;
Полна надежды, жить спѣша,

- Изъ омута, гдѣ сердце холодѣло,
20. Рвалась впередъ моя душа.

Вотъ эта даль, страна моей святыни,
Гдѣ, мнѣ казалось, свѣтъ горитъ...
Иду по ней, — и холодомъ пустыни
Со всѣхъ сторонъ меня язвить.

25. Увы! лампадки яркое сіянье,
Что было, пробуждая вновь,
Бросаетъ лучъ на новое страданье —
Недавнихъ ранъ живую кровь!

- Я не нашелъ съ годами лучшей доли,
30. Не спасъ меня завѣтный путь
Отъ тонкихъ иглъ, что входятъ противъ воли
Въ горячій мозгъ, въ больную грудь.

Все мракъ и плачъ... рубцы отъ бичеванья...
Разсвѣтъ спасительный далекъ...

35. И гаснутъ дни средь мрака и молчанья,
Какъ этотъ блѣдный огонекъ!

153.

* * *

(Отрывокъ.)

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣеть.
Пожаръ зари надъ нимъ краснѣеть.
Во влажной почвѣ листь сухой

- Безъ звука тонеть подь ногой.
5. Недвижны сосны. Сонъ ихъ чудный
Такъ полонъ грезъ. Едва-едва
Примѣтна неба синева
Сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной
Покрыла цѣпкая трава
10. Сухое дерево. Грозою
Оно на землю свалено
И до корней обожжено.
Тропинка черной полосою
Лежить въ травѣ. По сторонамъ
15. Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
Порою вѣтеръ шаловливый
Разбудить листья, слышенъ шумъ,
И вдругъ все стихнетъ — и на умъ
Приходятъ сказочныя дивы.
20. Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ —
И, мнится, видишь яркій блескъ
Двухъ яркихъ глазъ... Одно мгновенье —
И все пропало. Вотъ рѣка;
Въ зеленой рамѣ лозняка
25. Ея спокойное теченье
Такъ полно силы. Въ челноки
Собрали сѣти рыбаки,
Плывутъ; струи бѣгутъ отъ весель;
Угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ;
30. Мостъ подь телѣгами дрожить;
И скрипъ колесъ, и стукъ копытъ
Тревожатъ цаплю, и пугливо
Она летитъ изъ-подь куста.
Веселый шумъ и суета
35. На мельницѣ. Нетерпѣливо
Вода сердитая реветъ,
Мелькаетъ жерновъ торопливо...

- Пора домой. Ужъ ночь идетъ,
 Огни по небу разсыпаетъ.
 40. Пора домой: семья заботъ
 Меня давно тамъ поджидаетъ;
 Приду, — и встрѣтитъ у воротъ,
 И крѣпко, крѣпко обойметъ...

154.

* * *

Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна...
 Пѣтухи пропѣли;
 Погасиль я свѣчку
 И лежу въ постели.

5. Спать бы — да не спится,
 Весь я какъ разбитый;
 Голову и сердце
 Мучить день прожитый.

- Пусть бы мнѣ на долю
 10. Выпалъ трудъ тяжелый, —
 Да хоть сонъ покойный,
 Да хоть часъ веселый!

- Что жъ ты, жизнь-веселье,
 Пропадаешь даромъ,
 15. Улетаешь прахомъ,
 Исчезаешь паромъ?

Есть же вѣдь у птички,
 Что поеть въ лазури,
 Воля да раздолье
 20. И пріютъ отъ бури.

Запоеть зарю —
 Кто-нибудь услышитъ;
 Веселѣе смотритъ,
 Легче грудью дышитъ.
 25. Ты же, какъ ни бейся,
 Все не въ честь, не въ радость:
 И другимъ не нуженъ,
 И себѣ-то въ тягость.

155.

* * *

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ
 синевѣ,
 Въ тепломя воздухѣ пѣсни и нѣга;
 Голубые цвѣтки въ прошлогодней травѣ
 Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.
 5. Пригрѣваются стекла лучомъ золотымъ;
 Вербы почки свои распустили;
 И съ надворья гнѣздо надъ окошкомъ моимъ
 Сизокрылые голуби свили!
 Что за робкіе гости! чуть мимо идешь, —
 10. Торопливо головки поднимуть,

Смотрять долго и зорко... Того только
ждешь,
Что бѣдняжки приютъ свой покинуть.

- Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять:
Все мнѣ кажется, ихъ испугаю;
15. Беззащитнымъ созданьямъ легко помѣшать,
А легко ль имъ живется — я знаю.

- Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла разсвѣтъ заблѣдетъ, —
Воркотнею своей они будятъ меня:
20. Посмотри, молъ, какъ зорька алѣдетъ.

Сталь уютнѣй, свѣтлѣй уголокъ мой теперь:
Этой кроткой семьи новоселье,
Можетъ быть, послѣ смуть, и борьбы, и по-
терь,
Предвѣщаетъ мнѣ миръ и веселье!

156.

* * *

- Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ,
Озлобленъ умъ и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.
5. Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и непорочны!

Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!

- Убита совѣсть, умеръ стыдъ,
10. И ложь во тьмѣ царить свободно;
Никто позора не казнить,
Никто не плачетъ всенародно!..

- Межъ нами мучениковъ нѣтъ,
На крикъ: «спасите!» нѣтъ отвѣта!..
15. Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

- Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ, —
Чему бы гнубуть, — процвѣтаетъ,
Чему бѣ цвѣсти, — роняетъ цвѣтъ
20. И жалкой смертью умираетъ!..

157.

С о х а.

Ты, соха ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

5. По твоей ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты?

- Про тебя и вспомнить некому...
10. Что жъ молчишь ты, безпривѣтная,

Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?.

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
15. И покоить соху-матушку
Одна ноченька беззвѣдная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается, —
Не твоя ли доля горькая
20. Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу навѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

158.

* * *

Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

5. Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь, — въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь — куда водой несешь,
10. Стороной бредешь — гдѣ путь дадутъ,

Просишь солнышка — гроза идетъ,
Скажешь правду — силой ротъ зажмутъ.

- У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
15. Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости.

- Вѣкъ ты мучишься да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься, —
20. На могилѣ травка дикая!

159.

Удаль и забота.

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе — не горе,
Въ цѣпи закуй — распѣваетъ.

5. Ляжетъ забота — не спится,
Спать ли, пройди — встрепенется;
Спать молодецкая удалъ,
Громомъ ударъ — не проснется.

- Клонится колосъ отъ вѣтра,
10. Вѣтеръ заботу наклонить;
Встрѣтится удалъ съ грозою —
На-ухо шапку заломить.

- Всѣхъ-то забота боится,
Топнуть ногой — поблѣднѣть;
15. Топнуть ногою на удалъ —
Лѣзеть на ножъ, не робѣеть.

- По-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочеть;
Удалъ, не думавъ, добудеть,
20. Кинетъ на вѣтеръ — хочъ

Пѣсня забъ-
Слушъ

Ломить, что ни вздумаетъ,
 Поперекъ да надвое.

- Ахъ, жена сварливая
 10. Пошумить — уходится,
 Съ пѣтухами поздними
 Заснетъ — успокоится.

- Доля безталанная
 Весь день потѣшается,
 15. Растолкаетъ соннаго —
 Всю ночь насмѣхается,

- Грозить мукой, бѣдностью,
 Сулить дни тяжелые,
 Смотрѣть велить соколомъ,
 20. Пѣсни пѣть веселыя.

Пѣсни тѣ веселыя
 Свистомъ покрываются,
 Послѣ пѣсенъ въ три ручья
 Слезы проливаются.

161.

* * *

Медленно движется время, —
 Вѣруй, надѣйся и жди...
 Зрѣй, наше юное племя!
 Путь твой широкъ впереди.

5. Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
- Сѣялось сѣмя вѣками, —
10. Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами, —
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднились съ нимъ...
15. Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
- Стыдъ, кто безмысленно тужить,
Листья зашепчуть — онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служить,
20. Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
25. Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли —
30. Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
-

162.

* * *

- Незамѣнимая, безцѣнная утрата!
 И вѣра въ будущность, и радости труда,
 Чѣмъ жизнь была средь горести богата, —
 Все сгублено безъ цѣли и плода!
5. Какъ хрупкое стекло, все вдребезги разбито
 Желѣзнымъ молотомъ судьбы!
 Такъ вотъ зачѣмъ такъ много лѣтъ прожито
 Въ тяжеломъ воздухѣ, средь горя и борьбы!
 Осталась боль... Незримо и несмѣло,
10. Но врагъ подходитъ въ тишинѣ.
 До времени изношенное тѣло
 Горитъ на медленномъ огнѣ...
 Жизнь обманула горько и обидно!
 А все не вѣрится... все хочешь на пути,
15. Въ глухой степи, гдѣ зги не видно,
 Хоть точку свѣтлую найди
 Но гдѣ жъ она? Гдѣ отъ...
 Гдѣ путеводные...
 Неужто к...
- 20.

163.

Разговоры.

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добръ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

5. За родимый нашъ край
Наше сердце болитъ;
За прожитые дни
Мучить совѣсть и стыдъ.

- Что намъ цвѣсть не даетъ,
10. Держить ростъ молодой, —
Такъ и сбросилъ бы съ плечъ
Этотъ хламъ вѣковой!

- Гдѣ жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ!
15. Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

- Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
20. Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ —
По часамъ мы растемъ!
Закричать: «помогите!»
Черезъ пропасть...

25. Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ —
Глубока, глубока!..

А приходитъ пора

30. Добрый подвигъ начать,
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:

Тутъ раздумье и лѣнь,

Тутъ насъ робость возьметъ...

35. А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!..

164.

Нищій.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходить съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветь.

5. Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за грудь, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаянны,

10. Не умрешь ты безъ крова зимой, —

Жаль разумное Божье создание,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

- Но бѣднѣ и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подѣ окномъ,
15. Цѣлый вѣкъ, изъ одежды да пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

- Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
20. Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

По-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По-смерть жнеть, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

165.

Деревенскій бѣднякъ.

Мужичка-бѣдняка
Господь-Богъ наградилъ:
Душу теплую далъ
И умомъ надѣлилъ.

5. Да злодѣйка-нужда,
И глупа и сильна,
Закидала его
Соромъ, грязью она.

- Ѣдимъ дымомъ въ избѣ,
 10. И курной и сырой,
 Выбдаеть глаза,
 Душитъ зимней порой.

- То работа не въ мочь,
 То расправа и судъ
 15. Молодца-силача
 Въ три погибели гнуть.

- Присмирѣлъ онъ, притихъ,
 Рѣчи скупю ведеть,
 Исподлобья глядитъ,
 20. Силу въ землю кладеть.

- Захирѣй его конь, —
 Бѣдный чортъ виновать,
 Плаксу-бабу бранить
 И голодныхъ ребятъ.

25. Пропадай, дескать, всѣ!..
 На печь ляжетъ ничкомъ, —
 Вихорь крышу развѣй,
 Съ горя все нипочемъ!

- А какъ крикнуть: «пожарь!»
 30. Не зови и не тронь, —
 За чужое добро
 Радъ и въ дымъ, и въ огонь.

- Коли хмель въ головѣ —
 Загуляетъ душа:
 35. Тутъ и горе прошло,
 Тутъ и жизнь хороша.

На дворѣ подѣ дождемъ
Онъ зипунъ распахнетъ,
Про лѣса и про степь,
40. Да про Волгу поетъ.

Проспался, гдѣ упалъ, —
И притихъ онъ опять:
Передъ всѣми готовъ
Шапку рваную снять.

45. Схватить немочь — молчить,
Только зубы сожметъ;
Скажутъ: смерть подошла, —
Онъ рукою махнетъ.

1857—1858 гг.

166.

Ночлегъ въ деревнѣ.

- Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;
5. Закоптѣлая палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряжи, плачь дитяти...
О, нужда, нужда!
10. Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!
-

167.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидить.

Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

5. Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ.
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

10. Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучать.

- Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
15. Старъ и онъ, и спить день цѣлый,
Съ печки не прыгнетъ.

- Старику немного надо:
Лапти сплестъ да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
20. . Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славить Бога,
Боже дитя.

25. Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпаль эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

168.

Пряха.

Ночь и непогодь. Избушка
 Плохо топлена.
 Нитки бѣдная старушка
 Сучить у окна.

5. Ужъ грозы ль она боится,
 Скучно ли, — сидить,
 Спать ложилась, да не спится,
 Сердце все щемить.
- И трещить, трещить лучина,
 10. Свѣтъ на пряху льетъ.
 Прожитая грусть-кручина
 За-сердце беретъ.
- Бѣдность, бѣдность! Мужъ, бывало,
 Хоть подчасъ и пилъ, —
15. Все жилось съ нимъ, горя мало:
 Все жену кормилъ.
- Вотъ подъ старость, какъ ужъ зрѣнье
 Потерялъ навѣкъ,
 Потерялъ онъ и терпѣнье —
20. Грѣшный человѣкъ!
 За сохой ходить — не видитъ,
 Побираться — стыдъ,
 Тутъ безвинно кто обидитъ, —
 Онъ молчить, молчить,
25. Плонетъ, срамными словами
 Долю проклянетъ,

И зальется вдругъ слезами,
Какъ дитя, реветъ...

- Такъ и умеръ. Богъ помилуй —
30. Вотъ морозъ-то былъ!
Бились, бились! Сынъ могилу
Тспоромъ рубилъ!..

- Паренекъ тогда былъ молодъ.
Выросъ, возмужалъ, —
35. Что за сила! Въ зной и холодъ
Устали не зналъ!

- Поведеть ли рѣчь, бывало, —
Что старикъ ведетъ;
Запоеть при зорькѣ алой, —
40. Слушать, — духъ замретъ...

Человѣкъ ли утопаеть,
Иль изба горить,
Что бъ ни дѣлалъ — все бросаетъ,
Помогать бѣжить.

45. И веселье, и здоровье
Далъ ему Господь:
Будь хоть камень изголовье,
Легъ онъ — и заснетъ...

- Справить думалъ онъ избушку,
50. Въ бурлаки пошелъ;
Нѣтъ! Беречь ему старушку
Богъ ужъ не привелъ!

Приусталъ подь лямкой въ стужу,
До костей промокъ,

55. Платье — ветошь, грудь наружу,
Заболѣль и слегъ.

Умеръ, бѣдный! Мать узнала, —
Слезъ что пролила!

Умъ и память потеряла,
60. Грудь надорвала!

И трещить, трещить лучина;
Ниткѣ нѣтъ конца;
Мучить пряжу грусть-кручина;
Нѣтъ на ней лица.

65. Плачь да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ;
Смотрить: по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ,
70. Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ
Въ улицѣ пустой;

Звѣзды искрятся... А вьюга
Въ ворота стучить...

75. И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ.

Ах, прости светлой Чло дхиль!
 Схватилась злата дуля:
 Клавента буря, клавенту валуи,
 Миренитя — поповъ покосилки,
 Птичьи риссы и городъ
 мертвоо, ищетъ лилия посты.
 Охъ, о какой е сь отой. ижекой!
 Въ ней кавадно перелиты:
 Маша — наука — остоу голоу,
 Пачеетъ ладонитъ отъ стѣны.
 Искотъ дорогий торной
 иждивилъ ибоя соборъ похороню
 Тамъ иети, тамъ востъ куда,
 что чо црчи на цурда.
 Знаи — дрейти, какъ дятелъ, сидѣю..
 Души, работа кельежка:
 Добилии, добилии, кончилии дреи —
 Писотъ — не стѣитъ первека!
 Чежики всегда послушени,
 Боротвотетъ, равкодушеса,
 Бветъ наставникати кельеси
 и дурнетъ сь каждымъ днелю.
 Мудрой страсти, мужескии миру,
 Риторъ ститъ да пучежъ сь дурю
 и наставникоти дурю
 Добѣпечетъ въ свой каредъ...
 Это до славы и науки!
 Все слова, пучежи и звуки!

И. С. Никитинъ. II.

Т-во „Просвѣщенію“ въ Спб.

Рукопись стихотворенія

И. С. Никитина.

Архивъ М. Ф. Де-Пуле.

1858 г.

169.

* * *

- Ахъ, прости, святой угодникъ!
Захватила злоба духъ:
Хвалятъ бурсу, хвалятъ вслухъ;
Мірянинъ — поповъ поклонникъ,
5. Читатель рясы и борода,
Мертвой школѣ гимнъ поетъ.
Охъ, знакомъ я съ этой школой!
Въ ней не видно перемѣнъ:
Та жъ наука — остовъ голый,
10. Пахнетъ ладаномъ отъ стѣнъ.
Искони дорогой торной
Мѣдныхъ лбовъ соборъ покорный
Тамъ идетъ, Богъ вѣсть куда,
Что до цѣли за нужда!
15. Знай — долби, какъ дятель, смѣло...
Жаль, работа не легка:
Долбишь, долбишь, кончишь дѣло —
Плодъ — не стоитъ червяка.

- Ученикъ всегда послушень,
 20. Безотвѣтень, равнодушень,
 Бьетъ наставникамъ челомъ
 И дурѣтъ съ каждыиъ днемъ.
 Чуждый страсти, чуждый миру,
 Ректоръ спитъ да пухнетъ съ жиру,
25. И наставниковъ доходъ
 Обеспечень въ свой чередъ . . .
 Что до славы и науки!
 Все слова, пустые звуки! . .
 Дали бь рясу да приходъ!
30. Попъ, обросшій бородою,
 По дворамъ съ святой водою
 Будетъ въ праздники ходить,
 До упаду ѣсть и пить,
 За холстину съ причтомъ драться,
35. Попадьи-жены бояться,
 Рабски кланяться рабамъ
 И потомъ являться въ храмъ.
 Но авось пора настанеть —
 Богъ на Русь святую взглянетъ,
40. Благодать съ небесъ пошлетъ —
 Бурсы молніей сожжетъ!

27 мая.

170.

Дачная жизнь.

Дождь и холодъ — нѣтъ погоды!
 Выйти некуда — хоть брось!
 Виды — сальные заводы . . .
 Выздоровливай, небось!

5. Наслаждайся въ этомъ раѣ!
Слушай музыка пошла:
Свинки хрюкають въ сараѣ,
Лай собака подняла,
На дворѣ кричатъ вороны,
10. Вѣтерѣ свищеть и поетъ;
Въ полѣ слякоть, рожь поклоны
Поминутно отдаетъ.
Вотъ такъ дача! Вотъ такъ радость!
Тутъ отъ скуки пропадешь!
15. Тутъ не жизнь, а прѣсто — гадость,
Тутъ отъ холоду умрешь!
Правда, книги — утѣшенье,
Но весь день читать, читать,
Въ головѣ пойдетъ круженье,
20. Можно зрѣнье потерять!
Не пойти ль къ сосѣду съ горя?
Тамъ хоть люди, говоръ, смѣхъ,
Отдохнешь, шутя иль споря...
Какъ тутъ быть? идти не грѣхъ,
25. Жаль, сосѣдъ съ утра до ночи
Занять дѣломъ... Боже мой!
Какъ ему хватаетъ мочи?
Это — мученикъ святой!
Онъ уменъ — въ глаза не скажетъ:
30. «Эхъ, братъ, шутъ тебя принесъ!..»
Онъ и виду не покажетъ,
А подумать... гм!.. вопросъ!
Что жъ? повѣситься мнѣ, что ли?
Нѣтъ, на дачѣ не рука!
35. Стало — дурно, хорошо ли, —
Маршъ съ двора! ей-ей тоска!

7 іюня.

171.

* * *

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
 Облака съ золотыми краями;
 Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
 Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

5. Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночью;
 Грезитъ колось надъ узкой межою;
 Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ;
 Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

- Кротко звѣздъ золотое сіянье.
 10. Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
 Точно въ храмѣ стою я въ тиши
 И въ восторгѣ молюсь отъ души.

172.

* * *

Ярко звѣздъ мерцанье
 Въ синевѣ небесь;
 Мѣсяца сіянье
 Падаеть на лѣсъ.

5. Въ зеркало залива
 Сонный лѣсъ глядитъ;
 Въ чащѣ молчаливой
 Темнота лежитъ.

- Слышенъ межъ кустами
10. Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

- По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
15. Бродить одиноко
Бѣлый конь впотъмахъ.

- Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
20. Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловить — не глядитъ,
Пляшетъ-присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

25. Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...

- Золотыя нивы,
30. Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлыя заливы,
Безъ конца просторъ,

- Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
35. Такъ и льются сами
Звуки изъ души!
-

173.

* * *

- Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ,
 Пѣсня изъ лѣсу несется,
 Листъ зеленый задѣваетъ,
 Желтый колосъ окликаетъ,
 5. За курганомъ отдается.

- За курганомъ, за холмами,
 Дымъ-туманъ стоитъ надъ нивой,
 Свѣтъ мигаетъ полосами,
 Зорька тучекъ рукавами
 10. Закрывается стыдливо.

- Рожь да лѣсъ, зари сіянье, —
 Дума Богъ вѣсть гдѣ летаетъ...
 Смутно листьевъ очертанье,
 Вѣтерокъ сдержалъ дыханье,
 15. Только молнія сверкаетъ.

174.

[Въ альбомѣ Е. А. Плотниковой.]

- Съ младенчества дикарь печальный,
 Больной, съ изношеннымъ лицомъ,
 Съ какой-то робостію тайной
 Вхожу я въ незнакомый домъ.
 5. Но гдѣ привыкъ, гдѣ я встрѣчаю
 Хозяйки милое лицо, —

Тутъ все забыто: я вбѣгаю
Здоровъ и весель на крыльцо.

- Вотъ такъ и здѣсь: я точно дома;
10. Мнѣ такъ отрадно и тепло;
И радъ я на листкѣ альбома
Писать, что въ голову пришло.

- Хозяйка милая, я знаю,
Мнѣ все простить: она добра;
15. И сталь неловкаго пера
Я неохотно покидаю.
Хотѣлъ бы вновь писать, писать —
До безконечности болтать.

175.

[Въ альбомъ А. Н. О—вой.]

Послушный вашему желанью,
Беру перо, сажусь писать:
Грѣшно прекрасному созданью
Въ невинной просьбѣ отказать.

5. Конечно, жаль! я васъ не знаю;
Увы! скорбитъ моя душа!
Молвѣ я съ жадностью внимаю,
Что вы, какъ ангель, хороша.

- Но все равно. Идите съ Богомъ,
10. Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встрѣчи мнѣ залогомъ
Послужите когда-нибудь.

- Какъ угадать! Сѣдой и хилый,
 Когда весь сморщусь и согнусь,
 15. Авось съ красавицею милой,
 Лѣтъ черезъ десять, я сойдусь.

- Въ тотъ мигъ — его воображаю —
 Добра, прекрасна, молода,
 Она мнѣ скажетъ: «я васъ знаю!»,
 20. И буду счастливъ я тогда.

- «Я съ вами ужъ давно знакома...»
 И этихъ строкъ напомнить рядъ,
 Покажетъ мнѣ листокъ альбома,
 И я отвѣчу: виновать!
 25. Позвольте... эта встрѣча съ вами...
 И волю дамъ карандашу,
 И вдохновенными стихами
 Ея портретъ я напишу.

 176.

* * *

- Въ небѣ радуга сіяетъ,
 Розы дождикомъ омыты,
 Солнце въ зелени играетъ,
 Темный садъ благоухаетъ,
 5. Кудри золотомъ покрыты.

Свѣтъ и тѣнь подъ деревьями
 Переходятъ, какъ живые;

- Мохъ унизанъ огоньками;
Надъ душистыми цвѣтами
10. Вьются пчелы золотыя.

- Въ чащѣ свиста переливы,
Стрекотня и пѣсень звуки.
Подлѣ ты, мой другъ стыдливый...
Слава Богу! мигъ счастливый
15. Уловилъ я въ часъ разлуки!

177.

* * *

Въ темной чащѣ замолкъ соловей,
Прокатилась звѣзда въ синевѣ;
Мѣсяць смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.

5. Дремлють розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, — едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листь.

- Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
10. У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бѣ продлилъ безъ конца, безъ конца!
-

178.

* * *

Помнишь? — съ алыми краями
 Тучки въ озерѣ играли;
 Шапки на ухо, верхами
 Ребятишки въ лѣсъ скакали.

5. Табуномъ своимъ покинуть,
 Конь въ водѣ остановился
 И, какъ будто опрокинуть,
 Недвижимъ въ ней отразился.

- При зарѣ румяный колосъ
 10. Сквозь дремоту улыбался;
 Лѣсъ синѣлъ. Кукушки голосъ
 Въ сонной чащѣ раздавался.

- По полянѣ передъ нами,
 Что ни шагъ, цвѣты пестрѣли,
 15. Тѣнь бродила за кустами,
 Краски вечера блѣднѣли...

- Трепетъ сердца, упоенье —
 Вамъ въ слова не воплотиться!
 Помнишь?.. Чудныя мгновенья!
 20. Суждено ль имъ повториться?

179.

Горькія слезы.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh,
 Das will die Brust zersprengen.
 Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
 Я жизнь растратилъ безъ плода,

И вот проснулась совѣсть-мститель
И жжетъ лицо огнемъ стыда.

5. Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь, —
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь.

- Убить нуждой, убить трудами,
10. Мой братъ и чахъ и погибаль,
Я закрывалъ лицо руками
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.

- Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
15. Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

- Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шель:
Святую личность человѣка
20. До пошлой мелочи низвелъ.

Ты ль это — жизнь къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы, отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!..

180.

* * *

Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги —
Одна лежитъ . . . иди впередъ,

Тащись, покуда служатъ ноги,
А впереди — что Богъ пошлетъ.

5. Все грязь да грязь... Господь помилуй!
Устанешь, духъ переведешь,
Опять впереди! хоть не подь силу,
Хоть плакать въ пору, — все идешь!

- Нужда, печаль, тоска и скука,
10. Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука —
Извѣстно Богу одному.

- Ужъ пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь —
15. Была бы цѣль — душа бь молчала,
Имѣль бы смыслъ тяжелый путь;

- Такъ нѣтъ! Какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ
И, какъ палачъ. неумолимый,
20. Надъ жертвой хохотъ издаетъ...

181.

* * *

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы —
Только васъ вспомнишь, — улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила,

5. Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ глядить...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Прогнали сонъ мой рассказы старушки.

10. Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая —
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
15. Сердце мое замираетъ-дрожить...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,

20. Божія сила да будетъ съ тобою...»
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я... лампадка горить.
Зимняя вьюга шумить и гудить.

25. Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давить тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы — веселье, и сонъ, и здоровье?
30. Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

7 ноября.

182.

* * *

Ахъ, у радости быстрья крылья,
 Золотья да яркія перья!
 Прилетитъ, — вся душа встрепенется,
 Передъ смертью больной улыбнется!

5. Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
 Задержать и мольбою и лаской,
 Отъ тумана глаза бѣ прояснились,
 На веселый ладъ пѣсни бѣ сложились.

- Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
 10. Безъ разсвѣта, да съ холодомъ-вѣтромъ:
 При тебѣ — вся краса изсушится,
 При тебѣ — въ головѣ помутится.

- Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ —
 Весь бы по полю въ бурю развѣялъ,
 15. Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
 Да на сердцѣ смола не кипѣла!

183.

* * *

- Опять знакомья видѣнья!
 Опять, подъ дѣтскій смѣхъ и шумъ,
 Прожитый день припомнилъ умъ,
 Проснулось чувство отвращенья!
 5. О, Боже правый! Вотъ она
 И лжи и подлостей страница, —

- На каждой буквѣ кровь видна...
 Какой позоръ! Вотъ эти лица
 Ханжей, предателей, льстецовъ,
 10. Низкопоклонниковъ, рабовъ,
 Рабовъ расчета и разврата,
 Рабовъ бездушныхъ, ледяныхъ,
 Рабовъ, продать готовыхъ брата,
 И друга, и дѣтей родныхъ,
 15. Рабовъ бездѣля, скуки празднои,
 Страстишекъ мелкихъ и заботъ...
 И ты, въ своей одеждѣ грязной,
 Нашъ бѣдный труженикъ-народъ,
 Несущій крестъ свой терпѣливо,
 20. Ты, — за кого краснорѣчиво
 Ведемъ мы споръ, добро любя,
 Пора ль на свѣтъ вести тебя, —
 И ты мнѣ вспомнился...
- Угрюмо,
- Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
 25. Ты мимо каменныхъ палатъ
 Идешь на трудъ съ тупою думой,
 Полуодѣтъ, полуобутъ,
 Нуждой безжалостной согнуть...
 Неужто, молодое племя,
 30. Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
 Развратъ души, развратъ ума,
 И лѣнь, и мелочность, и тьма?
 Намъ нѣтъ изъ пропасти исхода...
 Влачась и въ прахъ и въ пыли,
 35. О, если бъ мы сказать могли:
 «Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
 Широкой путь, разумный трудъ...»
 Увы! невѣдомъ Божій судъ!

184.

ПѢСНЯ БОБЫЛЯ.

Ни кола, ни двора,
 Зипунъ — весь пожитокъ ...
 Эхъ, живи — не тужи,
 Умрешь — не убытокъ!

5. Богачу-дураку
 И съ казной не спится;
 Бобыль голь, какъ соколь,
 Поеть-веселится.

- Онъ идетъ да поеть,
 10. Вѣтеръ подпѣваетъ;
 Сторонись, богачи!
 Бѣднота гуляетъ!

- Рожь стоитъ по бокамъ,
 Отдаетъ поклоны ...
 15. Эхъ, присвистни, бобыль!
 Слушай, лѣсъ зеленый!

- Ужъ ты плачь ли, не плачь, —
 Слезъ никто не видитъ,
 Оробѣй, загорюй, —
 20. Курица обидить.

- Ужъ ты сытъ ли, не сытъ, —
 Въ печаль не вдавайся;
 Причѣшись, распахнись,
 Шути-улыбайся!

25. Поживемъ да умремъ, —
 Будетъ голь пригрѣта ...

Разумѣй, кто умень, —
Пѣсенка допѣта!

185.

* * *

- Бхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталь онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
5. Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянь,
Вышелъ на улицу весель и пьянь.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
10. «Пей-пропивай! Поживемъ — наживемъ!...»
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,
Шутять, и пляшутъ, и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ-свистить,
О-земь ногой молодецки стучить.
15. Синее небо, и сумракъ, и тишь.
Смотрится въ воду зеленый камышъ.
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежать.
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горять.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
20. Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой;
Бѣлый, какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.

25. Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаётъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги, — ихъ зависть беретъ,
30. Вотъ, моль, упрямицѣ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ.
Сѣдъ онъ и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ — и пропалъ за угломъ.
35. Дѣвкина мать расторопна-смѣла,
Сѣ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла:
«Полно, касатикъ, отстань — не балуй!
Дѣвки моей не позорь, — не цѣлуй!»
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
40. — «Нѣтъ, такъ не надо... другую най-
демъ!...» —
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать.
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна и тепла.

Дѣвичья пѣсня давно замерла.

45. Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышь молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
50. Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ зипунишкѣ и въ старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха-жена,
Плакать бы надо, — не плачетъ она.
55. Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила.

- Что тутъ за диво! и замужъ пойдеть...
 То-то, чай, дѣтокъ на путь наведеть!
 Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порождень?
 60. Кѣмъ ты на гибель и срамъ осуждены?

186.

Мертвое тѣло.

- Парень-извозчикъ въ дорогѣ продрогъ,
 Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ.
 Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
 Горло распухло, чуть-чуть говоритъ.
5. Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
 Пашни родныя куда далеки!
 Какъ на чужой сторонѣ умереть!
 Хотъ бы на мать, на отца поглядѣть!..
- Въ горѣ товарищи держать совѣтъ:
 10. «Ну-ка умереть, — попадемъ мы въ отвѣтъ!
 Изъ дому паспортовъ не взяли мы —
 Ну-ка умереть, — не уйдемъ отъ тюрьмы!»
 Дворникъ встревоженъ, священника ждеть;
 Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.
15. Встали извозчики, всталъ и больной;
 Свѣчка горить предъ иконой святой,
 Бѣлая скатерть на столъ постлана,
 Въ душевой избѣ тишина, тишина...

- Кончилъ молитву священникъ сѣдой,
 20. Вышли извозчики за дверь толпой.
 Парень шатается, дышитъ съ трудомъ,
 Старець стоитъ недвижимъ со крестомъ.
 «Страшенъ судъ Божій! покаясь, мой сынъ!
 Богъ тебя слышитъ да я лишь одинъ...»
25. — «Батюшка!.. грѣшенъ!..» — больной
 простоналъ;
 Палъ на колѣни и громко рыдалъ.
 Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
 Крови и плоти святой приобщилъ,
 Сълъ, написалъ: вотъ такой приобщенъ.
 30. Дворнику легче: исполненъ законъ.
 Полночь. Всѣ въ домѣ уснули давно.
 Въ душной избѣ, какъ въ могилѣ, темно.
 Скупо въ углу рукомойникъ течетъ,
 Капля за каплею звукъ издаетъ.
35. Мѣрно кузнечикъ куетъ въ тишинѣ,
 Кто-то невнятно бормочетъ во снѣ.
 Вѣтеръ печально поетъ подь окномъ,
 Воетъ-голоситъ, Господь вѣсть по комъ.
 Тошно впотъмахъ одному мужику:
40. Сны-вѣщуны навѣвають тоску.
 Съ жесткой постели, въ раздумьи, онъ всталъ,
 Ощуплю печь и лучину сыскалъ,
 Красное пламя изъ угля добылъ,
 Ярко больному лицо освѣтилъ.

45. Тихъ онъ лежитъ, на лицѣ доброта,
Впалыя щеки бѣлѣе холста.
Свѣсились кудри, открыты глаза,
Въ мертвыхъ глазахъ не обсохла слеза.
Вздрыгнулъ извозчикъ. «Ну, вотъ, дожда-
лись!»
50. Дворника будить: «проснись-подымись!»
— «Что тамъ?» — «Товарищъ нашъ мер-
твый лежитъ...»
Дворникъ вскочилъ, какъ безумный глядитъ.
— «Охъ, попадете, ребята, въ бѣду!
Вы попадете и я попаду!»
55. Какъ это паспортовъ, какъ не имѣть!
Знаешь начальство... не станеть жа-
лѣть!..» —
Вдругъ у него на душѣ отлегло.
— «Тсс... далеко ли, братъ, ваше село?» —
«Версть этакъ двѣсти... не близко, родной!»
60. — «Нечего мѣшкать! ступайте домой!
Мертваго можно одѣть-снарядить,
Въ сани ввалить да веретьемъ покрыть;
Подлѣ села его выньте на свѣтъ:
Умеръ дорогою — вотъ и отвѣтъ!» —
65. Думаетъ-шепчетъ проснувшійся людъ.
Бхать не радость, не радость и судъ.
Помочи, видно, тутъ нечего ждаты...
Быть тому такъ, что покойника взять...

- Бѣлѣть снѣгъ въ степи глухой,
 70. Стоить на ней ковыль сухой;
 Ковыль сухой и старъ, и сѣдъ,
 Блестить на немъ мороза слѣдъ.
 Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
 Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ;
 75. А глубь небесъ въ огняхъ горить;
 Вкругъ мѣсяца кольцо лежитъ;
 Звѣзда звѣздѣ привѣты шлетъ,
 Холодный свѣтъ на землю льетъ.
 Въ степи глухой обозъ скрипитъ;
 80. Передній конь идетъ-храпитъ.
 Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,
 Съ ума нейдетъ въ селѣ ночлегъ,
 Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ,
 Теперь его все страхъ беретъ:
 85. Мертвецъ за нимъ въ саняхъ лежитъ,
 Живому степь бѣдой грозитъ.
 Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
 Растетъ сѣдой и рѣчь ведетъ:
 «Мертвецъ въ саняхъ! мертвецъ въ са-
 няхъ!..»
 90. Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
 По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
 «Товарищи! сюда иди!
 Эй, дядя Петръ! мертвецъ встаетъ!
 Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!»
 95. Извозчики на кличъ бѣгутъ,
 О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ.
 Блестить ковыль, сквозь чуткій сонъ
 Людскую рѣчь подслушалъ онъ...
- Вотъ ужъ покойникъ въ родимомъ селѣ.
 100. Убранъ, лежитъ на дубовомъ столѣ.

- Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь:
«Соколь мой ясный, скажи что-нибудь!
Какъ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротатъ,
Горькое горе встрѣчать, провожать! . . .»
105. — «Полно, старуха! ей мужъ говорить:
Полно, касатка!» — и плачетъ навзрыдь.
Чу! колокольчикъ звенить и поеть,
Ближе и ближе — и смолкъ у воротъ.
Грозный чиновникъ въ избушку спѣшитъ,
110. Дверь отворилъ, на порогъ кричить:
«Эй, старшина! понятыхъ собери!
Слышишь, каналья? да живо, смотри! . . .»
Все онъ провѣдалъ, про все разузналъ,
Доктора взялъ и на судъ прискакалъ.
115. Трупъ обнажили. И вотъ, второпахъ,
Въ фартукъ бѣломъ, въ зеленыхъ очкахъ,
По-локоть докторъ рукавъ завернулъ,
Острою сталью надъ трупомъ сверкнулъ.
Вскрикнула мать: «Не дадимъ, не дадимъ!
120. Сынъ это мой! не ругайся надъ нимъ!
Сжался, родной! отступись-отойди!
Мать свою вспомни . . . во грѣхъ не входи! . . .»
— «Вывести бабу!» — чиновникъ сказалъ.
Докторъ на трупѣ пятно отыскалъ.
125. Бѣднымъ извозчикамъ сдѣланъ допросъ,
Обнялъ ихъ ужасъ — и кто что понесъ . . .
Жаль васъ, родимые! жаль, соколы!
«Эй, старшина! подавай кандалы!»
-

1859 г.

187.

Старый слуга.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спить напролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.

5. Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!

- Въ курточкѣ красной, бывало,
10. Весель, завить и румянь,
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;

- Бьетъ, и кричить, и смѣется,
Дѣтскою саблей звенить;
15. Вдругъ къ старику повернется —
«Смирно!» и ножкой стучить.

Ниткой его зануздаетъ,
На спину сядетъ верхомъ,

- Въ шутку кнутомъ погоняеть,
20. Ёдетъ по залѣ кругомъ.

Радъ мой старикъ — и проворно
На четверенькахъ ползеть.
«Стой!» — и онъ станетъ покорно,
Бровью съдой не моргнуть.

25. Ручку ль барчукъ шаловливый,
Ножку ль убьетъ за игрой, —
Вздоргнетъ слуга боязливый:
«Баринъ ты мой золотой!»

- Шопотомъ тужить-горюеть:
30. «Не досмотрѣлъ я, злодѣй!»
Барскую ножку цѣлуетъ...
«Бей меня, батюшка, бей!»

- Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшень навѣтъ!
35. Пусть бы ужъ много пропало, —
Ложки серебряной нѣтъ!

- Смотрить старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами, —
40. Такъ ему баринъ велѣлъ.

Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся,
Такъ напугали его.

45. Господи! горе и голодъ...
Долго ли чахнуть въ тоскѣ?..

Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И загулялъ въ кабакъ.

Пей, безталанная доля!

50. Пилъ онъ, и пѣлъ, и плясалъ...
Волюшка, милая воля,
Гдѣ же твой свѣтъ запропаль?..

И потащился полями,
Пьяный, въ родное село.

55. Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло,

Снѣгъ заметалъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ...

60. Легъ онъ, надвинулъ шапченку,
И середь поля застылъ.

188.

* * *

Живая рѣчь, живые звуки, —
Зачѣмъ вамъ чужды плоть и кровь?
Я въ васъ облекъ бы сердца муки,
Мою печаль, мою любовь.

5. Въ груди огонь, въ душѣ смятенье
И подавленной страсти стонъ,
А ваше мѣрное теченье
Наводитъ скуку или сонъ...

- Такъ, недоступно и незримо,
 10. Въ насъ зрѣеть чувство иногда,
 И остается навсегда
 Загадкою неразрѣшимой,
 Какъ мученикъ, прожившій вѣкъ,
 Намъ съ дѣтства близкій человѣкъ.

189.

* * *

- Перестань, милый другъ, свое сердце пугать.
 Что намъ завтра сулитъ — мудрено угадать.
 Посмотри: изъ-за синяго полога тучъ
 На зеленый курганъ брызнула золотомъ лучъ.
 5. Колокольчикъ поникъ надъ росистой межой,
 Алой краской покрыть василекъ голубой,
 Сироты-павилики румяный цвѣтокъ
 Приласкался къ нему и обвилъ стебелекъ.
 Про таланъ золотой въ полѣ пахарь поетъ,
 10. Въ потемнѣвшемъ лѣсу отголосокъ идетъ.
 Въ каждой травкѣ — душа, каждый звукъ —
 говоритъ,
 Въ синевѣ про любовь голосъ птички зве-
 нить...
 Только ты все грустишь, словъ любви не
 найдешь,
 Громовыхъ облаковъ въ день безоблачный
 ждешь.
-

190.

* * *

- И дождь и вѣтеръ. Ночь темна.
 Въ уснувшемъ домѣ тишина.
 Никто мнѣ думать не мѣшаетъ.
 Сижу одинъ въ моемъ углѣ.
 5. При свѣчкѣ весело играетъ
 Полоска свѣта на окнѣ.

- Я радъ осенней непогодѣ:
 Мнѣ шумъ толпы невыносимъ.
 Я, какъ дикарь, привыкъ къ свободѣ,
 10. Привыкъ къ стѣнамъ моимъ роднымъ.
 Здѣсь все мнѣ дорого и мило,
 Хоть радости здѣсь мало было...

- Святая ночь! Теперь я чуждъ
 Дневныхъ тревогъ, насущныхъ нуждъ.
 15. Онѣ забыты. Жизни полны,
 Видѣнья свѣтлыя встаютъ,
 Изъ глубины души, какъ волны,
 Слова послушныя текутъ.

- И грустно мнѣ мой трудъ отраднѣй,
 20. Когда въ окно разсвѣтъ блеснетъ,
 Мѣнять на холодъ безпощаднѣй,
 На бремя мелочныхъ заботъ...
 И снова жажду я досуга,
 И темной ночи жду, какъ друга.
-

191.

Могила дитяти.

Посвящается Н. И. Второву.

Надъ твоей могилой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.

5. Вьются-распѣвають
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листьями.

- Спишь ли ты, малютка,
10. Или такъ лежится? .
Встань и полюбуйся,
Что кругомъ творится.

- Всталь бы ты, — нѣтъ воли:
Тѣсный домъ твой прочень;
15. Выходъ на свѣтъ Божій
Крѣпко заколочень.

- Спи, дитя! Едва ли
Стоить просыпаться,
На людское горе
20. Сердцемъ надрываться.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна;
Спи, дитя родное,
Суждено такъ, видно.

25. Сонъ твой — сонъ отраднѣй.
Крестъ и камень бѣлый
Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло.

Перелетнымъ гостьямъ
30. Благодать святая,
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья-птичка,
Брызги разсыпаетъ,
35. Чуткѣй слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

И. С. Никитинъ. П.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

И. С. НИКИТИНЪ.

Съ фотографіи, принадлежавшей А. М. Тюриной и хранящейся въ
Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ.

1860 г.

192.

* * *

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ, — точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная.

5. Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло да сгибло безъ времени,
Спать, точно мертвое, спать, какъ убитое,
Солнышкомъ Божимъ навѣки забытое.

- Солнышко Божье на свѣтъ поскупилось,
10. Счастье-веселье на зовъ не явилось;
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

- Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
15. Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ останется?
Чѣмъ моя жизнь при бездолю помянется?..

193.

* * *

Я радъ молчать о горѣ старомъ,
 Мнѣ къ чернымъ днямъ не привыкать;
 Но вотъ вопросъ: неужто даромъ
 Мнѣ нужно силы расточать?

5. Утраты, нужды и печали,
 Къ чему меня вы привели?
 Какой мнѣ путь вы указали?
 Какое благо принесли?

- Дождусь ли я успокоенья,
 10. Отъ мукъ разумнаго плода?
 Рѣши ты, жизнь, мои сомнѣнья,
 Когда ты смысла не чужда...

- Но если ты полна позора,
 Обмана, мелочныхъ заботъ, —
 15. Во что же вѣрить? Гдѣ опора —
 Изъ темной пропасти исходъ?

- Исходъ... Едва ли онъ возможенъ.
 Душа на скорбь осуждена,
 Изныло сердце, умъ встревоженъ,
 20. А даль темна, какъ ночь, темна...

Ужъ не пора ли лечь въ могилу:
 Усопшихъ сонъ невозмутимъ.
 О, Боже мой! Пошли Ты силу
 И миръ душевный всѣмъ живымъ!

194.

[Поэту-обличителю.]

Обличитель чужого разврата,
 Проповѣдникъ святой чистоты,
 Ты, что камень на падшаго брата
 Поднимаешь, — сойди съ высоты!

5. Ужъ не первый въ величьи суровомъ,
 Врагъ неправды и лѣни тупой,
 Какъ гроза, своимъ огненнымъ словомъ
 Ты царишь надъ послушной толпой.

- Дышитъ рѣчь твоя жаркой любовью,
 10. Безъ конца ты готовъ говорить,
 И, подумаешь, собственной кровью
 Счастье ближнему радъ ты купить.

- Что жъ ты сдѣлалъ для края родного,
 Безкорыстный мудрецъ-гражданинъ?
 15. Укажи, гдѣ для дѣла благого
 Потерялъ ты хоть волосъ одинъ!

- Твоя жизнь, какъ и наша, бесплодна,
 Лицемѣрна, пуста и пошла...
 Ты не понялъ печали народной,
 20. Не оплакалъ ты горькаго зла.

Нищій духомъ и словомъ богатый,
 По наслышкѣ о всемъ ты поешь
 И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
 За свою всенародную ложь.

25. Будь ты проклято, праздное слово!
 Будь ты проклята, мертвая лѣнь!
 Покажись съ твоей жизнію новой,
 Темноту прогоняющій день!

- Передъ нами — нѣмая могилы,
 30. Позади — одна горечь потерь...
 На тебя, на твои только силы,
 Молодежь, вся надежда теперь.

- Много поту тобою прольется,
 И, быть можетъ, въ глуши, безъ слѣдовъ,
 35. Очистительныхъ жертвъ принесется
 Въ искупленье отцовскихъ грѣховъ.

- Не легка твоя будетъ дорога,
 Но иди, — не погибнетъ твой трудъ.
 Знамя чести и истины строгой
 40. Только крѣпкіе въ бурю несуть.

Безконечное мысли движенье,
 Царство разума, правды святой —
 Вотъ прямое твое назначенье,
 Добрый подвигъ на почвѣ родной!

195.

* * *

Теперь мы вышли на дорогу,
 Дорога, — просто благодать!
 Ужъ не сказать ли: слава Богу?
 Трудъ совершенъ. Чего желать?

5. Душѣ просторъ, уму свобода...
Да, умъ нашъ многое постигъ:
О благѣ бѣднаго народа
Мы написали груду книгъ.
- Всѣ эти дымныя избенки,
10. Гдѣ въ полумракѣ, въ тѣснотѣ,
Полунагіе ребятенки
Растутъ въ грязи и нищетѣ,
- Гдѣ по ночамъ горитъ лучина,
И, рабъ нужды, при огонькѣ,
15. Сѣдой, какъ лунь, старикъ-кручина
Плететъ лаптишки въ уголкѣ,
- Гдѣ жница-мать въ широкомъ полѣ,
На вѣтрѣ, въ нестерпимый зной,
Забывъ усталость поневолѣ,
20. Малютку кормитъ подъ копной.
- Ея уста спеклися кровью,
Работой грудь надорвана...
Но, Боже мой! съ какой любовью
Малютку пѣстуетъ она!
25. Все это нынѣ мы узнали,
И, наконецъ, — о, мудрый вѣкъ!
Какъ дважды два, мы доказали,
Что и мужикъ нашъ — человѣкъ.
- Все суета!.. махнемъ рукою...
30. Насъ чернь не слушаетъ, молчитъ,
Упрямо ходить за сохою
И недовѣрчиво глядитъ.

- Покамѣсть умъ нашъ созидаетъ
 Дворцы да башни въ облакахъ,
 35. Горячій потъ она роняетъ
 На нивахъ, гумнахъ и дворахъ,

- Въ глухой степи, въ лѣсной труппѣ,
 Средь улицъ селъ и городовъ,
 И, утомясь, въ досчатомъ гробѣ
 40. Опочиваетъ отъ трудовъ.

Чѣмъ это кончится?.. Едва ли,
 Ничтожной жизни горькій плодъ,
 Не ждуть насъ новыя печали
 На мѣсто прожитыхъ невзгодъ.

196.

Поминки.

- Ни тучки, ни вѣтра, и поле молчитъ.
 Горячее солнце и жжетъ и палитъ,
 И пылью покрытая, будто мертва,
 Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава,
 5. И слышится только въ молчаніи дня
 Веселыхъ кузнечиковъ звонъ-трескотня.

- Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ;
 На трупѣ коня воронъ черный сидитъ,
 Кровавый свой клювъ поднимаетъ порой
 10. И каркаетъ будто вѣщунъ роковой.
 Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика,
 Была твоя служба вѣрна и крѣпка!

Побой и голодъ — ты все выносишь
И духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ испустишь.

15. Мужикъ горемычный рукою махнулъ,
И снялъ съ него кожу и, молча, вздохнулъ,
Вздохнулъ и заплакалъ: «Ни што, моль, не
въ прокъ! . . .»
И кожу сырую въ кабакъ поволокъ.
И пѣлъ онъ тамъ пѣсни, свисталъ соловьемъ:
20. «Пускай пропадаетъ! Гори все огнемъ!»
Со смѣхомъ народъ головами качалъ:
«Гляди, моль, ребята! Онъ умъ потерялъ —
Со зла свое сердце гульбой веселить,
По мертвой скотинѣ поминки творить».

197.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуеть.
На камнѣ мужикъ одиноко горюеть;
У ногъ его кучами пепель лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

5. Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ ды-
рявой,
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

- Не годъ и не два онъ терялъ свою силу:
10. На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу,

Онъ клалъ ее дома, съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ на чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ
доли,

- Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
15. И трескалась кожа . . . да что за бѣда!
Ужь, видно, не жить мужику безъ труда.

- Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, и въ полѣ другая ходила,
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
20. И только выдерживалъ пахарь-мужику.

Просиль, безотвѣтный, не счастья у Неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба;
Подкралась бѣда, все метлой подмела, —
У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола.

25. Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужась пожара,
И матери старой пронзительный стонъ
Въ то время, какъ въ полымя кинулся
онъ

И выхватилъ сына, что спалъ въ колы-
бели;

30. За нимъ по слѣдамъ потолоки загремѣли . . .
Пускай догорають! . . Мужикъ опаленъ
И нищій теперь, да ребенокъ спасенъ.

198.

[М. О. Де-Пуле.]

Mein Freund, отъ тоски изнываю,
 Не вижу покойнаго дня;
 И пищу и сонъ забываю:
 Чортъ дернулъ влюбиться меня!

15 августа.

199.

[М. О. Де-Пуле.]

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
 Сижу ль одинъ въ моемъ углѣ,
 Не слышу я рѣчей разумныхъ,
 Лица не вижу Де-Пуле.

15 августа.

200.

Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
 Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
 Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
 Слышу я, слышу, чей плачь разливается:
 5. Бѣдность голодная, грязью покрытая,
 Бѣдность несмѣлая, бѣдность забытая, —
 Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за пол-
 ночь,

- Гибнетъ она — и никто нейдетъ на помощь,
 Гибнетъ она — и опоры нѣтъ волоса,
 10. Теплаго сердца, знакомаго голоса . . .
 Горькій полынъ — эта пѣснь невеселая,
 Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
 Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
 Эту я пѣсно про бѣдность пою.

I.

15. Морозъ трещить, и воетъ выюга,
 И хлопья снѣга другъ на друга
 Ложатся, и растутъ сугробъ.
 И молчаливый, будто гробъ,
 Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
 20. Ужъ печь не топится три дня,
 И нечѣмъ развести огня,
 И дверь рогожей не обита,
 Она стара и вся въ щеляхъ;
 Бѣлѣтъ иней на стѣнахъ,
 25. Окошко инеемъ покрыто,
 И отъ мороза на окнѣ
 Вода застыла въ кувшинѣ.

- Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
 И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
 30. Портной озябъ. Онъ нездоровъ
 И головой поникъ въ истомѣ.
 Печальна жизнь его была,
 Печально молодость прошла,
 Прошло и дѣтство безотрадно:
 35. Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
 На камняхъ ногу изломалъ,
 Его посѣкли безпощадно . . .

- Не умерь онъ. Полубольнымъ
 Все росъ да росъ. Но чѣмъ кормиться?
40. Что въ руки взять? Чему учиться?
 И самоучкой сталъ портнымъ.
 Женился бѣдный, — все не радость:
 Жена недолго пожила
 И Богу душу отдала
45. Въ родахъ подь Пасху. Вотъ и старость
 Теперь пришла. А дочь больна,
 Ужъ кровью кашляетъ она.
 И все прядеть, прядеть все пряжу,
 Иль молча спицами звенить,
50. Перчатки вяжетъ на продажу,
 И все грустить, и все грустить.
 Робка, какъ птичка полевая,
 Живетъ одна, живетъ въ глуши,
 Въ глухую полночь, чуть живая,
55. Встаетъ и молится въ тиши.

II.

- Морозъ и ночь. Въ своей постели
 Не спитъ измученный старикъ.
 Его глаза глядятъ безъ цѣли,
 Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ,
60. Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
 И посмотрѣла на отца:
 Онъ блѣденъ, хуже мертвеца...
 «Что жъ ты не спишь?» она сказала.
 — Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло...
65. Ты не озябла? — «Мнѣ тепло...»

И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
 Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?

- Суму надѣть, иль воромъ быть?
 О, будь ты проклять, страшный голодь!
70. Куда идти? Кого просить?
 Иль самого себя убить?
 Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
 Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
 Дочь посинѣла и дрожить...
75. Хотѣлъ заплакать, — слезъ не стало...
 И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
 Побрель онъ съ костылемъ въ рукѣ.
 Куда? Онъ думалъ не о пищѣ,
 Шель не за хлѣбомъ, — на кладбище,
80. Шель бить могильщику челомъ;
 Онъ былъ давно ему знакомъ.
 Но какъ начать? Неловко было...
 Портной съ нимъ долго толковалъ
 О томъ, о семъ, а сердце ныло...
85. И, наконецъ, онъ шапку снялъ:
 «Послушай, сжался, ради Бога!
 Мнѣ остается жить немного;
 Нельзя ли тутъ вотъ, въ сторонѣ,
 Могилу приготовить мнѣ?»
90. — Ого! — Могильщикъ улыбнулся. —
 Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
 Умрешь, — зарюютъ, не грусти...
 Грѣшно болтать-то безъ пути... —
 «Зарюютъ, другъ мой, я не спорю.
95. Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!
 Куда просить поидеть она?
 Кого?.. Ужъ пособи ты горю!
 Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
 Я заплатилъ бы... вырой, братъ!..»
100. — Земля-то, видишь ты, застыла...
 Рубить-то будетъ не легко. —

- «Ты такъ . . . не очень глубоко,
 Не очень . . . все-таки могила!
 ¶Просить и совѣстно, — нужда!»
 105. — Пожалуй, вырыть не бѣда. —

III.

- И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
 Въ бреду онъ громко говорить,
 Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
 Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
 110. Что онъ повѣситься хотѣлъ,
 И только Катю пожалѣлъ.
 Дочь плачетъ: «Полно, ради Бога!
 У насъ тепло, обита дверь,
 И чай налить: онъ есть теперь,
 115. И есть дрова и хлѣба много, —
 Все дали люди . . . Встань, родной!»
 И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
 — «Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
 Смѣется . . . Кто тутъ зарыдалъ?»
 120. Не кашляй! тише! кровь польется . . .»
 И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

201.

* * *

За прялкою баба въ понявѣ сидитъ;
 Ребенокъ больной въ колыбели лежитъ;
 Лежитъ онъ, — и въ ротъ не беретъ молока,
 Кричитъ онъ безъ умолку — слушать тоска.

5. Торопится баба: рубашка нужна;
Совсѣмъ-то, совсѣмъ обносилась она:
Надѣтъ-то ей нечего, просто — напастъ!
Прядетъ она ночью, днемъ некогда прядетъ.

- И за-полночь ярко лучина горитъ,
10. И грудь отъ сидѣнья щемитъ и болитъ,
И взглядъ притупился, устала рука...
Дитя надрывается, — слушать тоска!

- Пришлось поневолѣ работу бросать.
«Ну, что, мое дитятко? — молвила мать:
15. Усни себѣ съ Богомъ, усни въ тишинѣ,
Вѣдь некогда, дитятко, некогда мнѣ!»

- И баба садится, и снова прядетъ,
И снова покою ей крикъ не даетъ.
«Молчи, говорю! мнѣ самой до себя!
20. Ну, чѣмъ же теперь исцѣлю я тебя?»

Поютъ пѣтухи; видно скоро разсвѣтъ:
Дымится лучина и гаснетъ — и нѣтъ;
Притихъ и ребенокъ и глазки сомкнулъ.
Уснулъ онъ, — да только ужъ навѣкъ уснулъ.

23 декабря.

202.

Мать и дочь.

Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.

5. Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

- Все пѣсни распѣваетъ,
10. Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораеть,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

- А дочь съ восходомъ солнца
Иглу свою беретъ,
15. У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

- Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ,
Докучныхъ мухъ жужжанье
20. Покоя не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ умолку звучить...
И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипить.

25. Народъ неутомимо
По улицѣ снуеть.
Идетъ все мимо, мимо, —
Богъ вѣсть, куда идетъ.

- Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
30. И некому мѣшать,
Осталось — къ подушкѣ
Припасть — и зарыдать.

203.

Погостьъ.

Глубина небесъ синѣеть,
 Свѣтитъ яркая луна.
 Церковь въ сумракѣ бѣлѣеть,
 На погостѣ тишина.

5. Тишина — не слышно звука.
 Не горить огня въ селѣ.
 Безпробудно скорбь и мука
 Спать въ кормилицѣ-землѣ.

- Спать въ землѣ нужда-неволя,
 10. Спать кручина бѣдняковъ,
 Спать безвыходная доля.
 Миръ вамъ, кости мужичковъ!

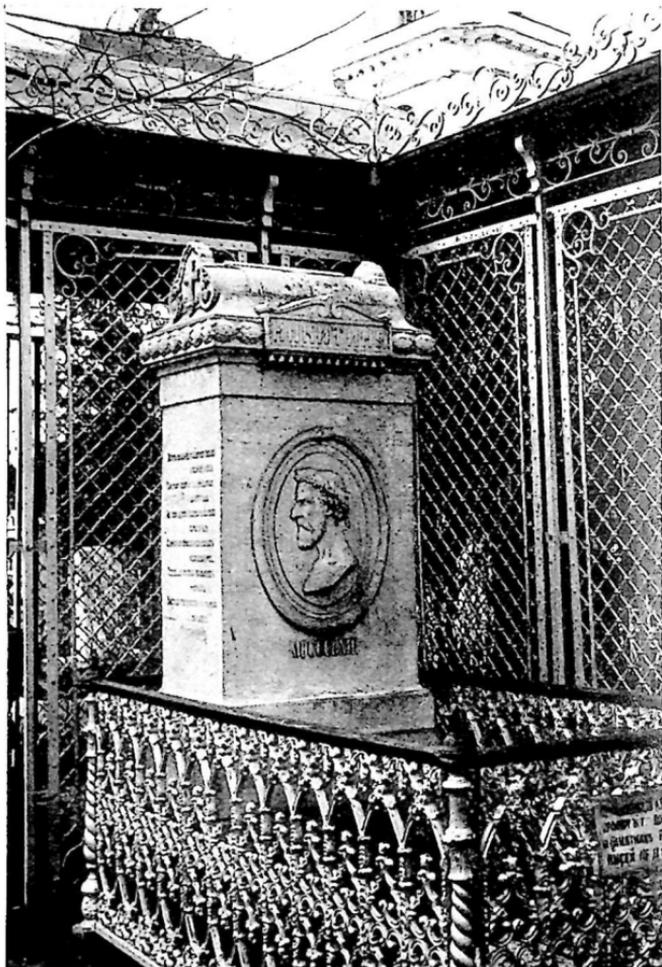
- Догорѣли ваши силы
 Тише свѣчки восковой.
 15. Донесли вы до могилы
 Крестъ свой, кровью облитой . . .

- Миръ вамъ, старья невзгоды!
 Память вѣчная слезамъ!
 Вѣть въздухомъ свободы
 20. По труппамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
 Проникаютъ въ глушь и дичь,
 Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
 По степямъ веселый кличъ.

И. С. Никитина, II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Могила И. С. Никитина на Ново-Митрофановскомъ кладбищѣ въ Воронежѣ.

Съ фотографіи.

204.

* * *

- Вырыта заступомъ яма глубокая.
 Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
 Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
 Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
5. Горько она, моя бѣдная, шла
 И, какъ степной огонекъ, замерла.

- Что же? усни, моя доля суровая!
 Крѣпко закроется крышка сосновая,
 Плотнo сырою землею придавится,
10. Только однимъ человѣкомъ убавится...
 Убыль его никому не больна,
 Память о немъ никому не нужна!..

- Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная —
 Гостя погоста, пѣвунья залетная,
15. Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
 Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
 Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ.
 Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!
-

1861 г.

205.

Хозяинъ.

- Впряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ на-диво овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестять при заревѣ заката.
5. Купцу дай Господи пожить:
Широкоплечъ, какъ клюква, красенъ,
Казной отъ бѣды обезопасенъ,
Здоровъ, — о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюеть.
10. Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидить на мельницѣ, пируеть.
Вода реветъ, вода шумить,
Отъ грома мельница дрожить,
15. Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами —
И стукотня и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
20. И кулакомъ объ столъ стучить.

«И выпью! . . . кто мнѣ помѣшаетъ?
И пью . . . самъ чортъ не запретить!
Пей, Марья! . . .»

— То-то ненаглядный,

- Ты мнѣ на платьѣ обѣщаль . . . —
25. «И кончено! Сказаль — и ладно,
И будетъ такъ, какъ я сказаль.
Мнѣ что жена? Сыта, одѣта —
И все . . . вотъ выпрягу коня
И прогуляю до разсвѣта,
30. И баста! Обними меня! . . .»

- Вода шумить — не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипить,
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горить.
35. Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,
Скользить по листьямъ лозняка.

- Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
40. Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною стопой.

- Ужъ поздно. Свѣчка нагорѣла.
Больной лежитъ и смерти ждетъ.
45. Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали;
Остатокъ прежней красоты,
Печать раздумья и печали
50. Еще хранять его черты.

- Такъ, освѣщенные зарею,
 Въ замолкшемъ надолго лѣсу,
 Листы осеннею порою
 Еще хранять свою красу.
55. Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
 На сердцѣ запеклася кровь —
 И радость навѣкъ позабыта . . .
 А ты, горячая любовь,
 Явилась поздно. Доля, доля!
60. И если бъ раньше ты пришла, —
 Какой бы здѣсь приютъ нашла?
 Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
 Здѣсь горе гнѣзда вѣтъ свои,
 И вѣтъ холодъ отъ порога,
65. И стѣны дома смотреть строго . . .
 Здѣсь нѣтъ приюта для любви!
 Лежитъ больной, лицо печально,
 И будто тѣнью лобъ покрытъ;
 Такъ, лѣтомъ, только догоритъ
70. Румяной зорьки лучъ прощальный, —
 Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
 Стоитъ угрюмъ и темень лѣсъ.

- Родная мать роняетъ слезы,
 Облокотясь на столъ рукой.
75. Надежды, молодости грезы,
 Миръ сердца — этотъ рай земной —
 Все унесло, умчало горе,
 Какъ буйный вихрь уносить пыль,
 Когда въ степи шумить ковыль,
80. Шумитъ взволнованный, какъ море,
 И догораетъ вся до-гла
 Грозой зажженная ветла.

- Плачь больше, бѣдное созданье!
И не слезами, — кровью плачь!
85. Безвыходно твое страданье
И безпощаденъ твой палачъ.
Невесела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба:
Ты жизнь убила, какъ раба,
90. И не была никѣмъ любима...
Твой мужъ... но виновать ли онъ,
Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
Когда бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
95. Какъ много ранъ нанесено, —
Себя онъ проклялъ бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
100. Увы! сгубилъ тебя запой!..
Твоя слеза на кровь походить...
Плачь больше!.. Въ воздухѣ чума!..
Любимый сынъ въ могилу сходить,
Другой давно сошелъ съ ума.
105. Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и блѣденъ и хилъ;
Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
Бровью и глазомъ мигаетъ проворно,
Правой рукою и взадъ, и впередъ
110. Водитъ по палкѣ и пѣсно поетъ:
«На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!

115. И грудь онъ когтями съ досады терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ.
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка . . . »

Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо
руками

120. И плачетъ горькими слезами:
«Больно мнѣ! больно мнѣ! мозгъ мой горитъ.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка! полно рыдать!
Долго ли намъ эту жизнь коротать?»
125. Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь! закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! мозгъ мой го-
реть! . . . »

- Больной все слушалъ эти звуки,
130. Горѣлъ на медленномъ огнѣ,
Сказать хотѣлъ онъ: дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины,
135. За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
140. Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна —
Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?

145. И догорающій въ постели,
 Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
 Хотѣлъ онъ на своемъ пути
 Хоть точку свѣтлую найти —
 И не сыскалъ.
- Такъ въ полдень жгучій,
150. Спустившись съ каменистой кручи,
 Томимый жаждой, пѣшеходъ
 Искать ключа въ оврагъ идетъ.
 И долго тамъ, усталый, бродить
 И влаги капли не находить,
155. И падаетъ, едва живой,
 На землю, съ болью головной...
- «Ну, отпирай! заснули скоро!..»
 Ударивъ въ ставень кулакомъ,
 Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
160. Печальный домъ, пріютъ раздора!
 Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
 Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
 Срывать покровъ, какъ уголь черный!
 Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
165. Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
 Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный
 И плаха съ топоромъ лежитъ!..
 За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
 Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
170. За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
 За то, что радости здѣсь нѣтъ,
 Ни ласкъ, ни милаго объятъ,
 За то, что гибнетъ человѣкъ, —
 Я шлю тебѣ мои проклятыя,
175. Чужой оплакивая вѣкъ!..
-

206.

[Н. А. Матвѣевой.]

На лицо твое солнечный свѣтъ упадаль,
 Ты со взоромъ поникшимъ стояла;
 Крѣпко руку твою на прощанье я жаль,
 На устахъ моихъ рѣчь замирала.

5. Я не могъ отъ тебя своихъ глазъ отвести.
 Одна мысль, что намъ нужно разстаться,
 Поглощала меня. Повторялъ я: «Прости!»
 И не могъ отъ тебя оторваться.

- Понимала ли ты мое горе тогда?
 10. Или только, какъ ангель прекрасна, —
 Покидала меня безъ нужды и труда,
 Будто камень холодный, безстрастна?..

- Вотъ затихъ стукъ колесъ средь безлюд-
 ныхъ равнинъ,
 Улеглась за нимъ пыль за тобою;
 15. И, какъ прежде, я снова остался одинъ
 Съ безпощадной, безсонной тоскою.

- Догорѣла свѣча. Бродить сумракъ въ углахъ,
 Поля сіяетъ отъ луннаго свѣта;
 Безконечная ночь! Въ этихъ душныхъ стѣ-
 нахъ
 20. Зарыдай, — не услышишь отвѣта...
-

207.

[Н. А. Матвѣевой.]

Я васъ не смѣю раздражать,
И повинуюсь молчаливо,
И хоть совсѣмъ не радъ молчать,
Молчать я буду терпѣливо.

5. «Но, ради самого Христа,
Къ чему вся эта пестрота,
Вся эта смѣсь стиховъ и прозы,
Все это шуточки, или слезы?» —

10. Отчасти плодъ тяжелой скуки,
Отчасти плодъ душевной муки
И нездоровой головы».

15. При томъ, скажу чистосердечно,
На васъ мнѣ трудно угодить:
Едва шутить начну безопасно, —
Сейчасъ упрекъ: «зачѣмъ шутить!»

20. Не весель я, — опять укоры,
Опять нахмуренные взоры;
Но какъ же быть мнѣ, мой Творецъ!..
Assez! Довольно, наконецъ.

За то, что вралъ напропалую,
За то, что мучилъ этимъ васъ,
Склонивъ колѣни, въ этотъ часъ
Прахъ вашей ножки я цѣлую.

25. А ручку можно ли пожать?
Нельзя? Такъ что и толковать!
Къ чему излишняя награда?
Такая милая отрада
Меня съ ума бь теперь свела,
30. А вы . . . вы не творите зла.
Мнѣ остается передъ вами,
Принявъ видъ скромности святой,
Стоять съ поникшей головой
И съ потупленными глазами,
35. Или забыть весь свѣтъ, — и вдругъ
Воскликнуть. . . . .

208.

Исповѣдь.

- Охъ, водкой зашибаюсь . . .
Что дѣлать! не таюсь.
И передъ Богомъ каюсь,
Передъ людьми винюсь.
5. И рукава вотъ прорваны,
И рожа не чиста,
И силы понадорваны,
И совѣсть пропита, —
Какъ есть дошелъ до подлости!
10. Эхъ, крутъ былъ мой отецъ!
Держалъ меня онъ въ строгости,
Богатый былъ купецъ;
Онъ взялъ меня отъ азбучки
И въ лавку посадилъ;
15. Проклятой этой лавочки
Теперь я не забудь.

- Бывало, кровь бросается
Въ лицо мнѣ отъ стыда:
Все плутовствомъ кончается...
20. А не сплутуй — бѣда!
«Нѣтъ, ты пойми ученіе, —
Накинется отецъ, —
Ты будь, мое почтеніе!
По правиламъ купецъ...»
25. Что слово, — брань обидная.
Стоишь, въ ушахъ звенить,
И въ сердцѣ злость постыдная
Противъ отца кипить.
Сказаль бы слово смѣлое,
30. Молчишь, — хоть тяжело...
И черное за бѣлое
Идетъ тебѣ на зло.
Привычка — вещь мудреная,
Привыкъ я ко всему;
35. Рѣшилъ, что доля темная, —
Такъ нужно быть тому.
Оплеванный, обруганный,
Я злился на себя;
Людей, какъ звѣрь напуганный,
40. Боялся, не любя.
Привыкъ я къ послушанію.
Но разъ не умолчалъ!
Отцу по приказанію
Я библію читалъ.
45. Горѣла свѣчка сальная,
Въ углу мурлыкалъ котъ
И пѣлась пѣснь печальная,
Богъ вѣсть кѣмъ, у воротъ.
Отецъ ходилъ нахмуренный,
50. И полъ подъ нимъ скрипѣлъ;

- Съ стѣны оштукатуренной
 Портретъ его глядѣль.
 Читаль я, — что за чтеніе!
 Ученъ я плохо былъ,
 55. И какъ-то удареніе
 Не тамъ постановилъ.
 Отецъ мой плеть ременную
 Снялъ молча со стѣны
 И... въ эту ночь безсонную
 60. Я видѣль въ явѣ сны,
 Сны страшные!.. Покойникомъ
 Я будто бы лежалъ,
 Зарѣзанный разбойникомъ,
 И кровью подплывалъ...
 65. Эхъ, молодость безпечная!
 Ничто ей не бѣда!
 Выноситьъ все, сердечная,
 Какъ полая вода...
 Я выросъ. Что печалиться!
 70. Я думалъ, наконецъ:
 Пора ужъ мнѣ оправиться...
 «Женись!» сказалъ отецъ.
 Я спорить. — «Врешь! Приказано!
 Не то — всего лишу,
 75. Вотъ такъ и будетъ сказано:
 Въ духовной напишу».
 Подумалъ я съ подушкою,
 Подумалъ, — какъ тутъ быть?
 Какъ за чужой краюшкою
 80. Въ чужомъ углу мнѣ жить?
 Огласка, порицаніе,
 Попрекъ со всѣхъ сторонъ...
 А гдѣ образованіе?
 Чему я обученъ?

85. Я правъ, моль, дѣло честное.
Повѣрить ли народъ?
Ужъ что за мнѣнье лестное —
Съ отцомъ-де не живетъ.
Молчи, душа свободная!
90. На все одинъ отвѣтъ...
Жена моя дородная,
Лицо, что маковъ цвѣтъ,
Жила въ семействѣ, стряпала
И стряпать замужъ шла,
95. Передъ вѣнцомъ поплакала
И... и приютъ нашла.
Приду домой — молчаніе.
Сидимъ мы. Какъ тутъ быть?
Ну, просто, наказаніе!
100. О чемъ съ ней говорить?
Скажу: «погода скверная!»
Отвѣтитъ: «да, дурна» —
А вижу: баба вѣрная,
Степенная жена.
105. Сидимъ мы. Мнѣ зѣвается,
Зѣвнетъ она въ отвѣтъ.
Тутъ ужинъ начинается
И сонъ, а тамъ — разсвѣтъ.
Безъ грусти съ ней прощаемся,
110. Приду, — молчимъ опять,
За столъ опять собираемся...
Хоть петлю надѣвать!
Пошлешь тоскѣ проклятіе —
И маршъ съ двора чуть свѣтъ,
115. На рынкѣ есть занятіе
И дружба и совѣтъ.
Гуляй, душа родимая!
Зальешь глаза виномъ,

И грязь непроходимая,
120. И пропасть — нипочемъ.

209.

Порывы.

Людскую скорбь, вопросы вѣка —
Я знаю все... Какъ другъ и братъ,
На скорбный голосъ чловѣка
Всегда откликнуться я радъ.

5. И только. Многое я вижу,
Но воля у меня слаба,
И всей душой я ненавижу
Себя, какъ подлаго раба.

Какъ я неправду презираю,
10. Какой я чловѣкъ прямой,
Покуда жизни не встрѣчаю
Лицомъ къ лицу, — о, Боже мой!

И если бь въ жизнь переходили
Мои слова, — враги мои
15. Меня давно бь благословили
За сердце, полное любви.

Погась порывъ мой благородный.
И что же? Тѣшится надъ нимъ
Какой-нибудь глупецъ холодный
20. Безумнымъ хохотомъ своимъ.

«Такъ вотъ-съ какъ было это дѣло, —
 Мнѣ говорить степнякъ-сосѣдь: —
 Себя онъ вель ужъ очень смѣло,
 Сказать бы: да, онъ скажетъ: нѣтъ.»

25. «Упрямство . . . вотъ и судить криво:
 За правду стой, да какъ стоять!
 Ну, перенесъ бы молчаливо,
 Коли приказано молчать.»

- «Вотъ и погибъ. Лишился мѣста,
 30. Притихъ и плачетъ, какъ дитя,
 Дѣтишекъ куча, дочь невѣста,
 И въ домъ хлѣба ни ломтя . . .»

— «Какъ вамъ не совѣстно, не стыдно!
 Какъ повернулся вашъ языкъ!»

35. Мнѣ просто слушать васъ обидно! . . .» —
 Я поднимаю громкій крикъ

И весь дрожу. Лицо пылаетъ,
 Какъ левъ пораненный, я золь,
 Сигара въ уголь отлетаетъ,

40. Нога отталкиваетъ столъ.

Сосѣдь смѣется: «Что вы! что вы!
 Обидѣль, что ли, я кого?
 Ужъ вы на ножъ теперъ готовы,
 Ха-ха, ну стоять ли того?»

45. И въ самомъ дѣлѣ, я рѣшаю:
 Что портить кровь изъ пустяковъ!
 Махну рукой и умолкаю:
 Не переучишь дураковъ.

- Берусь за книгу ради скуки,
 50. И желчь кипить во мнѣ опять:
 Расчетъ, обманы, слезы, муки,
 Насилье... не могу читать!

- Подлецъ на добромъ возить воду,
 Умъ отупѣль, заглохъ отъ сна...
 55. Ужели грѣшному народу
 Такая участь суждена?

- «Ты дома?» — двери отворяя,
 Чудакъ знакомый говорить
 И входить, тяжело ступая.
 60. Онъ неуклюжъ, угрюмъ на видъ.

- Взглядъ ледяной, косыя плечи,
 Какой-то шрамъ между бровей.
 Умень, какъ бѣсъ, но скупъ на рѣчи,
 Трудолюбивъ, какъ муравей.
 65. «Угодно ли? Была бь охота,
 Есть случай бѣдняку помочь —
 Безъ платы... не легка работа:
 Сидѣть придется день и ночь,

- «Писать, читать, въ архивѣ рыться —
 70. И жертва будетъ спасена».
 — «А ты?» — «Безъ платы что трудиться!»
 — «Изволь! мнѣ плата не нужна».

- И вотъ къ труду я приступаю,
 И горячусь и невпадаю
 75. Особу съ вѣсомъ задѣваю;
 Я рвусь изъ силъ, меня бранять.

Туть остановка, тамъ помѣха;
Я радъ бы жертвѣ, радъ помочь,
Но вдругъ!.. Мнѣ тошно ждать успѣха,
80. Мнѣ эта медленность невмочь.

И все съ досадой я бросаю,
И послѣ (жалкій человѣкъ)
Надъ бѣдной жертвой я рыдаю,
Клянусь своей бесполезный вѣкъ.

85. Нѣтъ, трудъ упорный — грузъ свинцовый.
Я другъ добра, я гражданинъ,
Я мученикъ, на все готовый,
Но мученикъ на мигъ одинъ.

Неизвѣстные годы.

210.

* * *

Постыдно гибнетъ наше время!..
Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ —
Послушно носить наше племя
Оковы тяжкія рабовъ.

5. И стоимъ мы позорной доли!
Мы добровольно терпимъ зло:
Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
На насъ проклятіе легло!

- Мы рабство съ молокомъ всосали,
10. Сроднились съ болью нашихъ ранъ.
Нѣтъ! Въ насъ отцы не воспитали,
Не подготовили гражданъ.

- Не мстить насъ матери учили
За цѣпи сильнымъ палачамъ —
15. Увы! безсмысленно водили
За палачей молиться въ храмъ!

- Про жизнь свободную не пѣли
Намъ сестры... нѣтъ! подъ гнетомъ зла
Мысль о свободѣ съ колыбели
20. Для нихъ невѣдомой была!

И мы молчимъ. И гибнетъ время . . .
 Насъ не пугаетъ стыдъ цѣпей —
 И цѣпи носить наше племя,
 И молится за палачей . . .

211.

* * *

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
 Мысль убита, ротъ зажать,
 Въ глубинѣ души проклятья,
 Слезы на сердцѣ кипятъ.

5. Русь подъ гнетомъ, Русь болѣетъ;
 Гражданинъ въ тоскѣ нѣмой —
 Явно плакать онъ не смѣетъ,
 Сынъ объ матери больной!

- Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
 10. Царство скорби и цѣпей,
 Царство взятокъ и мундира,
 Царство палокъ и плетей.

212.

* * *

. . . . .
 Падетъ презрѣнное тиранство,
 И цѣпи съ пахарей спадутъ,

- И ты, изнѣженное барство,
 Возьмешься нехотя за трудъ.
5. Не намъ, иному поколѣнью,
 Отдашь ты бичъ свой вѣковой
 И будешь ненавистной тѣню,
 Пятномъ въ исторіи родной...
 Весь твой развратъ и вѣроломство,
10. Всѣ козни — время обнажить,
 И просвѣщенное потомство
 Тебя проклятемъ поразить.
 Мужикъ, теперь твоя опора,
 Твой воля — и больше ничего, —
15. Со славой выйдетъ изъ позора,
 И вновь не купишь ты его.
 Ужъ всходитъ солнце земледѣльца!..
 Забитый, онъ на мечь не скоръ;
 Но знай: на своего владѣльца
20. Давно ужъ точить онъ топоръ...

 213.

* * *

Ноетъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ...
 Ужъ и гдѣ жъ вы, друзья? отзовись хоть
 одинъ!

- Не на пиръ васъ прошу: до пировъ ли пришло!
 Дорогое душѣ отжилось, отцвѣло,
5. Только горе живетъ, только горе растеть —
 Ужъ когда жъ тебя, горе, погибель возьметъ?..
 Безотвѣтны друзья... Только вѣтеръ шумить,
 Въ полѣ вѣтеръ шумить, громъ надъ лѣсомъ
 гремитъ,

- Вспыхнетъ туча огнемъ, виденъ путь мой
впотъмахъ,
10. Путь лежитъ — извился чернымъ змѣемъ въ
поляхъ...
Подожди — какъ зимой соловей запоетъ,
Вотъ тогда-то на горе погибель придетъ...
-

214.

Филантропъ.

- Втихомолку гостьей неожиданной,
Гостьей неожиданной да незванной,
Къ мужику нужда подкралася,
Подкралася, привязалася.
5. Съ сумой нищенской оставила,
Снимать шапку всѣмъ заставила...
Ахъ! головушка поклонная!
У тебя ли ночь бессонная,
- Щеки блѣдныя да впалыя,
10. Да безъ хлѣба дѣти малыя,
На боку изба раскрытая,
Чтò пустырь — гумно забытое!
- Пожалѣль богачъ голоднаго,
Безпріютнаго, холоднаго,
15. Не казной помогъ, такъ ласкою,
Не совѣтами, такъ сказкою.

- Ты забудь дескать и сонъ, и лѣнь,
 Работай-трудись и ночь, и день:
 За трудомъ ты не измучишься,
 20. Уму-разуму научишься...

Ужъ спасибо жъ тебѣ за слово,
 Что сказала красно да ласково!
 Только въ горѣ да при бѣдности
 Не до сна и не до лѣности.

25. Не дари жъ ты бѣдныхъ золотомъ,
 Да не бей рѣчьми, какъ молотомъ.

215.

Пѣвицѣ.

О, пой еще! Безумной муки
 Я снова жажду до конца!
 Пусть унесутъ святые звуки
 Вседневный холодъ отъ лица.

5. И вновь откликнется послушно
 Въ душѣ, отравленной тобой,
 Что угасало равнодушно,
 Что было отнято судьбой.

- Воскреснуть вновь былыя грѣзы
 10. И принесутъ иной весны
 Давно утраченныя слезы,
 Давно подавленные сны.

- И пѣсень вольные призывы
Сойдутъ любовію полны,
15. Какъ на безжизненные нивы
Сіянье солнца и весны.
-

216.

Ж и з н ь.

- Жизнь раскинулась вольною степью...
Поѣзжай, да гляди — не плошай!
За холмовъ зеленѣющей цѣпью
Ты покоя найти не желай.
5. Хорошо подъ грозою-мятелю,
Хорошо подъ дождемъ проливнымъ,
По степямъ, въ безконечномъ весельѣ,
Тройкой бѣшеной мчатся по нимъ!
- Ну жъ, ящикъ! Пристегни коренную,
10. Что насупился? Вдаль погляди:
Что за ширь! Ну-ка пѣсно родную,
Чтобы сердце зануло въ груди,
Чтобы вышли проклятыя слезы,
Тѣ, что гнетомъ легли надъ душой,
15. Чтобы вдаль, подъ небесныя грозы
Намъ летѣть безконечно съ тобой.
-

217.

Собратью.

Ты умрешь на больничной подушкѣ,
 Кое какъ похоронять тебя,
 И покончишь ты вѣкъъ одинокій,
 Никого никогда не любя.

5. И никто надъ могилой твоею
 Не помолится грустной душой —
 Только синее небо надъ нею
 Растоскуется вьюгой-грозой.

- Только птицы слетятъ издалека
 10. Надъ твоимъ непримѣтнымъ крестомъ,
 Только зорька надъ нимъ заиграетъ
 Предразсвѣтнымъ румянымъ лучомъ...

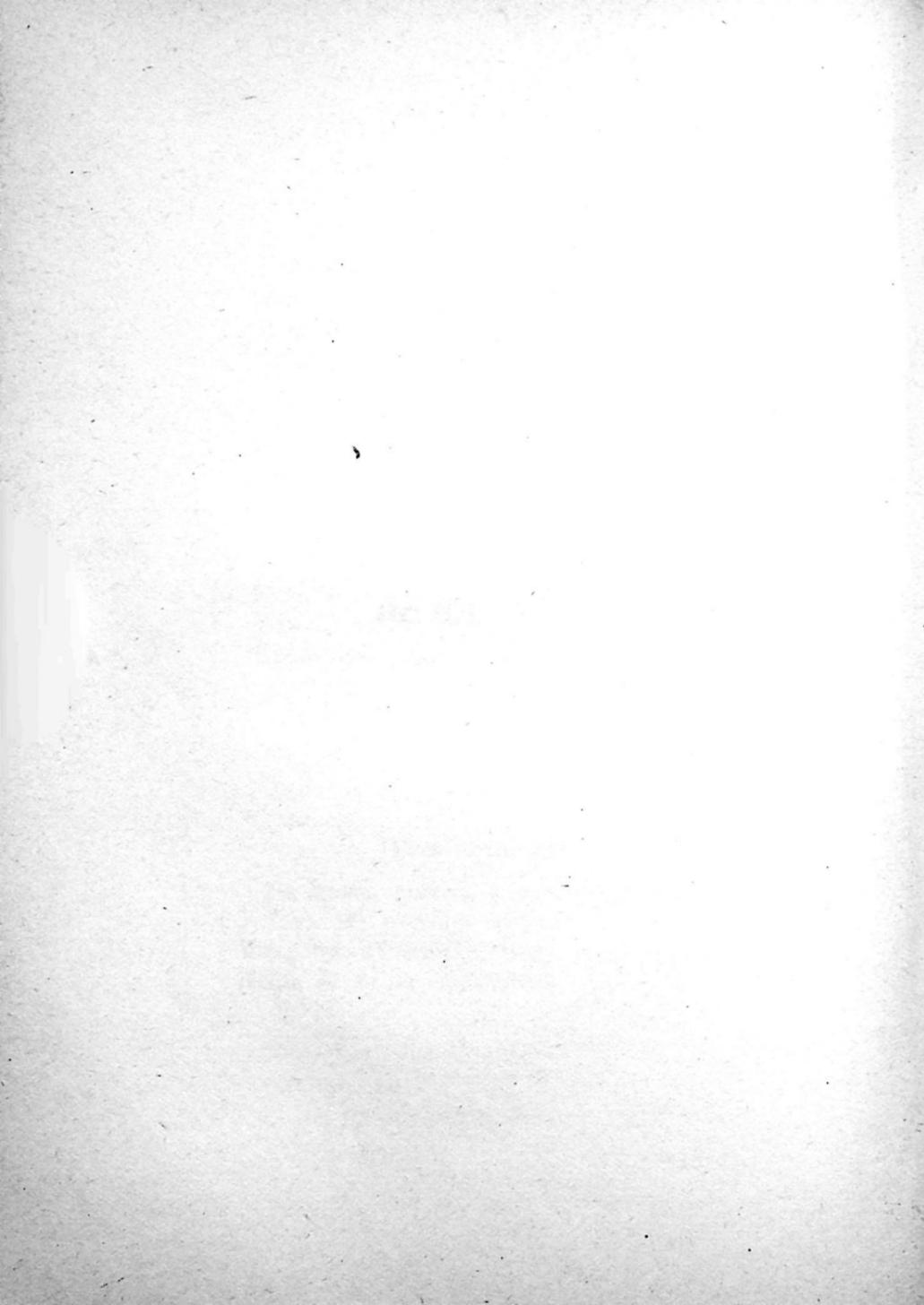

 218.
[Изъ записки.]

На языкѣ чужомъ я началъ объясняться,
 Уставъ отъ русской чепухи:
 Вѣкъъ просвѣщенія!.. Чему тутъ удивляться,
 Когда А. А. писалъ стихи?

Поэмы.

Кулакъ.

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живеть въ своемъ опредѣленьи;
Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станеть — зломъ.
Такъ человекъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ.

Шекспиръ (Ромео и Юлія).

I.

- День гаснетъ. Облаковъ громада
Покрыта краской золотой;
Отъ луга влажною струей
Плыветь душистая прохлада;
5. Надъ алымъ озеромъ тростникъ
Сквозной оградой поникъ.
Порой куда-то пронесется
Со свистомъ стая куликовъ,
И снова тишь. Въ тѣни кустовъ
10. Рыбачій челнъ не покачнется.
Вдоль гати тянется обозъ;
Скрипятъ колеса. За волами
Шагаютъ чумаки съ кнутами;
Кипитъ народомъ перевозъ.
15. Паромъ отчалили лѣнливо,
Ушами лошади пугливо

- Прядутъ; рабочіе кричатъ,
И плещетъ по водѣ канатъ.
Шлагбаумъ, съ образомъ часовня,
20. Избушки, бани, колокольня
Съ крестомъ и галкой на крестѣ,
И на прибрежной высотѣ
Плетни, поникнувшія ивы —
Все опрокинуто въ рѣкѣ.
25. Бѣлѣютъ мойки вдалекѣ,
Луками выгнулись заливы;
А тамъ — кусты, деревня, нивы,
Да чуть примѣтный сквозь туманъ
Средь поля чистаго курганъ.
30. Тому давно, въ глуши суровой,
Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовый,
Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи вель,
И плавалъ въ облакахъ орелъ;
Синѣла степь безгранной далью,
35. И, притаясь за валъ съ пищалью,
Зажечь готовый свой маякъ,
Татаръ выглядывалъ казакъ.
Но вдругъ все жизнью закипѣло,
Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло —
40. И падалъ дубъ; онъ отжилъ вѣкъ...
И, вмѣсто звѣря, человекъ
Въ пустынѣ воцарился смѣло.
Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
45. Тѣ дни прошли. Уединенно
Теперь подъ кровлей обновленной
Стоитъ на островѣ нагомъ
Безмолвный прадѣдовскій домъ,
Цейхгаузъ старый. Тихи воды.

50. Гдѣ былъ Петра пріютъ простой,
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ бывше годы —
Часовню выстроилъ, и въ ней
Затеplилъ набожно елей.
55. Но городъ выросъ. Въ изголовье
Онъ положилъ полей приволье,
Плечами горы придавилъ,
Болота камнями покрылъ.
Одно пятно: въ семьѣ громадной
60. Высоко поднятыхъ домовъ,
Какъ нищѣ въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ;
Въ дырявыхъ шапкахъ, съ костылями,
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
65. И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ;
Того и жди, — гроза подуетъ,
И полетятъ онѣ въ оврагъ...
Таковъ домишко, гдѣ горюетъ
70. Съ женой и дочерью кулакъ:
На крышѣ старья заплаты,
Пріютъ крикливыхъ воробьевъ,
Карнизъ обрушиться готовъ;
Стѣна крива; заборъ дощатый
75. Подпертъ осиновымъ коломъ;
Дворъ тѣсный смотритъ пустыремъ;
Растетъ трава вокругъ крылечка;
Но садъ... Въ садъ послѣ завернемъ;
Теперь мы въ горенку войдемъ.
80. Она свѣтла. Икона, печка,
Съ посудой шкафъ, сосновый столъ,
Скамейка, красный стулъ безъ спинки,
Комодъ пузатый подъ замкомъ —

- Все старина, за то соринки
85. Тутъ не замѣтишь ни на чемъ.

II.

- Хозяйка добрая, здорово!
Ты вѣчно съ vareжкой въ рукѣ,
И въ этомъ бѣломъ колпакѣ,
И все молчишь! Порою слово
5. Промолвишь съ дочерью родной,
И вновь разбитый голосъ твой
Умолкнетъ. Бѣдная Арина!
Повысушили до поры
Нужда да тяжкая кручина
10. Тебя, какъ травушку жары;
Поникла голова, что колось,
И посядѣлъ твой русый волосъ;
Одна незлобная душа
Осталась въ горѣ хороша.
15. И ты, красавица, съ работой
Сидишь въ раздумьи подъ окномъ;
Одной привычною заботой
Всю жизнь вы заняты вдвоемъ...
20. Румянецъ на лицѣ поблекъ,
И спицы движутся лѣнливо,
Лѣнливо вяжется чулокъ.
О чемъ тоска? откуда скука?
Коса, что черная смола,
25. Какъ бѣлый воскъ рука бѣла...
Душа болитъ? неволя-мука?...
Что дѣлать! подожди, пока
Прогонитъ вѣтеръ облака.

- «Охъ, Саша! полно сокрушаться!
 30. Вотъ ты закашляешь опять... —
 Промолвила старушка мать:
 Ну, въ садъ пошла бы прогуляться,
 Вишь, вечеръ чудо!»
- Все равно!
- И тутъ не дурно: вотъ въ окно
 35. Свѣтъ Божій виденъ — и довольно! —

- «Глядѣть-то на тебя мнѣ больно!
 Блѣдна, вотъ точно полотно...»
 И мать качала головою
 И съ Саши не сводила глазъ.
40. «Поди-ты! сокрушаетъ насъ
 Старикъ! надъ дочерью родною
 Смѣется... Чѣмъ бы не женихъ
 Столяръ-сосѣдъ? Умень и тихъ.
 Три раза сваха приходила,
45. Ужъ какъ вѣдь старика просила!
 Одинъ отвѣтъ: на дняхъ приди...
 Подумать надо... погоди...
 Ты вотъ что, Саша: попытайся,
 Съ отцомъ сама поговори,
50. Чуть будетъ весель».

— Дождайся!

Я думаю, въ ногахъ умри, —
 Откажетъ... —

- Мать не отвѣчала,
 Поникнувъ грустно головой.
 — Чуть будетъ весель... Боже мой!
55. За что же я-то потеряла

- Вѣселье? Вѣдь къ чужимъ придешь,
Тамъ свѣтъ иной, тамъ отдохнешь;
А при отцѣ языкъ и руки —
Все связано! когда со скуки
60. Въ окно глядишь, и тутъ запретъ!
Ужъ и глазамъ-то воли нѣтъ! —

- «Все осуждать его не надо.
Извѣстно — старъ, кругомъ нужда,
На рынкѣ хлопоты всегда,
65. Вотъ и беретъ его досада.
Онъ ничего... вѣдь онъ не золь,
На часъ вспылить, и гнѣвъ прошелъ».
— Я такъ... я развѣ осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска,
70. Тутъ поневолѣ съ языка
Сорвется слово. —

«Знаю, знаю!
Какъ быть? живи, какъ Богъ велѣлъ...
Знать, положень таковъ предѣлъ».

- Заря погасла. Мѣсяцъ всходитъ,
75. На стекла блѣдный свѣтъ наводитъ;
За лѣсъ свалились облака;
Въ туманѣ городъ и рѣка;
Не шевельнетъ листомъ осина;
Лишь гдѣ-то колесо гремитъ,
80. Да соловей въ саду свиститъ.
Молчать и Саша, и Арина,
Ихъ спицы бѣдныя однѣ
Не умолкаютъ въ тишинѣ.

- Какъ хорошо лицо больное
85. Старушки сгорбленной! Оно,

- Какъ изваяніе живое,
Все мѣсяцемъ освѣщено:
Въ рукахъ на мигъ уснули спицы,
Глаза на дочь устремлены,
90. И неподвижныя рѣсницы
Слезой докучной смочены.
Сверкаетъ небо огоньками,
Не видно тучки въ синевѣ,
А у старушки облачками
95. Проходятъ думы въ головѣ:
Безъ дѣтокъ грусть, съ дѣтьми не радость!
Сынокъ въ землѣ давно лежитъ,
Осталась дочь одна подъ старость —
И эту горе изсушить.
100. Ну, что ей дѣлать, если свихъ
Старикъ откажетъ? какъ тутъ быть?
Я чаю, легче бы на плахѣ
Бѣдняжкѣ голову сложить!
И безъ того ужъ ей не сладко:
105. Работа, скука, нищета...
Всю жизнь свою, моя касатка,
Что въ клѣткѣ птица, заперта:
Когда и выйти доведется,
Домой придетъ — печальнѣй домъ...
110. Глядишь, на грѣхъ старикъ напьется,
О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!
Ну, та ль она была сызмала?
Бывало, пѣла и плясала,
На мѣстѣ часу не сидитъ,
115. Вотъ словно колокольчикъ звонкій,
Веселый смѣхъ и голосъ тонкій
Въ саду иль въ горенкѣ звенить!
Бывало, чуть съ постельки встанетъ,
Посмотришь — куколки достанетъ,

120. Толкуеть съ ними: «Ты вотъ такъ
Сиди, ты глупая дѣвчонка . . .
Вотъ и братишка твой дуракъ,
Вамъ надо няню . . .» И ручонкой
Начнетъ ихъ эдакъ тормошить . . .
125. Возьметъ-подастъ имъ на бумажкахъ
Водицы въ желудевыхъ чашкахъ.
«Ну, вотъ, молъ, чай, извольте пить!»
— Уймися, говорю, вострушка. —
Отецъ прикрикнетъ: — посѣку! —
130. Бѣдняжка сядетъ въ уголку,
Наморщить лобикъ, какъ старушка,
И хмурится. Отецъ съ двора —
Опять потѣшная игра.

И мать работу положила,

135. Печной заслонъ впотъмахъ открыла,
Достала щепкой уголекъ
И стала дуть. Вдругъ огонекъ
Блеснулъ — и снова замираетъ.
Вотъ щепка вспыхнула едва, —
140. Изъ мрака смутно выступаетъ
Старушки блѣдной голова.

III.

- Ужъ столъ накрытъ, и скудный ужинъ
Готовъ. Покой старушкѣ нуженъ,
Заснуть бы время, — мужа ждетъ;
Скрипнуть крылечко, — онъ идетъ.
5. Сюртукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ,
Картузъ въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ,
Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ,
Густыя брови внизъ висятъ,

- Угрюмо супясь. Лобъ широкій
 10. Изрыть морщинами глубоко,
 И темень волосъ, но сѣда
 Подстриженная борода.

- «Усталъ, Лукичъ? — жена спросила:
 Легко ль, чуть свѣтъ ушелъ съ двора!
 15. Садись-ко ужинать: пора!»

- Не каплетъ сверху... заспѣшила! —
 Отвѣтилъ мужъ: успѣешь, другъ! —
 И, снявъ поношенный сюртукъ,
 На гвоздь повѣсилъ осторожно,
 20. Рубашки воротъ распустилъ,
 Лицо и руки освѣжилъ
 Водюю. — Ну, теперь вотъ можно
 За щи приняться. —

- «Вишь, родной! —
 Старушка молвила: не спится!
 25. Всю ноченьку провеселится,
 Поди, какъ свищеть!»

- Кто такой? —
 Отвѣтилъ мужъ скороговоркой,
 Ломая хлѣбъ съ сухою коркой.
 «Соловьюшекъ у насъ въ саду».
 30. — Сытъ, стало. Коли бъ зналъ нужду,
 Не пѣлъ бы. Мнѣ вотъ не поется,
 Какъ хлѣбъ-ать пѣтомъ достается...
 Ты, Саша, ужинала что ль? —
 «Мы ждали васъ».

- Подай мнѣ соль. —
 35. Дочь подала.

— За ужинъ сѣла,
 Такъ ѣшь! ты что не весела? —
 «Я ничего».

— Гм... дурь нашла!
 Такъ, такъ! —

Старушка поглядѣла
 На Сашу: Саша поняла

40. И ложку нехотя взяла.
 — Охъ, эта дѣвичья кручина! —
 Отецъ, нахмурясь, продолжалъ;
 И мокрой ложкой постучалъ
 Объ столъ: — все блажь! Подбавь, Арина,
 45. Мнѣ каши... да! все блажь одна!
 Я знаю, отъ чего она,
 Смотри! —

- «Опять не угодила!
 За смѣхъ — упрекъ, за грусть — упрекъ...
 Ну, грустно, — что жъ тутъ за порокъ?»
 50. Что за бѣда?»

- Заговорила!
 Языкъ прикусишь! берегись!
 Вишь ты!... — И жилы напряглись
 На лбу отца. Гроза собиралась.
 Но Саша знала старика,
 55. Словамъ дать волю удержалась, —
 И пронеслися облака
 Безъ грома.

- Чашка опустѣла.
 Лукичъ усы свои утеръ
 И, помолвившись, кинулъ взоръ
 60. На Сашинъ хлѣбъ. «Ломтя не съѣла».

Сердита, значить... Прибирай!
 Есть квасъ-то на ночь?»

— Есть немного. —

«Ну, принеси. Сейчас ступай!»

— Куда жь идти? Теперь порога

65. Не сыщешь въ погребѣ; не день —
 «Ну, ну! пошевельнуться дѣнь!»

Дочь вышла. На лицѣ Арины

Слегка разгладились морщины.

Старикъ, молъ, трезвъ... Иль онъ любви

70. Не знаетъ къ дѣтишу родному?
 Скажу про Сашу... не чужому...

Что жь! Господи благослови!

И подлѣ мужа робко сѣла.

«Лукичъ!»

— Ну, что тамъ? —

«Я хотѣла...

75. Того... съ тобой поговорить...

Не станешь ты меня бранить?..»

— За что? —

«Начать-то я не смѣю».

— Ну, ладно, ладно! говори. —

«Вишь, мы вотъ стары, я болѣю;

80. Совсѣмъ свалюсь, того смотри,

Обрадуй ты меня подѣ старость —

Отдай ты дочь за столяра!»

— Обрадуй... что же тутъ за радость?

Вотъ ты, къ примѣру, и стара,

85. А дура!.. стало есть причина,

Зачѣмъ я медлю... Эхъ, Арина!

Пора бы, кажется, умнѣть! —
 «Какъ мнѣ на Сашу-то глядѣть?
 Она часъ отъ часу худѣть.

90. Вѣдь я ей мать!»

— Повеселѣть!

Ты знаешь, дѣвичья слеза,
 Что утромъ на травѣ роса:
 Пригрѣть солнце — и пропала. —
 «Пусть я отрады не видала,

95. Хоть ей-то, дочери, добра
 Ты пожелай!»

— Въ постель пора!

Оставь, пока не разсердился! —

- Старушка въ спальню побрела.
 Тамъ передъ образомъ свѣтился
100. Огонь. Въ углу кровать была,
 Безъ полога. Подушекъ тѣни
 Какъ будто спали на стѣнѣ.
 Арина стала на колѣни,
 И долго, въ чуткой тишинѣ,
105. Передъ иконою святою
 Слеза катилась за слезою.

- Межъ тѣмъ Лукичъ окно открылъ
 И трубку медленно курилъ;
 Сквозь дымъ, глаза его безъ цѣли
110. На кудри яблоней глядѣли.
 «Ну, завтра ярмарка. Авось
 На хлѣбъ добуду. Плохо стало!
 Ходьбы и хлопотни не мало,
 А прибыли стъ нихъ — хоть брось!

115. Другимъ, къ примѣру, удается:
Казна валится, точно кладъ;
Ты, право, грошу былъ бы радъ,
Такъ нѣтъ! Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
Порой что въ домъ и попадетъ,
120. Нужда метлою подмететь.
Вотъ дочь невѣста... все забота!
И сватають, да нѣтъ расчета: —
Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая — вотъ причина!
125. Что честь-то? коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь.
Безъ денегъ честь — плохая доля!
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутомъ:
130. Нужда — тяжелая неволя!
Мнѣ дочь и жаль! я человѣкъ,
Отець, къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
Лукичъ — кулакъ! кричить весь городъ.
135. Кулакъ... Душа-то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай Богъ мнѣ пропасть,
140. Коли подумаю украсть!
А есть женихъ, навѣрно знаю...
Богатъ, не долженъ никому,
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю».
145. Такъ думалъ онъ. А вѣтерокъ
Его волосъ едва касался,
И въ трубкѣ красный огонекъ

- Подъ сѣрымъ пепломъ раздувался.
 Порой катилася звѣзда,
 150. По небу искры разсыпала
 И гасла. Ночь благоухала,
 И бѣлыхъ облаковъ гряда
 Плыла на сѣверъ. Жадно пили
 Росу поникшіе листы,
 155. И звуки смутные ловили.
 При свѣтѣ мѣсяца кусты,
 Бросая трепетныя тѣни,
 Казалось, въ царство сновидѣній
 Перенеслись. Межъ ихъ вѣтвей
 160. Въ потемкахъ щелкалъ соловей.

- Быть можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
 Разумной матерью, отцомъ,
 Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки —
 Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.
 165. Великъ, кто взросъ среди порока,
 Невѣжества и нищеты,
 И остается безъ упрека
 Жрецомъ добра и правоты;
 Кто видитъ горе, знаетъ голодь,
 170. Усталый, чахнетъ за трудомъ,
 И, крѣпкой волей вѣчно молодъ,
 Всегда идетъ прямымъ путемъ!
 Но пусть, какъ мученикъ, сквозь пламень,
 Прошелъ ты, полный чистоты,
 175. Остановись, поднявши камень
 На жертву зла и нищеты!
 Корою грубою закрытый,
 Быть можетъ, въ грязной нищетѣ
 Добра зародышъ неразвитый
 180. Горить, какъ свѣчка, въ темнотѣ!

- Быть можетъ, жертвъ заблужденья,
 Доступны рѣдкія мгновенья,
 Когда казнить она свой вѣкъ
 И плачетъ, сердце надрывая,
 185. Какъ плакалъ передъ дверью рая
 Впервые падшій человѣкъ!

IV.

- Еще ребенкомъ, нестѣсенный
 Въ привычкахъ жизни обыденной,
 Лукичъ бездѣлье любилъ.
 Своимъ Карпушкой занятъ былъ
 5. Торгашъ, отецъ его, не много,
 Хоть и твердилъ сынишкѣ строго:
 «А вотъ, Господь дастъ, доживемъ,
 Мы поглядимъ, какимъ добромъ
 Воздашь отцу за попеченье.
 10. Тутъ можно человѣкомъ быть:
 Сызмала началось ученье —
 Псалтырь и все... тутъ можно жить!
 Я и читать вотъ не учился,
 Да вышелъ въ люди: сытъ, обувь...»
 15. И подъ хмелькомъ всегда бранился:
 «Ты, дескать, баловень! ты плуть!...»
 И сына за вихоръ поймаешь,
 Такъ, ни за что... «Ну, вотъ, моль, знай!»
 Дереть, дереть — до слезъ таскаетъ
 20. И молвить: «Ну, ступай, играй!»
 А мать свое хозяйство знала,
 Въ печи дрова со счетомъ жгла,
 Горшки да чашки берегла,
 И ей заботы было мало,

25. Когда зимой, по цѣлымъ днямъ,
Забросивъ книжку и указку,
Сынокъ катался по горамъ.
Раздолье!.. легкія салазки
Со скрипомъ по снѣгу летять,
30. На нихъ бубенчики звенять.
«Какъ смѣлъ ты утромъ не являться?»
Ему учитель говорилъ.
— У насъ молебень въ домѣ былъ,
Мнѣ батюшка велѣлъ остаться. —
35. «Ты до обѣда гдѣ ходилъ? —
Кричалъ отецъ: часъ цѣлый ждали». —
Учитель не пускалъ домой:
Зады сидѣли повторяли... —
Бывало, лѣтнею порой,
40. Тайкомъ залѣзетъ въ садъ чужой,
Румяныхъ яблокъ наворуетъ,
Тащить ихъ къ матери. «Гдѣ взять?»
— А это мнѣ Сенютка далъ,
Вотъ ѣшь! — И мать его цѣлуетъ:
45. Поди, моль, родила сына,
Не съѣсть безъ матери куска!
Порой грачей въ гнѣздѣ поймаешь:
«Эй, Сенька, у меня грачи!
Давай мѣнять на калачи!»
50. — Не надо! — Сенька отвѣчаетъ.
«Ну, и не надо... вотъ имъ! вотъ!»
И головы грачамъ свернетъ,
Парнишку больно отскакаетъ
И прибѣжить домой, реветъ.
55. «О чемъ ты?» мать въ испугѣ спросить.
— Да вотъ Сенютка, — сынъ голосить:
Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
И надавалъ мнѣ туммаковъ. —

- Карпушка на ноги поднялся
60. И все безъ дѣла оставался,
Покамѣстъ вздумалось отцу
Въ науку мудрую къ купцу
Его отдать. Тутъ всѣ расчеты —
Торговыхъ плутней извороты
65. Онъ изучилъ, и кошелекъ
Казной хозяйскою, какъ могъ,
Наполнилъ. Годы шли. Скончался
Его отецъ; угасла мать.
Невѣсту долго ли сыскать?
70. И сынъ женился. Распрощался
Съ купцомъ; заторговаль мукой;
И какъ по маслу годъ-другой
Все шло. Но вдругъ за пень задѣло:
Тутъ неудача, тамъ сплошаль...
75. Спустилъ, какъ воду, капиталъ
И запилъ: горе одолѣло!
Искать мѣстечка — стыдъ большой;
Искать рѣшился — отказали.
А ремеслу не обучали;
80. Подумаль — и махнулъ рукой:
— «Тѣфу, чортъ возьми, да что за
горе!
- Пойду на рынокъ поутру,
Такъ вотъ и деньги! Рынокъ — море!
Тамъ рыба есть, умѣй ловить!
85. Достанетъ какъ-нибудь прожить!»
И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду,
Онъ всякой дрянью промышлялъ,
И Лукича весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду,
90. По вѣчной худобѣ сапогъ
И по загару смуглыхъ щекъ.

V.

- Флагъ поднять. Ярмарка открыта.
 Народомъ площадь вся покрыта.
 На море пестрое головъ
 Громада бѣлая домовъ
5. Глядитъ стеклянными очами;
 Недвижная, затоплена
 Вся солнца золотомъ она.
 Людъ Божій движется волнами.
 И кички съ острыми углами,
10. Подолы красные рубахъ,
 На черныхъ шляпахъ позументы,
 И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
 Едва колеблемыя ленты —
 Вся деревенская краса
15. Вотъ такъ и мечется въ глаза
 Изъ лавокъ, хитрая приманка,
 Высматриваютъ кушаки,
 И разноцвѣтные платки,
 И разноцвѣтная серпанка.
20. Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
 Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
 Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
 Лотки, подойники, лопаты,
 Колеса... «Гдѣ? какая дрянь?
25. Ты вотъ на ступицу-то глянь!»
 Торгашъ плечистый повторяетъ,
 И бойко колесомъ вертитъ.
 А парень крендель доѣдаетъ,
 — Сложи полтину, — говоритъ:
30. Возьму и дегтю, вотъ мазницы —
 «Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
 Ты гаманокъ-то свой не прячь!»

- Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорять съ мужиками
35. За клячу пѣгую купцы,
И *Лазаря* поють слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набить биткомъ толпой гулякъ
40. Приютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
«Охъ, православные! я пьянъ!»
Въ бумажномъ колпакѣ и въ блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
45. Народъ дурачить шарлатанъ
И корчитъ рожу... «Какъ обманъ! —
Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою:
Коню не двадцать лѣтъ, а пять.
50. Жены, дѣтей мнѣ не видать!»
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужичковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гуль слилось. Межъ тѣмъ оглобли
55. Приподнялись поверхъ воевъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

- Лукичъ на ярмаркѣ съ разсвѣта;
Успѣлъ ужъ выпить, закусить,
Купить два старыхъ пистолета
60. И съ барышомъ кому-то сбыть.
Теперь онъ съ бабою хлопочетъ,
Руками уперся въ бока,
Лицо горить, чуть не соскочить
Картузъ съ затылка, — рѣчь бойка.
65. «Ты вотъ что, умная молодка,

По сторонамъ-то не смотри,
Твой холстъ, къ примѣру, не находка...
Почемъ аршинъ-то? говори.

- По гривнѣ, я тебѣ сказала;
70. Вонъ и другіе такъ берутъ. —
«Не ври! куда ты указала!
Тамъ по три гроша отдають!»
— И, що-ты! аль я одурѣла!
Поди-ко цѣну объявилъ!
75. Купецъ четыре мнѣ сулилъ,
Да я отдать не захотѣла... —
Вонъ онъ стоитъ... —

«Ха, ха! ну такъ!

- Отдай! и ты не догадалась!
Эхъ, дура! съ кулакомъ связалась!
80. Вѣдь онъ обмѣряетъ! кулакъ!
А я на совѣсть покупаю...
Эй, голова! почемъ пенька?»
Остановивши мужика,
Онъ закричалъ.

— Спасибо! знаю!... —

85. «Должно, нашъ братъ училъ тебя!»
Лукичъ подумалъ про себя,
И снова съ бабою заспорилъ,
Голубушкою называлъ,
Разъ десять къ чорту посылалъ,
90. И напослѣдокъ урезонилъ.
Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
«Гляди вотъ: двадцать три аршина»
— Охъ-ма! тутъ двадцать семь какъ-
разъ! —

95. «Что, у тебя иль нѣту глазъ?
Аршинъ казенный, понимаешь!
Вотъ на... не видишь, два клейма!»
— Да какъ же такъ! —

«Не довѣряешь?»

— Я дома мѣрила сама. —

100. «Тѣфу! провались ты! я сумѣю
Безъ краденой холстины жить!
Глаза что ль ею мнѣ накрыть?
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю!»
И кошелекъ онъ развязалъ,
105. На гривну бабу обсчиталъ
И торопливо отвернулся:
Прощай, моль! вѣрно!.. недосугъ!
Пошелъ было въ толпу — и вдругъ
Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся.
110. «Мое почтенье, Климъ Кузьмичъ!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!»

— Ба, ба! Лукичъ!

Ты не забылъ свою привычку —
Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ? —

115. «Что дѣлать! сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите!»
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ.
Не попадетъ ль жеребецъ?
120. Вотъ не найду никакъ, мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть —
Караковый. —

«Есть, сударь, есть!

Рысакъ! А бѣгъ — мое почтенье!»

И онъ прищелкнулъ языкомъ:

125. Да-съ! одолжу, моль, рысакомъ!
 — Ты плуть естественный, я знаю;
 Смотри, Лукичъ! не обмани! —
 «Ну вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!
 Я васъ съ другими не сравняю.
130. Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?»
 — Нисколько. —

«Онъ, сударь, кругомъ
 Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
 Теперь рысакъ одинъ остался...

- Ну, конь! Глазами, ваша честь,
 135. Вотъ такъ, къ примѣру, хочеть съѣсть!
 Чортъ знаетъ, просто заглядѣнье!»
 — Да правда ль? —

«Не далеко домъ,
 Коли угодно, завернемъ,
 Посмотримъ».

— Сдѣлай одолженье!

140. А помнишь ли, купилъ ты мнѣ
 Собаку какъ-то по веснѣ? —
 «Плохонька развѣ?»

— Околѣла,

- Не взялъ бы чортъ знаетъ чего! —
 «Охотиться не захотѣла...»
145. Поможемъ, сударь, ничего!..
 Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера
 Собака... кличку-то забылъ,
 Вчера денщикъ и говорилъ...
 Ну, и животное, къ примѣру:

150. Брось въ воду гривенникъ — найдетъ!
Вотъ вамъ купить бы».

— Радъ душою!

Но для чего жъ онъ продаетъ? —

«Что дѣлать станете съ нуждою!

Наслѣдство дядя обѣщаль,

155. А при смерти не завѣщаль,
Ѣсть нечего... семья большая...»

— А! вотъ что! — баринъ отвѣчаль,

И гибкой тросточкой играя,

Поглядываль по сторонамъ

160. И напѣваль: «тири-та-рамъ...»

VI.

«Вотъ-съ, двухъ-этажный, съ мезони-
номъ...»

Лукичъ помѣщику сказалъ,

И домъ Скобѣева, аршиномъ

Махнувъ направо, показалъ.

5. «Эй, кучеръ! соня!»

Кучеръ плотный,

Безмысленно разинувъ ротъ,

Дремаль на камнѣ у воротъ.

«Иль ночь-то не спалъ, беззаботный?»

Лукичъ у кучера спросилъ.

10. Тотъ вздрогнулъ и глаза открылъ,

Досталъ тавлинку изъ кармана

И сильно въ ноздри потянулъ.

«Гдѣ баринъ?»

— Ась? А... чхи! Татьяна

Мнѣ говорила.. чхи!.. пьетъ чай. —

15. «Потише ротъ-то разѣвай!
Вишь, зачихалъ. Эхъ ты, пріятель!
На рысака вотъ покупатель...»
— Ну, что же, стало показать? —
«Вѣдь не заочно покупать.»
20. — А баринъ? —

«Выводи, онъ знаетъ».

- И кучеръ скрылся. «Климъ Кузьмичъ! —
Сказалъ вполголоса Лукичъ:
Сноровка дѣлу не мѣшаетъ —
Ему на водку надо дать...»
25. — Ну, дураку-то! —

«Какъ узнать!

- Бываетъ, и дуракъ годится.
Онъ, рыжій чортъ, не постыдится
И господину понавретъ,
Что нашъ-де конь намъ не подходитъ
30. И кормъ-де впрокъ ему нейдетъ.
Ей Богу-съ! Этотъ хамскій родъ
Господъ частенько за носъ водить!»
Помѣщикъ смѣхомъ отвѣчалъ
И два четвертака досталъ.
35. Лукичъ въ конюшню торопливо
Вошелъ и молвилъ: «Живо! живо!»
Въ карманъ свой деньги опустилъ
И кнуть у кучера спросилъ.
— Вонъ на стѣнѣ... не тутъ... правѣе.
40. Статья-то, слышь, не подойдетъ:
Вѣдь конь съ запаломъ — зареветь. —
«Ты не крути, держи умнѣе.
А ну-ка, дорогой рысакъ,
Подставь бока... Вотъ такъ! Вотъ такъ!
45. Прр! Прр! На дворъ его скорѣе!..»

- И бѣдный конь черезъ порогъ
 Вдругъ сдѣлалъ бѣшенный скачокъ,
 Глазами дико покосился
 И началъ землю рыть ногой.
50. Лукичъ, смѣясь, посторонился, —
 Вишь, дескать, бойкой сталь какой!
 Помѣщикъ подошелъ. Рукою
 Коня по шеѣ потрепалъ
 И съ лоскомъ гривую густою
55. Полюбовался. Холку взялъ,
 Поправилъ на бокъ. Осторожно
 Ощупалъ ноги, мышки, грудь,
 И молвилъ: «Надобно взглянуть
 На зубы». — Очень возможно, —
60. Кудрявый кучеръ отвѣчалъ,
 И зубы рысаку разжалъ.
 «Э! Конь-то молодой! три года...
 Лишь сталь окраины ронять...
 А ну, нельзя ли пробѣжать?»
65. Стой! стой! Да, недурна порода!»
 — А бѣгъ-то, бѣгъ-то, Климъ Кузьмичъ!
 А шея! — говорилъ Лукичъ:
 Позвольте-съ, вотъ и самъ хозяинъ. —
- Хозяинъ былъ румяный баринъ,
70. Съ усами, съ трубою въ рукѣ,
 Въ фуражкѣ, въ черномъ сюртукѣ,
 Со знакомъ службы безпорочной,
 Обрить отлично, сложенъ прочно,
 Взглядъ строгъ, на выкатѣ глаза
75. И подъ гребенку волоса.
- «Скобѣвъ, сударь. Честь имѣю...
 А вы-съ? коли спросить я смѣю...»
 Онъ покупателю сказалъ.

- Долбинъ, помѣщикъ. Я узналъ,
80. Что рысака вы продаете . . . —
«Такъ точно».

- Дорого ль возьмете? —
«Позвольте въ домъ васъ попросить».
— Зачѣмъ же? можно тутъ рѣшить. —
«Четыреста. Коню три года.»
85. — Я видѣлъ. А чьего завода? —
«Орловой».

— Дорого-съ. Не дамъ.
А вотъ за триста — по рукамъ. —

- «Я не торгашъ, предупреждаю.
Три съ половиною даютъ,
90. Придти хотѣли — и придутъ».
«Все вретъ! — Лукичъ подумалъ: знаю . . .»
И молвилъ: «Я и приводилъ».
— Ну, ну! — Скобѣевъ перебилъ.
«Я не обидѣлъ васъ словами;
95. Что жъ! наше дѣло сторона.
Не дорогая, молъ, цѣна,
Я вотъ что . . .» и старикъ руками
Развелъ.

- Хозяинъ былъ упрямъ,
И плохо подвигалась сдѣлка.
100. «Ударьте, сударь, по рукамъ! —
Лукичъ, какъ бѣсъ, шепталъ украдкой
Помѣщику: вѣдь, дѣло гадко!
Скобѣевъ спятится вотъ-вотъ . . .
Кончайте! сотня не расчетъ!»
105. Долбинъ стоялъ въ недоумѣнни,
Поглядывалъ на рысака:

- Картина-конь! на старика, —
 Тотъ весь дрожаль отъ нетерпѣнья:
 Усами шевелиль, мигаль,
 110. Къ карману руку прикладаль . . .
 Не прозѣвай, моль! что ты смотришь?
 Покаешься, да не воротишь.
 Мнѣ что! я не желаю зла . . .
 И сдѣлка кончена была.
115. Кому не святъ обычай русскій!
 И вотъ за водкой и закуской
 Скобѣевъ и Долбинъ сидятъ.
 Червонцы на столѣ звенятъ;
 Лицо хозяина сіяетъ;
 120. Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ,
 Остатки въ потолокъ — вотъ такъ!
 Дескать, попрыгивай, рысакъ.
 Долбинъ поморщился немного,
 Но тоже выпилъ. У порога
 125. Лукичъ почтительно стоялъ
 И очереди ожидалъ;
 Хватилъ и молвилъ: «Захромаю
 Съ одной-съ . . .»

- Скобѣевъ не слыхаль,
 Бесѣду съ гостемъ продолжалъ:
 130. «Такъ вотъ что, Климъ Кузьмичъ! я знаю
 Имѣнье ваше . . . проѣзжалъ . . .
 Земли довольно . . .»

— Рукъ немного!
 Душъ тридцать. Впрочемъ, не бѣда:
 На мѣсячинѣ всѣ. —

«Ахъ, да!

135. Мысль не дурна».

— Но надо строго
Слѣдить. Внимательность нужна. —
«Лѣнятся?»

— Ужась! Разоряють!
Заставишь сѣять, сѣмена
За голенища засыпають,
140. Порою въ землю зарывають! —
«Неужто?»

— Просто, нѣтъ души!
Хоть колъ на головѣ теши,
Не убѣдишь!.. Я разъ гуляю,
Гляжу — нырнулъ мальчишка въ рожь...
145. Э! погоди, моль, не уйдешь!
И что же, сударь, открываю? —
«Ну-съ?»

— Онъ колосья вороваль!
Шапченку вѣрхомъ ихъ набралъ!
На что, моль? Хлопаеть глазами
150. Да хнычетъ. —

«Этакой развратъ!
Ужасно! и отцы молчатъ?»
— Нашли тутъ! научають сами...
Не наѣдятся, чортъ возьми!
Что хочешь, какъ ихъ ни корми! —
155. «Вотъ саранча!»

— Да-съ! наказанье!
Вы какъ? на службѣ? —

«Да... служилъ...

Въ комиссії подь лямкой былъ».

— Такъ... Вышли? —

«Родилось желанье

Окончить, знаете, свой вѣкъ

160. Покойно: грѣшный человѣкъ, —

Усталъ трудиться».

— Охъ, Создатель! —

Лукичъ подумалъ: вотъ и вѣрь!

Не скажетъ вѣдь, за что теперь

Онъ подь судомъ... хорошъ пріятель!

165. Давно ль деревню-то купилъ?

А говорить — подь лямкой былъ. —

Помѣщикъ всталъ и распростился.

Онъ къ воротамъ, Лукичъ во слѣдъ.

«За трудъ, сударь», и побожился:

170. Коню-то, вѣдь, цѣны молъ нѣтъ.

— Вотъ два цѣлковыхъ. —

«Что вы-съ, мало!

Какъ можно! это курамъ смѣхъ!

Гм... время, значить, такъ пропало...»

— Ну сколько же? —

«Да пять не грѣхъ».

175. Долбинъ заспорилъ.

«Воля ваша,

Хоть не давайте ничего!

Мы, стало, служимъ изъ того...

А все, къ примѣру, глупость наша:

Добра желаешь».

— Эхъ, какой!

180. Одинъ прибавлю. Да! постой!
Насчетъ собаки... —

«Что жъ, извольте!

Оно вы скупы, да пойдете:
Я не сердить, служить готовъ».
— Теперь я занятъ. —

«Мы съ двухъ словъ!»

185. — Нѣтъ, нѣтъ! до завтра. Срокъ не до-
логъ. —
«Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ!»
— Пустое! Кучеръ! эй! за мной!
Веди коня! —

«Ну, Богъ съ тобой! —

Лукичъ подумалъ: заскупился.

190. Вотъ покупатель-то явился!
Вѣдь съ виду смотритъ молодцомъ:
Очками, тростью щеголяетъ
И на спинѣ колпакъ съ махромъ,
Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ;
195. А хорошенько разберешь —
Выходитъ такъ себѣ... какъ глина,
Что хочешь, изъ нея сомнешь.
Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!
Добру сумѣла бъ научить,
200. Да некому дубиной бить!
Ни то дуракъ... развѣсилъ уши,
Разинулъ ротъ и вѣрить чуши,
Скобѣевъ будто задолжалъ,
Все, значитъ, въ карты проигралъ.
205. Какъ разъ! Ему и проигратъся!
Да онъ удавится за грошъ!»

- «Эй, старый хрычъ! кого ты ждешь?
 Пора въ-свояси убираться!»
 Съ крыльца Скообъевъ забасиль.
 210. Лукичъ за козырекъ хватился,
 Каргузъ подмышку положиль
 И молвилъ: «Ну, сударь, трудился!
 Весь лобъ въ поту!»

«Платокъ возьми,
 Утрись».

- Утремся. Я дѣтьми
 215. За вашу клячу-то божился,
 Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять. —
 «Вишь, старый шутъ, чѣмъ похвалился!
 Я бѣ безъ тебя сумѣлъ продать.
 Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
 220. А много заплатилъ Долбинъ?»
 — Съ него возьмешь! хоть бы алтынъ,
 Такая выжига, къ примѣру! —
 «Все лжешь!»

- Бываетъ, что и лгу,
 А передъ вами не могу:
 225. Не хватить духу. —

- «Это видно!..
 Я бѣ даль, нѣтъ мелочи въ дому».
 — Да не шутите, сударь, стыдно! —
 «Не забываться! ротъ зажму!»
 — Благодаримъ. Не вы ли сами
 230. Просили вашу клячу сбыть? —
 «Взялъ съ одного, ты съ барышами —
 И полно!»

— Что и говорить!

Вотъ щедрость! Гм!.. мое почтенье!

Останься съ рюмкою вина...

235. Ну, дорогое угощенье! —
«Вишневка. Какъ? вѣдь не дурна?»
— Хоть рубль-то дайте! —

«Чести много,

Пожалуй, на вотъ четвертакъ».

— Себѣ возьмите, коли такъ!

240. Эхъ, баринъ! не боишься Бога! —
«Я говорилъ тебѣ — молчать!»
— Потише! можно испугать!..
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ,
Вишь умникъ, дурака нашель... —
245. И свой картузь Лукичъ надвинулъ,
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Горятъ огни зари вечерней.

Въ туманѣ прячутся деревни,

И все темнѣй, темнѣй вдали.

250. За пашнями, изъ-подъ земли,
Выходитъ пламя полосами
И начинается тутъ и тамъ
Краснѣть по темнымъ облакамъ,
По синевѣ надъ облаками,
255. И смотришь — неба сторона
Виситъ въ огнѣ потоплена.
Сквозь сумракъ поле зеленѣеть;
Угрюмо на краю небесъ
Насутился кудрявый лѣсъ;
260. Едва примѣтный, онъ синѣетъ,
Какъ будто туча приплыла
И въ полѣ ночевать легла.

- Соха на пашнѣ опочила,
Дорожка торная мертва.
265. Вдругъ началъ перепелъ: вва! вва!
И смолкъ.

- Но пыль, какъ дымъ, покрыла
Весь городъ; такъ и ѣсть глаза!
Д[ворянской] улицы краса,
Поникли тополи печально,
270. Наводитъ грусть ихъ жалкій видъ,
На стеклахъ кое-гдѣ горитъ
Зари румяной лучъ прощальный,
Напоминая цвѣтъ лица
Полуживого мертвеца.
275. Угрюмо смотритъ съ тротуара
Чугунныхъ пушекъ рядъ нѣмой,
Угрюмо ходитъ часовой
На каланчѣ и— вѣсть пожара —
И днемъ, и ночью черный флагъ
280. Готовъ онъ вздернуть. Чтò ни шагъ —
Все вывѣски. Вотъ подъѣзжаетъ
Телѣга; вдругъ, какъ изъ земли,
Рука и палка вырастаетъ;
Телѣга скрылася вдали.
285. Уже прохладенъ воздухъ сонный
И мѣсяцъ отраженъ рѣкой,
Но камень, солнцемъ накаленный,
Доселѣ тепель подъ ногой.

- Лукичъ въ свой домикъ возвращался.
290. Прищуривъ мутные глаза,
Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,
И сильно въ стороны шатался,
И вслухъ несвязно бормоталъ:
«А вамъ-то чтò? Вы чтò такое?»

295. Вишь умники! ну, погулялъ!
 Вѣдь на свое, не на чужое!..
 Слышь, Климъ Кузьмичъ! каковъ рысакъ?
 Плохонекъ? ну, впередъ наука!
 На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
300. Чтобъ не дремалъ карась... да, такъ!
 Ты вѣрилъ на слово, и ладно;
 Выходить дѣло, ты и глупъ!
 А мнѣ-то чтò? мнѣ не накладно,
 Мнѣ благо, что купецъ не скупъ.
305. Э! А собаку-то, пріятель!
 Молчишь... сердить за рысака...
 Да, ты теперь не покупатель,
 И не нуждаюся пока.
 Да гдѣ я?.. Чтò за чертовщина!
310. Постой-ка, осмотрюсь кругомъ...
 Я помню, отъ угла мой домъ
 Четвертый... экая причина!
 Дай сосчитаю: вотъ одинъ,
 Другой и третій... больше нѣту...
315. Тутъ пустошь и какой-то тынь...
 Да какъ же прежде пустошь эту
 Я здѣсь ни разу не видалъ?..
 Тьфу, пропасть! ничего не знаю!
 А! догадался! понимаю!
320. Не въ эту улицу попалъ».

VII.

- Аринѣ сердце предвѣщало,
 Что пьянъ и грозенъ мужъ придетъ;
 Чуть раздавался скрипъ воротъ,
 Въ ознобъ и жаръ ее кидало.
5. Свѣча горѣла. За чулкомъ

- Грустила Саша подѣ окномъ.
 Заботамъ чуждѣ, какъ уголь, черный,
 Не унываль лишь котѣ проворный:
 Клубкомъ старушки на полу
10. Игралъ онѣ весело въ углу.
 «Иду!.. — раздался на крылечкѣ
 Знакомый крикъ: огня подать!»
 И Саша бросилася къ свѣчкѣ,
 Отца готовая встрѣчать.
15. Дверь распахнулась — онѣ явился:
 Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса,
 Дырявый галстукъ на бокъ сбился
 И кровью налиты глаза.
 «Безъ картуза!» всплеснувъ руками,
20. Старушка молвила.

— Молчать!

Я дамъ вамъ дружбу съ столярами!
 Тсс!.. смирно!.. рта не разѣвать!.. —
 «Постойте! — Саша говорила:
 Я васъ раздѣну».

— Раздѣвай!

25. Ну, да! и галстукъ... все снимай!..
 А ты о чемъ вчера грустила? —
 «Такъ, скучно было».

— Врешь! не такъ!

Ты думаешь, отецъ дуракъ...
 Цѣлуй мнѣ руку! —

Дочь стояла

30. Недвижно; только по лицу

Сквозь блѣдность краска выступала!

— Не стою?.. А! поцѣловала!

Противно, значитъ... да! отцу!

Едва губами прислонилась! —

35. «Ну, началось!» сказала дочь,

И отошла съ досадой прочь.

— Разуи меня! куда ты скрылась? —

Но Саша медлила.

— Идешь?..

Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!

40. Не надо! —

«Полно издѣваться!

Давайте!»

— Цыцъ! —

«Вѣдь брошу!»

— Какъ?

Ну, брось!.. ну, брось!.. отецъ дуракъ,

Ну что жъ? не грѣхъ и посмѣяться...

А я заплачу... не впервой...

45. Вотъ плачу... смѣйся! Богъ съ тобой! —

«Да лягъ! — промолвила старушка:

Хоть тутъ — на лавкѣ. Вотъ подушка».

— Чего? учи-ко дочь свою!

А я вотъ пѣсно запою:

50. Лучина... —

«Полно, старичина!

Грѣшно! какая тамъ лучина!»

— Молчать! я хлѣба мало ѣлъ!

Вотъ это кто добыть умѣлъ? —

И серебро свое онъ вынулъ

55. И по полу его раскинулъ.
«На что жъ бросать-то?»

— Стой, не тронь!

Не подбитой туши огонь! —
«Да лягъ! потушимъ!»

— А! потушишь!

- Украсть хотите? нѣтъ, постой! —
60. «Изъ-за чего ты насъ все крушишь?
Ну, пьянъ, и спалъ бы, Богъ съ тобой!»
— Кто пьянъ? Ты мужу такъ сказала?
Куда? не спрячешься! найду! —
«Оставьте! — Саша умоляла:
65. Она ушла, ушла!.. въ саду». —
Прочь отъ двери! ты что пристала?
А кто тебѣ вотъ это сшилъ? —
И дочь онъ за рукавъ схватилъ.
— Ну, что жъ, къ примѣру, замолчала? —
70. У Саши загорѣлся взоръ,
И все лицо, что коленкоръ,
Вдругъ побѣлѣло. «Не кричите!»
— Кто сшилъ? —

«Сама!»

— Вотъ разъ! вотъ два! —

- И половина рукава
75. Упала на полъ.

«Рвите! рвите!

За то, что для себя и васъ
За дѣломъ не смыкаю глазъ!
За то, что руки вамъ цѣлую

- И добываю хлѣбъ иглой,
 80. Или, какъ нынче, въ ночь глухую,
 Вотъ такъ терплю!.. И вы родной!
 И вы отецъ!»

- Старикъ смутился,
 Какъ ни былъ пьянъ, но спохватился
 И плюнулъ дочери въ глаза,
 85. И вѣрно бѣ грянула гроза,
 Но Саша за отцомъ слѣдила:
 Вмигъ отъ удара отскочила
 Назадъ — и бросилася вонъ.

- Лукичъ въ сонъ крѣпкій погруженъ.
 90. Свѣча погасла. Все сидѣли
 И мать, и дочь въ саду густомъ,
 И звѣзды радостнымъ огнемъ
 Надъ головами ихъ горѣли.
 Но грозно, въ синей вышинѣ,
 95. Стояла туча въ сторонѣ;
 Сверкала молнія порою —
 И садъ изъ мрака выступалъ,
 И вновь во мракѣ пропадалъ.
 Старушка робкою рукою
 100. Крестилась, вся освѣщена
 На мигъ, и, пробудясь отъ сна,
 На вѣткѣ вздрагивала птичка,
 А по дворамъ шла перекличка
 У пѣтуховъ.

- «Не спишь, дитя? —
 105. Старушка молвила, кряхтя:
 Я что-то зябну... охъ! поди-ты,
 Какъ грудь-то больно!»

— Вотъ платокъ;

Покройтесь. —

«Что ты, мой дружокъ!

И будутъ у самой открыты

110. До свѣта плечи!»

— Мнѣ тепло. —

«Нѣтъ, нѣтъ! не надо! все прошло!»

Но дочь старушку убѣдила,

И грудь и шею ей покрыла

Платкомъ. Сама, какъ часовой,

115. Бродила по травѣ сырой.

Прогулка грустная не грѣла

Ея продрогнушаго тѣла.

Туть горе . . . горе впереди,

Теперь и прежде . . . и въ груди

120. Досада на отца кипѣла.

Потрясена, раздражена,

Вдыхала съ жадностью она

Холодный воздухъ, хоть и знала,

Что безъ того больной лежала

125. Не такъ давно. Теперь опять

Хотѣла слечь — и вновь не встать.

Въ саду зеленомъ блескъ и тѣни,

На солнцѣ искрится роса;

Веселыхъ птичекъ голоса

130. Перекликаются въ сирени;

Прохлада свѣжая давно

Плыветъ въ открытое окно.

Старушка стекла вытираетъ.

Подъ потолокъ пуская паръ,

135. Кипить нагрѣтый самоваръ,
И Саша чайникъ наливаетъ,
Сидитъ съ поникшей головой,
Подпертой бѣлою рукой.

- И вотъ Лукичъ отъ мухъ проснулся,
140. Зѣвнулъ, лѣниво потянулся,
Взглянулъ на столъ — тамъ серебро;
Повѣрилъ — цѣло; ну, добро!
Онъ вспоминалъ, хотъ и неясно,
Что пошумѣлъ вчера напрасно;
145. Ну, молъ, бѣда не велика,
Не тронь, уважутъ старика.

- «Охъ, голова болитъ, старуха!
А что, вчера я смирно легъ?»
— Чуть не прибилъ насъ. Видитъ Богъ,
150. За что? Такая-то сокруха!
И понаслушались всего... —
«Гм! жаль! не помню ничего».
— Въ саду сидѣли до разсвѣта...
Грѣшно, Лукичъ! Въ мои ли лѣта
155. Такъ жить! —

«Ну, ну! не поминай!
Ты пьянаго не раздражай.
Давай-ко поскорѣ чаю,
Быть можетъ, голова... того...
А я жду сваху».

- Отъ кого? —
160. «Про это я, выходишь, знаю.
Что думалъ, сбудется авось».
— Смотри, тужить бы не пришлось...
И-ихъ, старикъ! —

«И-ихъ, старуха!

Не забывается сосѣдъ!

165. Вѣдь я сказалъ, къ примѣру: нѣтъ!
 Ну, плеть не перебьетъ обуха!
 — Мнѣ замужъ, батюшка, нейти, —
 Чуть слышно Саша отвѣчала,
 И съ чаемъ чашка задрожала
170. Въ ея рукѣ.

«Ты безъ пути

Того . . . не завирайся много!»

— Я правду говорю. —

«Ну, врешь!

Велю — за пастуха пойдешь».

И, поглядѣвъ на Сашу строго,

175. Отецъ прибавилъ: «Да, велю,
 И баста! споровъ не люблю».
 — Конечно, такъ. Я кукла, стало,
 Иль тряпка . . . и куда попало
 Меня ни бросить, все равно,
180. Подъ лавку или за окно. —
 «Да что, къ примѣру, ты въ умѣ ли?
 Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать?»
 — Вотъ если бъ эту чашку взять
 Разбить, вы вѣрно бъ пожалѣли! —
185. «Ну, что жъ изъ этого?»

— Да такъ,

Вы сами знаете — пустякъ:

Вамъ чашка дочери дороже. —

«Смекаю. Ты-то за кого

Меня сочла? за куклу тоже?

190. Да ты отъ взгляда моего,

- Не то что словъ, должна дрожать!
 А ты... ты хлѣбомъ попрекать
 Отцу! Ты что вчера сказала?
 Для васъ, дескать, моя игла...»
195. — Я виновата, попрекала.
 Да если бъ камнемъ я была,
 Тогда бъ промолвила! Вѣдь горько!
 Иной собакѣ лучше жить,
 Чѣмъ мнѣ: ее не стануть бить,
200. Гнать изъ конуры... —

«Дальше!»

— Только.

Что жъ, мало этого? —

«Молчать!»

- И слышишь ты, не поминать
 Сосѣда! моего порога
 Не смѣй онъ знать! Вишь, рѣчь нашла!
205. Благодари, къ примѣру, Бога,
 Что у тебя коса цѣла!»

- Старушка вышла изъ терпѣнья.
 Въ душѣ за дочь оскорблена,
 Всѣ слезы, годы униженья,
210. Все горе старое она
 Припомнила — и поблѣднѣла,
 И мужу высказать хотѣла,
 Какой, молъ, есть ты человѣкъ?
 Крушилъ жену свою весь вѣкъ
215. И крушишь дочь. Побои, пьянство...
 Вѣдь это мука, молъ! тиранство!
 Ты въ этомъ Богу дашь отчетъ!...
 И не рѣшилась. Нѣтъ, нейдетъ:
 Вспылить. Немного помолчала

220. И грустно дочери сказала:
«Пей, Саша, чай-то: онъ простыль.
Что жъ плакать!»
- Гм! ей чай не милъ.
- Сгубиль сосѣдъ твою голубку,
Заплачь и ты, — оно подъ стать! —
225. Промолвилъ мужъ, и началъ трубку
Объ уголь печки выбивать.
- Межъ тѣмъ въ калиткѣ обветшало
Кольцо желѣзное стучало.
Лукичъ прислушался: «Стучать,
230. Подъ чай, къ примѣру, норовять...»
Въ окно Арина поглядѣла:
— Старуха чья-то... Охъ, Лукичъ,
Не сваха ли? кому опричь! —
«Что жъ! примемъ». Саша поблѣднѣла.
235. Отецъ на кухню указаль
И Сашѣ выйти приказаль.
Она не трогалася съ мѣста.
«Опять упрямство! слышь, невѣста,
За косу выведу, гляди!»
240. — Иди, душа моя, иди! —
Сказала мать: охъ, мука, мука! —
«Ну, ну! не мука, а наука...
Васъ плетью нужно бѣ обучать».
И онъ сюртукъ сталъ надѣвать.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась, —
И гостья, кашляя, вошла,
Святымъ иконамъ помолилась

- И чуть не въ поясъ отдала
 5. Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
 На гостьѣ былъ нарядъ простой:
 Покрытый синею китайкой
 Шушунъ, кокошникъ золотой
 И сарафанъ. Взглядъ ястребиный,
 10. Лукавый. На лицѣ морщины,
 И тонкій носъ загнуть крючкомъ.

«Челомъ вамъ, золотые, бьемъ!
 Здоровы ли, мои родные?
 Ну, жаръ! насилу доплелась!

15. Да пыль отъ вѣтра поднялась, —
 Измучилась, золотые!»
 — Садись-ко, матушка, садись, —
 Сказалъ Лукичъ: вотъ чашку чаю... —
 «Давай, родной. Уста спеклись.
 20. Шестой десятокъ доживаю.
 Насилу бродишь. Ну, и жаръ!»
 — Жена! долей-ко самоваръ.
 Привѣтимъ гостью дорогую,
 Чѣмъ Богъ послалъ. —

«И-и, родной!

25. Привѣтъ хоть лаской-то одной,
 Да потрудись на рѣчь простую
 Мнѣ, старой бабѣ, отвѣчать».
 — Изволь. Послушаемъ въ чемъ дѣло. —
 «Кажись, вамъ времячко приспѣло
 30. Живой товаръ свой съ рукъ сбывать;
 Есть у меня купецъ; не знаю,
 Хорошъ ли будетъ онъ для васъ».
 — А! понимаю, понимаю!
 Товаръ, къ примѣру, есть у насъ,
 35. Да кто купецъ-то? —

«Таракановъ,
Тарась Петровичъ».

— Это онъ! —

Лукичъ подумалъ: въ руку сонъ!
Его и ждалъ. —

- «Пять балагановъ
Своихъ на рынкѣ... голова!»
40. — Прибавила. И всѣхъ-то два. —
«И, нѣтъ!.. Красавецъ! и бровями,
И темнорусыми кудрями,
Всѣмъ взялъ! хоть въ рамку, золотой!»
— Намъ красотой не любоваться!
45. А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
Вотъ это лучше красоты! —
«Охъ, батюшка, ума — палата!
А домъ-ать — поглядѣлъ бы ты,
50. Ужъ нечего!.. не наша хата!
Пять комнатъ, сударь мой, просторъ!
На окнахъ бѣлыя гардины,
Въ простѣнкахъ разныя картины,
А дворъ-то, что это за дворъ!
55. Кругомъ дубовые амбары,
И лѣсъ старинный, прочный лѣсъ!
Въ одномъ углу большой навѣсъ,
Въ амбарахъ всякіе товары...
Что, золотой, и говорить!»
60. Добра возами не свозить!»
— Ну, тутъ прикрасы не у мѣста;
Ты о приданомъ рѣчь веди. —
«Рѣчь о приданомъ впереди,
Для жениха нужна невѣста.

65. Ее онъ видѣлъ какъ-то разъ,
 Да на-вотъ! кругомъ закружился!
 И хлѣба, золотой, лишился,
 И ночью не смыкаетъ глазъ —
 Все ею грезить! Да и мнѣ-то
70. Совсѣмъ покою не даетъ:
 Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
 Все умоляетъ: какъ бы это
 Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ
 Поговорить съ ея отцомъ?»
75. — Ну, да, однако, что же надо? —
 «Такъ, что-нибудь, хоть для обряда:
 Четыре головныхъ платка,
 Ну-съ . . . три-четыре перстенька,
 Три нитки жемчугу на шею
80. (Ужъ много я просить не смѣю),
 Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
 Сукна на чуйку жениху,
 Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
 Кровать, комодъ и самоваръ,
85. Ну-съ . . . чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
 И — денегъ, сударь, сто цѣлковыхъ».
 — Выходить дѣло, не взыщи!
 Съ приданымъ эдакимъ, гдѣ знаешь,
 Иную дѣвушку ищи. —
90. «И, золотой, ты обижаешь!
 Ты покажи товаръ купцу;
 Нельзя: такое заведенье!
 Не сразу торгъ, не вдругъ рѣшенье,
 Сказать: здорово — и къ вѣнцу».
95. — Ну, да! вотъ эта рѣчь умнѣ!
 Смотрюшки завтра. Попозднѣ
 Прошу покорно вечеркомъ
 Пожаловать къ намъ съ женихомъ. —

- «Всенепремѣнно. Ваши гости.
100. Повѣришь ли, что́ я скажу?
Состарились мои всѣ кости,
Лѣтъ тридцать свахою хожу,
И счетъ-то свадьбамъ потеряла,
А и доселѣ, мой родной,
105. Всѣ, для кого я хлопотала,
Остались довольны мной.
Кому какой таланъ отъ Бога!
Зато, куда вѣдь ни придешь —
И ласку, и хлѣбъ-соль найдешь...
110. Однимъ не хорошо немного:
Иные выжиги за трудъ
По уговору не даютъ.
Ну, имъ и достается горько:
Начнешь по городу звонить,
115. То тѣмъ, то семъ ихъ обносить —
И свадьба врозь! да мнѣ-то только
Отъ этихъ выжигъ барыша!»
— Охъ, свашенька, моя душа, —
Хозяйка, сморщившись, сказала:
120. Не грѣхъ отъ такихъ затѣй? —
«И, нѣтъ, родная! я слыхала
(Старшой мой сынъ-то грамотей,
Надъ Библией и засыпаетъ):
За око — око! .. вотъ вѣдь что́!
125. Коли тебя обидѣлъ кто,
Не кланяйся: не подобаетъ!»
- Лукичъ любилъ потолковать.
И у него вплоть до обѣда
Со свахой длилася бесѣда.
130. Дочь надо замужъ выдавать
Умно, дескать. Смотри тутъ въ оба!

- Тутъ думай думу не шутя:
 Не шашка — кровное дитя,
 Дашь промахъ разъ, — бѣда до гроба!
 135. Но сваха не была плоха.
 — Да, да! рассказывай, моль, сказки! —
 И не жалѣла яркой краски,
 Рисуня бойко жениха.

IX.

- Покамѣсть гостя толковала,
 Невольно Саша ей внимала,
 И, ѣдкой горечи полна,
 Рукою трепетной она
 5. Взаялась за дверь; была готова
 Ее неожиданно отворить,
 Явиться предъ отцомъ и снова
 Отказъ отъ брака повторить.
 Старикъ вспылить. Въ пылу досады
 10. Не будетъ отъ него пощады...
 Что жъ! такъ и быть! Но, Боже! мать
 Грозой семейной испугать,
 Заставить плакать... развѣ мало
 Она слезъ горькихъ пролила?
 15. У Саши силы не достало,
 И глупымъ бредомъ назвала
 Порывъ свой дѣвушка.

- Какъ сладко
 Въ саду малиновка поетъ!
 И какъ не пѣть! въ глуши живетъ,
 20. Въ кустѣ гнѣздо свила украдкой,
 Въ гнѣздѣ малютки... любо ей!
 Миръ Божій свѣтель. Надъ землею

Раздолье утренней порою
Купаться въ золотѣ лучей.

25. Весна, весна! души отрада!
Блестить на солнцѣ зелень сада,
Въ избыткѣ жизни каждый листъ
Трепещетъ. Въ чащѣ пискъ и свистъ,
Въ травѣ жужжанье. Дятель цѣлкій,
30. По ивѣ ползая, стучить;
Вокругъ его сухія вѣтки
Торчатъ, какъ пальцы. Грачъ глядитъ
Лукаво съ вѣковой березы;
Тамъ крикъ галчатъ на днѣ дупла,
35. Тутъ въ чашечку душистой розы
Вползаетъ желтая пчела
За медомъ. Вѣтерка дыханье
Едва касается травы,
Надъ головою дня сіянье
40. И ширь бездонной синевы.

Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ.

45. Порою яркими лучами
Ей солнце брызнетъ на плечо,
Пригрѣетъ щеку горячо,
Межъ тѣмъ неслышными шагами
За нею тѣнь ея спѣшитъ.
50. Плетень все ближе. Онъ увить
Весь хмелемъ. Дѣвушка подходитъ,
Кудрявый хмель рукой отводитъ
И на сосѣдскій дворъ глядитъ.
Онъ пустъ. Зеленая крапива

55. На зноѣ нѣжится лѣниво,
 Да у крыльца кусокъ стекла
 Сверкаетъ. Даромъ ты пришла,
 Бѣдняжка! не видать сосѣда!
 И ждать нельзя: пора обѣда.
60. Старушка дочь свою зоветъ:
 — Иди, иди! отецъ, молъ, ждетъ! —

Лукичъ былъ весель, и за щами
 Шутилъ надъ Сашей и женой:
 «Вотъ, дескать, скоро пиръ честной...

65. Готовьтесь! погуляемъ съ вами!»
 Дочь шутокъ вынести не могла
 И за водой съ двора ушла.

- Поддневный воздухъ жаромъ пышетъ.
 Съ открытой грудью спитъ, не дышетъ
70. Въ постели свѣтлая рѣка.
 На желтой полосѣ песка
 Бѣлѣетъ камень. Одиноко
 За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ,
 Крыло повисло, клювъ раскрытъ.
75. Покрытый влажною осокой,
 Къ крутому берегу приросъ
 Недвижной лодки черный носъ.
 Вдали барахтаются смѣло
 Мальчишки. Весело волнѣ
80. Ласкать ихъ молодое тѣло...
 И видны головы однѣ
 Да руки крикуновъ. Толпою
 Идутъ коровы къ водопою;
 Усталый, щелкая кнотомъ,
85. Пастухъ тащится босикомъ,
 Въ рубашкѣ.

Саша отдохнула

У камня. Тихо и жара...
Воды прозрачной два ведра
Съ краями вровень зачерпнула —

90. И оглянулась. «Гдѣ жъ онъ былъ?»
Столяръ навстрѣчу къ ней спѣшилъ.

Сосѣдъ-столяръ высокъ и строень,
Не очень смугль, не слишкомъ бѣль,
Веселый взглядъ его спокоень

95. И простодушно твердъ и смѣль;
Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста;
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

100. «Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово!
Эхъ, мѣсто дрянъ! народъ вонъ есть...
Пощѣловаль бы... право слово!
Ну, жаль! глаза бѣ ему отвести,
Да не умѣю».

— Горя много,

105. Не до того... —

«О чемъ грустить?
Что горе? въ горѣ Богъ помога;
Вѣкъ горевать, такъ что и жить!»
— Куда ходилъ? —

- «Да тутъ скончался
Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!..
110. Нѣтъ гроба... голосъба идетъ...
Я приготовить обѣщался,
Теперь снялъ мѣрку. Жаль до слезъ!

Спасибо, есть готовый тесь...
Ну, что отецъ?»

— Терпѣть устала!

115. Невмочь! — и Саша рассказала
О свахѣ.

«Эдакой старикъ!»

И головой столяръ поникъ,
Подумалъ — и встряхнулъ кудрями.
«Все вздоръ! не надо унывать!

120. Повѣрь, все кончится словами...»

— Да, хорошо! легко сказать!
Защита гдѣ? Отецъ-то воленъ...
Смотрушки завтра. Онъ сказалъ,
Чтобъ ты двора его не зналъ. —

125. «Вотъ человѣкъ! упрямствомъ боленъ!

Вѣдѣ за тобою у него
Не требую я ничего...
Я бѣденъ! этого боится?
Такъ мой топоръ не залежится;

130. Отнимется одна рука,
Вотъ есть другая... безъ куска
Сидѣть не станемъ.»

— Это знаетъ

Онъ самъ. —

«Такъ что и горевать!»

- Нѣтъ, Вася, сердце предвѣщаетъ,
135. Что намъ въ разлукѣ свѣковать! —
«Въ разлукѣ! Господи помилуй!
Да развѣ твой отецъ палачъ?
Хоть заживо ложись въ могилу, —

- Онъ не дрогнетъ! Ну, рвись и плачь,
140. Проси, покуда станеть силы,
Рѣчей и слезъ!»

— Все такъ, мой милый!

- Все это было, и не разъ...
Ты знаешь, онъ каковъ у насъ?
Жаль мать, не то — хоть утопиться:
145 Попрекъ, ругательство да споръ... —
«Ну, что жъ теперъ и согласиться?
Подставить шею подъ топоръ?..
Послушай: старику извѣстно,
Что я не плуть и въ словѣ твердь.
150. Ему навѣрно вотъ что лестно —
Женихъ богатъ... Лукичъ вѣдь гордъ!
Ну, и расчетъ: онъ, молъ, надѣжа
Въ нуждѣ, то-есть... такъ помогу,
Мой другъ, и я. Ей-ей, не лгу!
155. Хлѣбъ надобенъ — возьми! Одѣжа —
Дамъ и одѣжу! пусть лежитъ
Хоть на печи, все будетъ сытъ!
Скажи ему».

— Онъ посмѣется,

- А смѣхъ во зло меня введетъ...
160. Ты не повѣришь, — сердце рвется,
Когда онъ подъ хмелькомъ придетъ
Да зашумить! Сама вѣдь знаю,
Что грубость — грѣхъ: не утерплю,
Забудусь. Послѣ проклинаю
165. Себя же... Я его люблю,
Да чтѣ... недостаетъ терпѣнья! —
«Эхъ, руку бь даль на отсѣченье,
Да не поможешь!.. мой совѣтъ —

- Подождись: грубить не слѣдь.
 170. Что дѣлать! болѣе терпѣла,
 Дождемся счастья...»

Но грустна

- Стояла Саша. Думъ полна,
 На воду тихую глядѣла
 Глазами мутными она.
 175. Лазурь небесъ тамъ отражалась;
 Рѣка, свободна и свѣтла,
 Ее привѣтливо, казалось,
 Въ свои объятія звала.

Х.

- Мерцають звѣзды. Городъ сонный
 Какъ будто вымеръ, — такъ онъ тихъ!
 Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
 Бѣлѣють смутно. Мѣсяцъ полный
5. Свободу далъ своимъ лучамъ:
 По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ;
 Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ,
 Другой, какъ хитрый чародѣй,
 Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей
10. И цѣпь колодника освѣтитъ;
 Неслышно церковь навѣститъ,
 Окладъ иконъ посеребрить;
 Не зная страха и запрета,
 Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ,
15. Скорбящій ликъ Владыки свѣта, —
 И дерзко ляжетъ на престолъ.
 Иль въ чашу сада проберется,
 По темной зелени блеснетъ,
 Росинку на листѣ найдетъ, —

20. Росинка искрою зажжется.
Порой по улицѣ пустой
Безсонный сторожъ молча ходить
И въ доску бьетъ, и эхо вторить;
Тѣнь позади на мостовой
25. Махаетъ, какъ и онъ, рукой.
И снова тихо . . . Звѣздъ сіянье
Такъ чудно! Вдругъ въ лицо пахнетъ . . .
Что это? Вѣтерка дыханье,
Иль духа горяго полеть?
30. Спитъ Божій людъ. Столяръ доселѣ
Не успокоился въ постели.
Лежитъ онъ подлѣ верстака,
Отдѣлкой гроба утомленный;
Подушка — локоть обнаженный,
35. Подъ локтемъ — жесткая доска.
Печально смотритъ мастерская:
Смолистый запахъ изливая,
Бѣлѣютъ стружки на полу,
Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
40. Топоръ въ березовый обрубокъ
Воткнулся носомъ. На стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ.
Пила при трепетномъ огнѣ
Блеститъ и меркнетъ. На скамейкѣ,
45. Въ платкѣ и желтой душегрѣйкѣ,
Семьи сварливая глава,
Сидитъ дородная вдова
И молча карты раскладаетъ:
Про сынинъ бракъ она гадаетъ.
50. Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ:
То выйдетъ — да, то выйдетъ — нѣтъ.
Вотъ, напимѣрь: *печаль, дорога,*

Постель большая, интересъ...

- Да тутъ и навыкъ не помога,
 55. Богъ знаетъ, — просто темный лѣсъ!
 Межъ тѣмъ, съ гремушкою въ ручонкѣ,
 До вечера проспавшій днемъ,
 Въ штанишкахъ, въ синей рубашонкѣ,
 По стружкамъ скачетъ босикомъ
 60. Ея сынишка краснощекий,
 И, православныхъ избъ жилецъ,
 Извѣстный на Руси пѣвецъ,
 Сверчокъ стрекочетъ одиноко
 Подъ печью.

«Вотъ, — сказала мать:

65. Вотъ пиковый король... постылый:
 Онъ твой злодѣй, мой Вася милый,
 Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
 Ни, ни! я прежде это знала:
 Намедни, помнится, во снѣ
 70. Все бисеръ да жемчугъ низала —
 И доведется плакать мнѣ».

Сынъ улыбнулся беззаботно.

- Не слишкомъ довѣряя снамъ,
 Одной надеждѣ безотчетно
 75. Онъ предавался: «Пусть упрямя
 Старикъ-сосѣдъ, все знаетъ Бога...
 Ну, будетъ, вѣдомо, тревога:
 Лукичъ браниться молодецъ,
 Да все же дѣтищу отецъ,
 80. Не камень... сжалится... но диво,
 Что ноетъ сердце такъ тоскливо...»
 И тяжело столяръ вздыхалъ,
 Въ раздумьи кудри расправлялъ.

- «Мнѣ то досадно, — мать сказала:
 85. Что Лукичу я уважала!
 Давно ль жена его у насъ
 Брала утюгъ... дескать, на часъ,
 Два дня держала, — я ни слова,
 Я подѣлиться, молъ, готова
 90. Съ сосѣдомъ! Сальную свѣчу
 Взаемъ на красной горкѣ взяли,
 И до сихъ поръ не отдавали...
 Ништо! покуда помолчу...
 А если онъ насъ одурачить,
 95. Я за себя не поручусь,
 Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь,
 Что любо!»

— Это ссора, значить... —

- Отвѣтилъ сынъ: бѣды-то нѣтъ,
 Безъ шума дѣло обойдется. —
 100. «Какъ свистнешь, такъ и отзовется.
 Мнѣ эдакъ дорогъ твой сосѣдъ,
 Чтò вонъ немытая тряпица...
 Ну, Саша, точно, не въ него:
 Скромна, работать мастерица...»
 105. — И не дурна? —

«Да, ничего».

- А, ну-ко, Ваня, плясовую! —
 «Какую, братецъ? А? какую?»
 Мальчишка весело спросилъ
 И ножками засеменялъ.
 110. Столяръ запѣлъ:

Какъ у насъ во садочку,
 Какъ у насъ во зеленомъ...
 Люшунки-люли!..

Вдова смѣялась.

115. На пляску. Пѣсня продолжалась
Недолго. Сердце столяра
Опять заныло. — Спать пора,
Оставь-ко, Ваня! —

«Право слово,

Я ничего! я не усталъ!»

120. Но братъ не слушалъ и молчалъ.
И принялась за карты снова
Вдова. Кудрявый Ваня сѣлъ
На лавку и въ окно глядѣлъ.
— Эхъ, какъ звѣзда-то покати́лась!
125. Смотрите! — вдругъ онъ закричалъ.
Столяръ съ улыбкою сказалъ:
«Лови!» Вдова перекрестилась.
— Знать, умерь кто... Кто ни умереть,
Такъ, говорятъ, звѣзда спадеть...
130. Э, Вася! я и не спросила:
За гробъ-то дорого ль ты взялъ? —
«Да какъ сказать... Не въ этомъ сила.
Вѣдь я покойника-то зналъ.
Чудакъ! Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ,
135. Такъ — въ старой мазанкѣ! ходилъ
Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,
Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ.
Бывало, раннею зарею,
Въ лѣсъ проберется съ западнею
140. Да съ сѣтью — холодъ нипочемъ.
Разставить сѣть, а съ птицей клѣтку
На сукъ повѣситъ иль на вѣтку,
И насторожѣ за кустомъ
Дрожить въ снѣгу... Одну заботу,
145. Покудѣ кончился, имѣлъ:

- Не во-время, моль, заболѣль,
Теперь — вотъ въ лѣсъ бы, на охоту...
Сталь умирать, какъ закричить:
— «Жена! пусти на волю дѣтокъ!»
150. — «Какихъ тамъ дѣтокъ?» говорить.
— «Моихъ-то вѣнъ, моихъ! изъ клѣтокъ!»
— Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало
(Ты въ люлькѣ былъ тогда); бывало,
155. Чуть свѣтъ — гоняетъ голубей.
Бѣдняжки съ крыши встрепенутся,
Куда! подъ облака взовьются!
Ему-то радость! вверхъ глядитъ,
А самъ свиститъ! а самъ свиститъ! —
160. Столяръ задумался печально.
Давно ли въ этой мастерской
Лежалъ отецъ его больной?
Онъ вспомнилъ взглядъ его прощальный,
Взглядъ грустный, впалые глаза,
165. Полусѣдые волоса
И эту рѣчь: «Нужда — нуждою, —
Ты, Вася, честь свою храни,
Честь пуще золота цѣни,
Ее нельзя добыть казною!
170. А коли честно ты живешь —
Все хорошо! и свѣтъ хорошъ,
И будетъ ласковъ людъ съ тобою;
Обидитъ, — Богъ съ нимъ! не суди!
Ты, знай, своимъ путемъ иди...»
175. — Охота не укорь. Намъ стыдно
И грѣхъ покойника корить!
Такимъ и я желалъ бы быть...
Ну, Ваня, наплясался, видно,

- Глаза слипаются... вставай
 180. Да Богородицу читай
 На сонъ грядущій. —

- И ребенокъ
 Молитву началъ. Чистъ и звонокъ
 Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ,
 Его ошибки поправлялъ.
 185. Локтями опершись въ колѣни,
 Вдова внимала въ тишинѣ;
 Огонь мигалъ — и братьевъ тѣни
 Передвигались на стѣнѣ.

ХІ.

- Въ рубашкѣ, съ трубкой закуренной
 И разгорѣвшимся лицомъ,
 Упрямствомъ дочери взбѣшенный,
 Лукичъ сидѣлъ передъ окномъ,
 5. И высоко приподнималась
 Отъ гнѣва грудь его. Жена
 Вздохнуть и кашлянуть боялась,
 Прижавшись въ уголь, и блѣдна
 Стояла Саша.

- «Ну, мученье! —
 10. Отецъ раздумывалъ: дивлюсь!
 — Я жениху не покажусь!..
 Вотъ дочка! вотъ повиновенье!
 За косы взяться? Визгъ поидеть...
 И жаль! рука не налегнетъ...
 15. Поговорю за-благо съ нею,
 Все лучше: можетъ быть успѣю». —
 «Эхъ-ма! таланъ ты мой худой! —

- Промолвилъ онъ, махнувъ рукой:
И самъ отрады я не видѣлъ,
20. И дочери, зная, въ горѣ жить...
Ну, Саша! послѣ не тужить!
Не говорить: старикъ обидѣлъ!
Ты умница, ну — такъ и такъ!
Выходить дѣло — я дуракъ...
25. Не стану спорить, Богъ съ тобою!
А вспомнишь всѣ мои слова,
Когда пойдешь ходить съ сумою,
Разумная ты голова!»
— Мнѣ бѣдность, батюшка, знакома;
30. Къ работѣ я привыкла дома,
А къ горю... мужнина казна
Не дастъ мнѣ счастья. —

«Не нужна!

- Столяръ дороже... ну, вѣстимо.
Ты безъ кручины и заботъ
35. Съ нимъ проживешь; заботы — мимо,
Къ вамъ счастье съ неба упадетъ...
Эхъ, дура!»

— Сжальтесь надо мною!

- За что я молодость свою
Съ немилымъ сердцу загублю?
40. За что несчастной сиротою
Покину я порогъ родной?
Какъ мнѣ просить васъ? Боже мой! —
«Я говорю — добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
45. Мнѣ что! тебя же избавляю
Отъ голода, отъ нищеты!
У столяра одна избенка,

- Казны — ни гроша, мать — бабенка
 Сварливая, всегда ворчить,
 50. Ей и святой не угодить!
 А Таракановъ — смѣтливъ, ловокъ,
 Богатъ, торговый человекъ...
 Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
 До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!»
55. — Нѣтъ! дорогими лоскутами
 Меня ужъ поздно утѣшать!
 Я не дитя!.. Не вы ли сами
 Любили это повторять? —
 «Лукичъ! — жена ему сказала:
60. Столяръ ей по сердцу».

— Ну, да!

- А знаешь, какова нужда?
 Ты на себѣ не испытала?
 Въ утѣху ли любовь-совѣтъ,
 Когда къ обѣду хлѣба нѣтъ? —
65. «И-ихъ, старикъ! онъ силенъ, молодъ,
 Не глупъ...»

— А если заболитъ,

- Да годъ въ постели пролежитъ,
 И дочь твоя узнаетъ голодъ,
 Ты, значить, какъ? поможешь ей?
70. Смотри, тогда не пожалѣй! —
 «Охъ, бѣдность! я ль ея не знаю!
 Какъ хочешь, Сашенька, гляди...
 Я принуждать не принуждаю,
 А про нужду по мнѣ суди:
75. И мать твоя была здорова,
 И весела, и молода.
 Теперь... теперь упасть готова

- Отъ вѣтра . . . Охъ, тяжка нужда!»
 — Что жъ! рада ль я себѣ? моя ли
 80. Вина? Не вы ли столяра
 Въ свой домъ, какъ сына, принимали?
 Не тутъ ли, батюшка, подчасъ
 Съ родными шла у васъ бесѣда,
 Что хорошо бы за сосѣда
 85. Отдать вамъ дочь? А я отъ васъ
 Таилась развѣ? Вы вѣдь знали,
 Что мы другъ къ другу привыкали!
 Вы это видѣли! —

«Молчать!

Ну! . . .»

- Воля ваша принуждать,
 90. А я не выйду за другого. —
 «Не слушаться? Отца родного?
 Нѣтъ, подожди, къ примѣру, врешь!
 Какъ! я не властенъ надъ тобою?
 Не властенъ? Стало, ты не мною
 95. Воспитана и рождена?
 Ты мнѣ за это не должна
 Повиноваться?»

- И не жалко,
 Не грѣхъ вамъ дочь свою губить? —
 «Ты . . . ты не смѣй меня учить!
 100. Всѣ ребра изломаю палкой!»
 — Что жъ! бейте! мнѣ одинъ конецъ!
 Кто васъ осудить? Вы — отецъ!
 Вы властны! стало быть, я стою! . . .
 О, Господи! да скоро ль я
 105. Навѣкъ глаза свои закрою? —

И покатились въ два ручья
У Саши слезы.

«Вонъ отсюда!

Ступай! вѣнчайся съ столяромъ!
Ты мнѣ не дочь! и живѣ покуда,

110. Я не пушу тебя въ свой домъ!»
— Лукичъ, — старушка зарыдала:
Опомнись! кровь твоя!.. —

«Молчать!

Умѣла твари потакать,
Теперь казнись!.. Чего жъ ты стала?

115. Вонъ, говорятъ тебѣ!»

— Пстой!

Куда жъ идти мнѣ? Боже мой! —
«Хоть къ чорту!»

— Батюшка! —

«Ни слова!

Скажи одно въ послѣдній разъ:
Готова слушаться?»

— Сейчасъ,

120. Сейчасъ скажу... —

«Ну, что жъ, готова?

Ты масломъ не зальешь огня,
Не хныкай! вотъ что!»

— Погодите...

Въ глазахъ мутится у меня... —
«Я жду!»

— О чемъ вы говорите? —

125. «Забудешь ты сосѣда?»

— Нѣтъ!

Нѣтъ, не могу! —

«Одинъ отвѣтъ...

Такъ будь ты проклята отнынѣ!»

— Какъ! Сашу, Сашу проклинать?.. —

И вздрогнула старушка-мать,

130. Какъ листь на трепетной осинѣ.

— Она моя! я буду ночь

Такъ — на колѣняхъ... Саша! дочь!

Дитя мое!.. скажи — согласна...

Не отнимай руки, не дамъ...

135. Я поцѣбую... я несчастна!..

И ты! и ты!... о, горе намъ!.. —

«Согласна», Саша отвѣчала,

И на полъ замертво упала.

— Охъ, ты мучитель нашъ!.. —

«Ну-ну! —

140. Лукичъ прикрикнулъ на жену:

Воды скорѣе!.. не хотѣла

Учить красавицу путемъ,

Вотъ довела ее до дѣла —

До грубости передъ отцомъ!»

XII.

Едва блеснувшій лучъ разсвѣта

Засталъ Арину въ хлопотахъ;

Она была уже одѣта

И грѣла воду въ чугунахъ.

5. Старушка ставней не открыла

И въ горенкѣ, какъ тѣнь, бродила,

Тревожить шумомъ не хотя

- Всю ночь не спавшее дитя.
 Вотъ утро. Саша не гуляетъ;
 10. Къ смотрушкамъ въ домѣ прибираетъ;
 Все принимаетъ новый видъ,
 Сіяетъ, лоснится, блеститъ...
 Окно на солнышкѣ сверкаетъ,
 Икона радостно глядитъ.
15. А за окномъ, на вѣткахъ ивы,
 И крикъ, и споръ нетерпѣливый
 У любопытныхъ воробьевъ:
 Смотрите, молъ!.. мытье половъ,
 Возня, тревога... дѣло худо!
20. И котъ вонъ тутъ! скорѣй отсюда!
 И птицы дружно поднялись
 И вдаль въ испугъ понеслись.
 Невесела одна невѣста,
 Не споръ и трудъ въ ея рукахъ:
25. Пойдетъ съ ведромъ, и вдругъ—ни съ мѣста.
 Стоитъ, глядитъ — туманъ въ глазахъ...

- Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
 Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
 Замѣтилъ, что заборъ непроченъ,
 30. Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
 И отдалъ въ кухню на топливо.
 Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
 Онъ зналъ, что надо терпѣливо
 И неусыпно собирать
35. Добро домашнее. Бывало,
 Когда домой идетъ не пьянъ,
 Чтò подъ ноги ему попало —
 Подкова, гвоздикъ — все въ карманъ.
 Прошелся по саду отъ скуки,
40. Червей на яблонѣ сыскалъ

- И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
«Ахъ, вы, анаѳемскія штуки!
Не давитесь чужимъ добромъ!»
И, наконецъ, покинулъ домъ.
45. На перекресткѣ помолился
На церковь; нищей поклонился;
Откуда, чья она — спросилъ,
И грошъ ей въ чашку положилъ, —
Не по любви и состраданию
50. Къ подобному себѣ созданию:
Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаваніе святое
Ему сторицею пошлетъ...
Желанье, кажется, благое
55. И основательный расчетъ.
Купилъ на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
У горемыки мужика,
О всходахъ проса, гречи новой
60. Потолковалъ съ нимъ напередъ
И крѣпко побранилъ господъ:
«Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись — имъ все не въ
честь!»
Мужикъ былъ тронуть за живое,
65. Заговорилъ, забылъ про шерсть:
— Вотъ-то дескать!.. и то, и въ празд-
никъ. —
«Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумаж-
никъ!»
Лукичъ, нахмураясь, отвѣчалъ
И, вѣся шерсть, на рубль укралъ.
-

70. Домъ Лукича горить огнями,
Кругомъ ночь черная лежитъ,
Отъ красныхъ оконъ полосами
Свѣтъ въ сонной улицѣ висить.
Гостями горенка набита,
75. Женихъ высокъ, румянъ, курчавъ,
Веселый взглядъ его лукавъ;
Невѣста бѣдная убита,
Разносить чай, а гости пьютъ
Да рѣчи умныя ведутъ.
80. Съ досадой женщины толкуютъ,
Что оплошаль гостиный рядъ,
Товары завалю глядятъ,
Купцы безсовѣстно плутуютъ,
На шаляхъ мало пестроты,
85. На ситцахъ блѣдныя цвѣты.
Старушки съ грустью вспоминаютъ
О сарафанахъ съ галуномъ,
О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
И прихоть моды обвиняютъ.
90. Хозяинъ судить съ женихомъ
О разныхъ выгодахъ торговли,
О недостаткѣ рыбной ловли
Въ ихъ городѣ, и сознаетъ,
Что рѣчь разумно онъ ведетъ.
95. Какъ мраморъ блѣдная, невѣста
Уже не разъ вставала съ мѣста
Гостей сластями обносить
И свой нарядъ перемѣнить.
Женихъ и мать его съ роднею
100. Перемигнулись межъ собою:
«Пора, молъ!» и пошли на дворъ
Надъ Сашей кончить приговоръ.
«Каковъ женихъ? не молодчина? —

- Шепталь Лукичъ: не плачь, Арина!
 105. Ты, Саша, удались пока;
 Начнется торгъ, такъ не рука
 Тутъ быть невѣстѣ...» Сваха входитъ,
 Поклонъ-другой, и рѣчь заводитъ:
 «Ну, батюшка, товаръ хорошъ,
 110. Купца похвалишь ли, не знаемъ».
 — Ты честь товару отдаешь,
 И мы купца не оуждаемъ;
 Расчетъ въ приданомъ. —

«И, родной!

Не просимъ лишняго».

— Пстой!

115. Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ...
 Ты слушай вотъ что: жемчугу
 И денегъ дать я не могу,
 А насчетъ платья — я согласенъ. —
 «Нѣтъ, нѣтъ! копеечки одной
 120. Мы не уступимъ, золотой!»
 — А я и нитки не прибавлю! —
 И завязался жаркій споръ.

«Пустѣйшій, значить, разговоръ! —

Сказалъ женихъ: я все поправлю.

125. Дочь ваша, смѣю доложить,
 Не то что... да-съ! Ей-ей, безъ лести!
 Извольте насъ благословить,
 Коли я нравлюсь ихней чести,
 Намъ деньги — пыль-съ!»

— Выходить, рокъ!..

130. Жена! утирку и платокъ! —

- Старушка, плача, суетилась.
 Невѣста снова появилась,
 Поднось у матери взяла
 И жениху, съ боязнью тайной,
 135. На немъ подарокъ обручальный,
 Глотая слезы, подала.
 Женихъ утерся имъ легонько,
 Невѣстѣ молча возвратилъ;
 Утерлась и она.

«Ну, только!

140. Теперь Господь васъ съединилъ»,
 Съ поклономъ сваха имъ сказала,
 И поцѣлуемъ приказала
 Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть
 И любововно рѣчи вестъ.
145. И гости весело шумѣли.
 Подруги Саши пѣсни пѣли;
 Простой напѣвъ ихъ грустенъ былъ,
 Тоску и думу наводилъ.
 Вино лилось. Съ улыбкой сладкой
150. Женихъ невѣсту цѣловалъ,
 Арина плакала украдкой,
 Лукичъ безъ устали плясалъ.
 Межъ тѣмъ невзгода бушевала,
 Выль вѣтеръ. Молніи струя,
155. Сквозь ливень крупнаго дождя,
 По темнымъ стекламъ пробѣгала,
 За нею вслѣдъ катился громъ,
 И вздрагивалъ непрочный домъ.

- Невѣста бѣдная сидѣла
 160. Всему чужда, едва жива;

- Какъ въ полымѣ, у ней горѣла
 Потупленная голова.
 Не въ радость былъ ей пиръ веселый,
 Звонъ рюмокъ и напѣвъ подругъ.
165. Нѣтъ! Сашу мучилъ бредъ тяжелый!
 Надъ садомъ звѣзды. Тишь вокругъ.
 Припавъ щекой къ плечу сосѣда,
 Она подъ ивой съ нимъ стоитъ,
 Чуть внятнѣй шопотъ — ихъ бесѣда,
170. Да громко сердцу говорить...
 Какъ темны листья сонной ивы!
 Какъ ясенъ мѣсяцъ молчаливый!
 Вотъ полдень. Жарко. Вѣтеръ спитъ.
 Горячъ песокъ. Рѣка блеститъ.
175. Сосѣдъ на берегу; онъ блѣденъ.
 «Что жъ, — говоритъ: я, Саша, бѣденъ!..
 Все вздоръ! отецъ твой не палачъ!
 Проси, мой другъ! и рвись, и плачь!»

- «Гуляй, бѣднякъ! богатымъ будешь! —
180. Хозяинъ пьяный закричалъ,
 И Сашѣ на ухо сказалъ:
 Сосѣда что ли не забудешь?
 Взгрустнулось!.. жениха займи!
 Не то я... прахъ тебя возьми!
185. Гм! понимаешь?..» Дочь вздрогнула,
 Въ испугъ на отца взглянула,
 Въ отвѣтъ полслова не нашла.
 Но тутъ подруга подошла,
 Вся въ бѣломъ, бойкая, живая,
190. И, Сашѣ руку пожимая,
 Шепнула: «Не круши себя!
 Я знаю!.. выручу тебя!..»
 Прищурила глаза лукаво

И сѣла рядомъ съ женихомъ.

195. «Какъ жарко!»

— Да-съ! —

«Досадно, право!..

Вы танцы любите?»

— Съ трудомъ,

Такъ-съ, малость самую танцую. —

«Зачѣмъ же?»

— Какъ бы вамъ сказать...

Ногами вензеля писать

200. Мнѣ некогда-съ! вѣдь я торгую. —

«Вы курите?»

— Ни, Боже мой!

И не къ чему-съ: расходъ пустой! —

«Зимой катаетесь?»

— Бываетъ,

На Сырной. Это ничего-съ!

205. Вотъ, жалко, вздорюжалъ овесъ!

Конь, знаете, не понимаетъ:

Чтò жерновъ, мелеть Божій даръ. —

«Скажите!»

— Да-съ! Вотъ самоваръ

Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю,

210. Съ ребячества привыкъ я къ чаю,

Сначала просто пью, потомъ

Употребляю съ молокомъ;

Не покупать-съ: своя корова. —

«Конечно. Съ молокомъ здорово...

215. У васъ цѣпочка не дурна».
— Четыре серебромъ дана,
По случаю-сь. —
- «А! вы счастливы!»
- Цыганки то же говорятъ,
Таланъ все, знаете, сулятъ...
220. Все чепуха-сь! на грушѣ сливы. —
«Какъ! вы гадали?»
- Да-сь, гадалъ.
- Я сумасшедшаго знавалъ;
Ахъ, тотъ угадывалъ отлично!
Бывало, дичь несеть, несеть,
225. Подчасъ и слушать неприлично,
Да вдругъ такой намекъ ввернетъ,
Что просто... да-сь! ей-ей, чудесно!
Даръ, значить! все ему извѣстно! —
«Нѣтъ, не люблю я ворожить!»
230. Иное дѣло — говорить,
Вотъ это такъ. Сама не знаю,
Чуть на минуту умолкаю,
Мнѣ скучно... даже зло беретъ...
Поговоришь — и все пройдетъ.
235. Я надоѣмъ и вамъ ужасно:
Все говорю и говорю,
Болтушка — скажете...»
- Напрасно!
Чувствительно благодарю! —
- Усердной пляской утомленный,
240. Забившись въ уголъ отдаленный,
Лукичъ покрикивалъ сквозь сонъ:
«Молчать!.. покой мнѣ дайте... вонь!»

— Прощайте, батенька, прощайте! —

Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ

245. И руку Лукичу пожалъ.

«Ты что за птица?»

— Угадайте! —

«Пожалуй. Помоги мнѣ встать.

Ты кто?»

— Вашъ нареченный зять. —

«Подай свѣчу... Вотъ такъ... не знаю!..»

250. Столяръ что ль? Нѣтъ, онъ не таковъ...»

— Я, батенька, Тарасъ Петровъ. —

«А! вспомнилъ, вспомнилъ! понимаю!

Ну, поцѣлуй меня... вотъ такъ!

А я, ей-Богу, не дуракъ!

255. И Саша вотъ... дитя родное...

Мнѣ, значить, жаль... подумалъ ночь...

И столяры... и все такое...

А ты вѣдь можешь мнѣ помочь?

На совѣсть, честно поторгую!

260. И ты, выходить, чуть сплутую...»

Женихъ давно за дверью былъ,

Но все свое Лукичъ твердилъ.

XIII.

Востокъ краснѣетъ. Кровли зданій,

Дождемъ омытыя, блестятъ.

По небу синему летятъ

Огнемъ охваченныя ткани

5. Прозрачно-блѣдныхъ облаковъ,

И тихій звонъ колоколовъ

- Ихъ провожаетъ. Парь волнами
Плыветъ надъ сонными домами.
Онъ влаженъ. Свѣжій воздухъ чистъ.
10. Дышать легко. Румяный листъ
Трепещетъ, каплями покрытый.
По улицѣ ручей сердитый
Журчитъ, доселѣ не затихъ.
Межъ бѣлыхъ камней мостовыхъ
15. Вода во впадинахъ албеть.
Порою вѣтерокъ повѣетъ, —
И грудь невольно распахнешь,
Цвѣтовъ и травъ дыханье пьешь.
Проснися, Божій людъ! не рано!
20. Вотъ кормить ласточка дѣтей,
Несутся стаи голубей
Въ поля. Лучъ солнца изъ тумана
Уже сквозить, — и Божій людъ
Проснулся весело на трудъ.
25. Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою,
Поникъ кудрявой головою,
И не поетъ его пила:
Кручина руки отняла.
Халатомъ старенькимъ покрытый,
30. Его братишка, какъ убитый,
Раскинувъ руки, сладко спитъ,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка
Безъ дѣла подъ бокомъ лежитъ.
35. Дверь настезь, — и вдова вбѣжала,
Съ усиьемъ духъ перевела,
Руками бойко развела
И вскрикнула: «Не угадала?
Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ!

40. Вотъ твой Лукичъ-то! вотъ онъ, плуты!
 О-охъ, родимые! устала!..
 Дай, сяду... охъ!.. терпѣнья нѣтъ!...
 Отдѣлали! хорошъ сосѣдь!»
 — Нельзя ли, матушка, безъ шуму?
45. Не весело и безъ того! —
 «Ну славно, славно! ничего!
 Сиди вотъ сиднемъ! думай думу!
 А Сашка-то исподтишка
 Вонъ подцѣпила женишка...»
50. Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
 Ужъ цѣловалась, цѣловалась!
 Ну-ну! безстыжіе глаза!
 Да что вѣдь — на меня взглянула —
 И головою не кивнула...»
55. А!.. какво? не чудеса?»
 — Да ладно! мнѣ-то что за дѣло! —
 «Благодарю! благодарю!
 Ну, извини, что надоѣла
 И не у мѣста говорю...»
60. Нѣтъ дѣла! думаешь, не штука?
 Съ тобою матери-то мука:
 Дѣвчонкой, душой проведенъ!
 Понравилась! околдовала!
 Вишь роза! гдѣ и расцвѣтала!»
65. И мать съ досады вышла вонъ.

Ей нужды было очень мало,
 Что сынъ невѣсту потерялъ,
 Да самолюбіе страдало:
 Сосѣдь, бѣднякъ — и отказалъ.

70. Обидно, главная причина!
 И оскорбленная вдова
 Сердилась на себя, на сына,

- На цѣлый свѣтъ . . . она едва
Кота полѣномъ не убила
75. За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой:
Ты, молъ, не пей, такой-сякой!

- Услышавъ вечеромъ случайно
У Лукича напѣвъ печальный,
80. Столяръ промучился всю ночь.
Кого винить: отца, иль дочь,
Рѣшить хотѣлъ онъ, и терялся.
Ходилъ впотѣмахъ по мастерской,
Въ постелю жесткую кидался
85. И слушалъ бури свистъ и вой,
И блескомъ молніи порой
Его лобъ блѣдный освѣщался.
Постелю снова покидалъ,
Свѣчу безъ нужды зажигалъ.
90. Теперь сомнѣнья не осталось:
Онъ Сашу видѣлъ изъ окна;
Толпой гостей окружена,
Средь смѣха пьянаго, казалось,
Она подъ ножъ подведена.
95. «Ахъ, Саша, Саша!» и тоскливо
Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
Поросшій жгучею крапивой,
На кровли, на чужой заборъ . . .
И смутно передъ нимъ мелькали
100. Его прожитыя лѣта —
Перенесенныя печали,
Безропотная нищета,
О домъ, о семьѣ забота,
Работа днемъ и по ночамъ,
105. Трудъ изъ-за хлѣба, трудъ до пота,

- Едва не съ кровью пополамъ;
 Вся горечь жизни обыденной,
 Все, что язвить и мучить насъ,
 Что отравляетъ жизнь подчасъ,
 110. Весь воздухъ, пищу, сонъ покойный,
 Все, что давно ужъ пронеслось, —
 Закопошилось, поднялось,
 Дыханье въ горлѣ захватило
 И свѣтъ туманомъ позакрыло ...
115. «Эхъ! пропадай ты, голова!»
 — Куда ты? — крикнула вдова,
 Глазами сына провожая
 Съ крыльца, но сынъ не отвѣчалъ,
 Калиткой хлопнулъ — и пропалъ.
120. Пора обѣда наступила,
 И все нейдетъ столяръ домой.
 Кручина молодца сломила,
 Ввела въ кабакъ, виномъ поила,
 Поила отъ роду впервой.
125. И пѣль онъ пѣсни, — и смѣялась
 Толпа гулякъ средь кабака, —
 Пѣль громко, а змѣя тоска
 Кольцомъ холоднымъ обвивалась
 Вкругъ сердца.
- ... «Охъ, не утерплю!»
130. Сказалъ дѣтина худощавый
 И, скинувъ съ плечъ халатъ дырявый,
 Пошелъ плясать. «Вотъ такъ! люблю!»
 Зѣваки пьяные шумѣли.
 Дѣтина соловьемъ свисталъ,
135. Привскакивалъ и присѣдалъ.
 На полкахъ шкалики звенѣли.

- «Нѣтъ, пой, кто хочеть! я усталъ!»
 Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ,
 Ладонью въ лобъ себя ударилъ
140. И грустный на скамейку сѣлъ,
 И думалъ думу... вдругъ расправилъ
 Густыя кудри и запѣлъ.
 Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ
 Да про худой таланъ и горе...
145. И пѣснь лилась; пѣвецъ блѣднѣлъ.
 Казалось, все: тоску разлуки,
 И плачь любви, и грусти стонъ
 Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ
 И воплотилъ въ живые звуки...
150. И каждый звукъ былъ полонъ слезъ;
 То съ поражающею силой
 Онъ неся въ высь, все росъ и росъ,
 Какъ будто съ свѣтомъ, съ жизнью милой
 Прощался, въ небѣ утопалъ;
155. То падалъ, за сердце хваталъ.
 И гасъ, какъ свѣточъ, постепенно...
 Пѣвецъ умолкъ и застоналъ:
 «Охъ, душно, братцы!..» и мгновенно
 Рубашки вѣротъ разорвалъ.
160. «Вина!»

Сидѣлецъ засмѣялся:

— Клади, молъ, денежки-то намъ. —

«А въ долгъ?»

— Проваливай! —

«Отдамъ!»

— Спасибо! экъ онъ разгулялся! —

«Проклятый! на вотъ казакинъ!»

165. Но вдругъ картина измѣнилась:
 Въ слезахъ и блѣдная, явилась
 Мать столяра. «И ты мнѣ сынъ?
 Святитель! Николай-Угодникъ!
 Да гдѣ я? .. Охъ! подъ сердцемъ жжеть!»
170. Шла мимо... съ рынка... сынъ поетъ!..
 Все Сашка!.. Такъ!.. сосѣдь-разбойникъ!
 И запилъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ!»
 Сынъ стиснулъ поднятый кулакъ...
 «Ха-ха! доходить до расправы! —
175. Сказалъ дѣтина худошавый:
 Къ чертямъ старуху! проучи!»
 Столяръ схватилъ его: — Молчи! —
 И грянулъ объ полъ. «Стой, ребята!
 Связать его! позвать солдата!»
180. Сидѣлецъ крикнулъ. «Вотъ онъ, другъ!»
 И въ молодца впились шесть рукъ.
 Но молодецъ сверкнулъ глазами,
 Тряхнулъ могучими плечами, —
 И всѣ разсыпались. Вдова
185. Перепугалась. «Голова!
 Перекрестись! ну, что ты? Стыдно!
 Опомнись! съ улицы вонъ видно!
 Эхъ, соколь, соколь! какъ теперь
 Изъ этой пропасти за дверь
190. Ты выйдешь? А? Побойся Бога!
 Ты пропадешь!..»

— Туда дорога! —

- «Я знаю, знаю, отъ чего
 Ты выпилъ! Ну, и ничего...
 Я мать... Мнѣ, думаешь, отрада?»
195. Ну, брось! забудь! такъ, стало, надо!
 Знать не судьба твоя!..»

— Забуди!

- Да ножъ-то, ножъ-то прямо въ грудь
Засѣль!.. Оставь меня, родная! —
«Пойдемъ, голубчикъ мой, пойдемъ!
200. Братишко плачетъ, отпертъ домъ...
Все пусто... да! и мастерская...
Топоръ тамъ... все... ну, пошалилъ...
Ты вспомни, какъ отецъ-то жилъ!
Что завѣщаль-то!.. Власть не наша!
205. Перенеси!»

— Ахъ, Саша, Саша!

Навѣкъ пропали мы шутя! —
Столяръ заплакалъ, какъ дитя.

XIV.

- Со дня помолвки измѣнился
Невѣсты скромный уголокъ;
Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
5. Ихъ занимало на досугѣ
Шитье приданаго подругѣ,
Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
Порою сновъ истолкованье,
10. Въ саду горѣлки и гулянье;
Но вечеринокъ блескъ и шумъ
Сильнѣе занималъ ихъ умъ.
Двѣ скрипки, въ домѣ освѣщенье,
Отъ стука крѣпкихъ каблуковъ
15. Дрожанье стульевъ и столовъ,
Смѣхъ *молодцовъ*, ихъ объясненье:
Насчетъ того-съ... мое почтенье...

- Горячихъ поцѣлуевъ звукъ,
 Украдкою пожатые рукъ —
 20. Вотъ вечеринка; остальное
 Не новость: сборище ночное, —
 Подъ окнами толпа зѣвакъ,
 Въ окрестномъ мракѣ лай собакъ.

- Отцу суровому послушна,
 25. Всегда задумчива, тиха,
 Свою печаль отъ жениха
 Таила Саша. Равнодушна
 Въ толпѣ подругъ она была;
 Порой казалась весела,
 30. Шутить, смѣяться начинала,
 Но вдругъ, средь смѣха, умолкала
 И уходила въ садъ, — и тамъ,
 Въ зеленой чащѣ, одиноко
 Садилась на скамьѣ широкой
 35. И накопившимся слезамъ
 Давала волю...

«Слава Богу! —

- Отецъ невѣсты разсуждалъ:
 Теперь на ровную дорогу
 Я выйду: зятя отыскалъ...
 40. Не столяру чета! Онъ, вѣрно,
 Поможетъ тестю... Вотъ что скверно —
 Никакъ приданымъ не собьюсь!
 Бѣда, къ примѣру! смерть боюсь!
 Что если свадьба разойдется?
 45. Чортъ знаетъ, просто сбился съ ногъ!
 Навязываю домъ въ залогъ —
 И тутъ заемъ не удастся!
 Не скажутъ прямо: деньги есть

- Не про твою, къ примѣру, честь;
 50. Помучать болтовней, разспросомъ,
 На что, молъ, — и отправить съ носомъ:
 Свои-де нужды, извини...
 Вотъ богачи-то! вотъ они!
 Вотъ правда!.. Или попытаться
 55. Пойти къ Скобѣеву? Вѣдь жидь!
 Просить не стоить... и сердить...
 Да Богъ съ нимъ! Мнѣ равно шататься!
 Ужъ занимать не миновать,
 Глядишь, уважить, — какъ узнать?»
60. И черезъ часть, проситель скромный,
 Онъ у Скобѣева въ пріемной
 Ждалъ милости. Лакея нѣтъ,
 Налѣво двери въ кабинетъ,
 Тамъ разговоръ.

«Такъ все готово?»

65. Звучаль густой, хозяйскій басъ
 (Лукичъ узналъ его за-разъ).
 — Да, мнѣ дано честное слово, —
 Разбитый голосъ отвѣчалъ:
 Вчера и нынѣ хлопоталъ
 70. Въ комиссіи. —

«А! вы оттуда...»

Прекрасно! стало, нашъ подрядъ...»
 — Все подвигается покуда;
 Подмазать надо, говорятъ.
 Вы какъ? не прочь? —

«Весьма пріятно!

75. На вещи цѣну-то того...
 Вы понимаете?»

— Понятно.

Да не опасно ль? —

«Ничего!

А по бумагамъ безусловно
Въ подрядѣ вы: я подѣ судомъ».

80. — Какъ ваше дѣло въ уголовной? —
«Пустякъ! конечно, подѣ сукномъ...
Жаль, нѣтъ войны! подряды мелки,
Отъ мира мало намъ добра!»
— Ну, грѣхъ сказать! —

«Все вздоръ! бездѣлки!

85. Нѣтъ, батюшка, не та пора!
Тамъ видишь груди серебра!
Бывало, сердце разгорится...
Эхъ, молъ, равно! Господь простить!
И хватишь смѣло, — ну и сытъ:
90. Сундукъ трещить, какъ говорится!»

Лукичъ затылокъ почесалъ
И долго головой качалъ:
— Ну, хороши, молъ! —

«Вы къ обѣду

- Ко мнѣ?» Скобѣевъ забасилъ
95. И гостю двери отворилъ.
— Не знаю... можетъ быть, приѣду, —
Въ раздумьи бородачъ сказалъ.
Скобѣевъ громко засвисталъ.
Едва свистъ барина раздался,
100. Худой и блѣдный казачокъ
Вбѣжалъ, въ испугѣ заметался

И гостю лысому помогъ
Надѣтъ шинель.

«Зачѣмъ явился? —

- Скобѣевъ Лукича спросилъ,
105. Въ карманы руки заложилъ
И въ мягкомъ креслѣ развалился:
Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ?»
— Что, сударь, обнищаль совсѣмъ!
Просваталь дочь, нужна помога,
110. Цѣлковыхъ эдакъ сто взаемъ,
Я заложилъ бы вамъ свой домъ,
Не откажите, ради Бога! —
«Просваталь дочь... А что она
Молоденькая? не дурна?»
115. Румяный баринъ улынулся,
Прищурился и потянулся.
— Вы все изволите шутить...
Тутъ горе! смѣю доложить. —
«Да врешь! когда вашъ братъ горюеть?»
120. Привыкъ къ бездѣлю, пьетъ вино,
Да ѣсть и спать, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно!»
— Всѣ люди грѣшные, конечно...
Я заплачу вамъ черезъ годъ;
125. Проценты вычтите впередъ,
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно! —
«Пожалуй, почему не такъ.
Ты мнѣ заслужишь, я надѣюсь...»
— Послѣднихъ силъ не пожалѣю-сь!
130. Вотъ благодѣтель! —

«Вотъ дуракъ!

Ха-ха! шучу! Я съ кулаками

Не связываюсь никогда!»
Лукичъ остолбенѣлъ...

— Да, да!

- Мы, значить, черви передъ вами,
135. И насъ, какъ плюнуть, раздавить...
Эхъ-ма! —

«Поменьше говорить!»
Старикъ взбѣсился.

— Ваша воля!

- Прикажете, мы замолчимъ.
Мы чтò за люди? Наша доля
140. Терпѣть. На этомъ и стоимъ. —
«Не притворяйся сиротою:
Меня не скоро проведешь!»
— Куда мнѣ съ глупой головою
Васъ проводить? Тутъ не найдешь,
145. Къ примѣру, слова... Вы богаты,
Вы баринъ, честная душа, —
Я плуть, на сюртукъ заплаты
И въ кошелькѣ-то ни гроша,
Куда мнѣ!.. Стало, не дадите? —
150. «Не разживешься, признаюсь».
— Я и за это поклонюсь.
Благодарю васъ! извините,
Что беспокоилъ. —

«Краснобай!

- Ну, ну! не кланяйся, ступай!
155. А ты мошенникъ, старичина!
Тварь хитрая!»

— Благодарю!

За рысака-то вамъ дарю,
Раздайте нищимъ. —

«Вонъ, скотина!»

— Испортишь кровь. Ну, что кричать!

160. Вѣдь лѣкаря придется звать... —

Скобѣевъ бранью разразился:

«Эй, люди! въ кнутья наглеца!..»

Старикъ съ широкаго крыльца

Сходилъ себѣ, не торопился;

165. Не скоро дворя собралась,

И перебитой разошлась.

Дуль сильный вѣтеръ. Дождикъ лился.

Согнувшись, въ обуви худой,

Старикъ печально шель домой.

170. На перекресткѣ онъ столкнулся

Съ торговкой, что-то проворчалъ,

Посторонился, поскользнулся

И чуть средь лужи не упаль.

Старуха, шамшая, сказала:

175. «Хрѣнку, родимый, не возьмешь?»

— Ну, ну! проваливай! пристала!

Безъ хрѣну горько невтерпежь... —

[Межь тѣмъ по улицѣ широкой,

Подъ ливнемъ, гнали въ путь далекій,

180. Въ халатахъ сѣраго сукна

Толпу преступниковъ. Она

Шла медленно, звеня цѣпями;

Конвой съ примкнутыми штыками

Ее угрюмо окружалъ,

185. И барабанъ не умолкалъ.

«Пошелъ народецъ на работку! —

- Лукичъ подумалъ: да, ступай...
 Поройся тамъ, руды въ охотку
 И не въ охотку покопай...
190. Есть грошъ, достать на подаянье...
 Поди, Скобѣевы живутъ,
 Ихъ въ кандалы не закують,
 Не отдадутъ на покаянье...]
 Ну, вотъ тебѣ, и взялъ взаемъ!
195. Постой! постой!.. вѣдь этотъ домъ
 Купца Пучкова... Э, почтенный!
 Я про тебя и позабылъ!
 Пучковъ... да! я ему служилъ:
 Святоша, человѣкъ смиренный...
200. Гм... мастеръ, нечего сказать,
 Горячій уголь загребать
 Чужой рукой!»

XV.

- Угрюмъ и прочень
 Пучкова домъ. На кровлѣ тесь
 Зеленой плѣсенью порось.
 Желѣзомъ на-крестъ заколочень
 Закрытый ставень кладовой.
5. Косматый сторожъ, песь цѣпной
 Лежить въ конурѣ у забора,
 Амбары въ сторонѣ стоятъ,
 Ихъ двери крѣпкія отъ вора
 Замки тяжелые хранять.
10. Безлюдно въ комнатахъ просторныхъ
 (Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
 И рѣдко принималъ гостей),
 Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ,
 Пыль на полахъ и по столамъ,
15. И паутина по угламъ.

- Но спальня, съ желтыми стѣнами,
Свѣтла, опрятно убрана,
Весь уголь занять образами,
Лампадка вѣчно зажжена,
20. Кровать накрыта простынею,
И полонъ шкапъ церковныхъ книгъ;
Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухою,
Потѣхой праздныхъ болтуновъ,
25. Соблазномъ молодыхъ головъ.

- Въ суровой школѣ горькой нужды
Пучковъ съ ребячества окрѣпъ.
Его отецъ былъ старъ и слѣпъ,
И сынъ, изнѣженности чуждый,
30. Переносилъ морозъ и зной,
Шатаясь по міру съ сумой.
Порой калѣжкой притворялся,
За крендель колесомъ катался,
И на крестѣ всегда берегъ
35. Съ казной холстинный кошелекъ.
Одинъ купецъ, старикъ бездѣтный,
Полубольной и безотвѣтный,
Его за бойкость полюбилъ,
Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
40. Приемышъ росъ, добру учился,
Поклонень, расторопенъ, тихъ,
За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился,
А ночью *Житія Святыхъ*
Читалъ хозяину отъ скуки.
45. Святыхъ мужей слова и муки —
Все помнилъ, но изъ чудныхъ строкъ,
Увы, урока не извлекъ!
Читалъ, читалъ, — и за услугу

- Купца ограбилъ наконецъ.
 50. Не вынесъ бѣдный мой купецъ:
 И пилъ, и плакалъ, спился съ кругу,
 И ночью, пьяный и больной,
 Застылъ средь улицы зимой.
 Чужого золота наслѣдникъ,
 55. Пучковъ себя не уронилъ.
 Глядѣлъ смиренникомъ и былъ
 О чести строгой проповѣдникъ.
 Не кушалъ рыбы по постамя,
 Молился долго по ночамъ,
 60. На церковь подавалъ грошами,
 Передъ нетлѣнными мощами
 Большія свѣчи зажигалъ,
 Но плутовства не покидалъ.
 И странно! плуть не лицемѣрилъ:
 65. Онъ искренно въ святыню вѣрилъ.
 Да! совѣсть надо очищать!
 Что дѣлать! страшно умирать!
 Пучковъ объ адѣ начитался...
 И какъ же онъ чертей боялся!
 70. На полчаса вздремнуть не могъ,
 Три раза «Да воскреснетъ Богъ»
 Не повторивъ. Теперь, угрюмый,
 Въ очкахъ, Псалтирь читалъ онъ вслухъ,
 Но врагъ добра, лукавый духъ,
 75. Мutilъ его святыя думы,
 И вдругъ — съ духовной высоты
 На рынокъ, полный суеты,
 Ихъ низводилъ.

Лукичъ явился.

Передъ Пучковымъ извинился:

80. «Я, моль; читать вамъ помѣшалъ

- И полъ воть грязью замараль...»
 Хозяинъ поглядѣль пытливо
 На гостя, поднялся лѣнливо,
 Бумажкой книгу заложилъ,
 85. Зѣвнулъ, молитву сотворилъ
 И отвѣчалъ: «Да, дождь сегодня.
 Все хорошо: все власть Господня...
 Ты здѣшній?»
- Здѣшній мѣщанинъ.
 Не угадали?.. Карпъ Лукинъ. —
90. И рѣчь повель онъ стороною:
 Я, моль, извѣстенъ вамъ давно,
 И позабыть меня грѣшно:
 Служилъ, какъ надобно... Нуждою
 Теперь убить. Имѣю дочь...
 95. И рассказалъ Лукичъ въ чемъ дѣло.
 «Гм... жаль, что не могу помочь!
 Мое богатство улетѣло,
 Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось
 По добрымъ людямъ. Да авось
 100. Промаюсь... Старъ... гляжу въ могилу...
 И время! Господи помилуй!»
 — Нельзя ли, сударь, пожалтъ?
 Вы сомнѣваетесь, извѣстно...
 Вотъ образъ — заплачу вамъ честно!
 105. Безъ покаянья умереть,
 Коли солгу! —
- «Зачѣмъ божиться?»
 — Да тошно! Кажется, готовъ
 Сквозь землю лучше провалиться,
 Чѣмъ эдакъ воть изъ пустяковъ
 110. Просить и мучиться напрасно! —

- «Охъ, милый, вѣрить-то опасно!»
 И тонко намекнулъ купецъ:
 Обманъ, молъ, всюду; всякъ — хитрецъ:
 Наскажетъ много, правды мало...
 115. Да! время тяжкое настало!
 Немудрено взаимъ-то дать,
 Но каково-то получать!

- Напрасно тѣломъ и душою
 Лукичъ божился, умоляль,
 120. Въ закладъ домишко предлагаль...
 Кремень-купецъ махнулъ рукою:
 «Эхъ, ну тебя! закладъ не тотъ!
 Твой домъ не каменный! нейдетъ!»
 — Несытая твоя утроба!
 125. Ну, стало, голову мнѣ снять
 И подъ закладъ тебѣ отдать?
 Вѣдь ты вотъ-вотъ подъ крышку гроба!..
 Кому казну-то ты копишь? —
 «Опомнись, съ кѣмъ ты говоришь?»
 130. — Съ тобою, старый песь! съ тобою!
 Ты вмѣстѣ вороваль со мною!
 Клади мнѣ денежки на столъ!
 Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
 «И ты мнѣ могъ? и ты мнѣ смѣешь!..»
 135. — Кто? я-то?.. Ты не подходи!
 И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,
 Убью! вотъ тутъ и околѣешь! —

- Пучковъ оцѣпенѣль. Нѣмой,
 Стояль онъ съ поднятой рукою;
 140. Огнемъ глаза его сверкали,
 И губы синія дрожали.
 Лукичъ захохоталь. — Ну, что жъ!

Ударь, попробуй! — что жъ не бьешь? —
«Вонъ, извергъ!»

— Не бранись со мною!

145. Я выйду честью! не шуми!
Не то я... прахъ тебя возьми!..
Не стоишь, правда... Богъ съ тобою. —

Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ:
Безильный гнѣвъ его душилъ.

150. — Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги,
Все, значить, о душѣ печаль...
А жаль тебя! ей-Богу, жаль! —

«Нѣтъ, не дожидаться мнѣ помощи! —

155. Грустилъ дорогою бѣднякъ:
Не вѣрятъ мнѣ. Я — голь! кулакъ!
Вотъ и ходи, считай пороги,
И гнись, и гибни ни за что.
На то, молъ, голь! кулакъ на то!
160. Гм... да! упрекъ-то вѣдь забавный!
Эхъ, ты — народецъ православный!
Не честь тебѣ лежачихъ бить,
Безъ шапки сильныхъ обходить!
Кулакъ... да мало ль ихъ на свѣтѣ?
165. Кулакъ катается въ каретѣ,
Изъ грязи да въ князья ползеть
И кровь изъ бѣднаго сосеть...
Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ,
170. Гдѣ и не думаешь, — онъ тутъ!
Не мелочь, не грошевый плутъ,
Не намъ чета, — подниметь плечи,
Прикрикнетъ, — не найдешь и рѣчи,

- Рубашку сниметь, — все молчи!
175. Господь суди васъ, палачи!
 А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
 На грошъ обманешъ поневолѣ, —
 Тебя согнуть въ бараній рогъ:
 Бранять, и бьютъ-то, и смѣются...
180. Набей карманы, — видитъ Богъ,
 Въ пріятели всѣ назовутся!
 Будь воромъ, — скажутъ: не порокъ!
 Вотъ гадость! тьфу!»

И шагъ широкій

- Старикъ съ досады ускорилъ.
185. Но вдругъ его остановилъ
 Стукъ рамы. Смотрить — домъ высокій,
 Съ кудрявымъ вензелемъ балконъ
 Густой сиренью окружень.
 Заклятый врагъ ученыхъ споровъ,
190. Его жилецъ, профессоръ Зоровъ,
 Съ сигарой подъ окномъ стоялъ
 И старика рукою звалъ.

XVI.

- Ученой бурсы отпечатокъ
 Невольно Зоровъ сохранилъ:
 Зналъ букву, глубже не ходилъ.
 Былъ въ разговорахъ простъ и кратокъ
5. И словомъ *вотъ* ихъ украшалъ;
 Безъ нужды кашлялъ. Богъ создалъ
 Его не злымъ, но... впрочемъ — мимо:
 Подчасъ молчать необходимо...
 Деньжонки славно наживалъ.
10. Лукичъ былъ встрѣченъ благосклонно,

- Обласканъ — и немудрено:
 У старика, тому давно,
 Мальчишка, труженикъ безсонный,
 Путь тяжкій Зоровъ начиналъ —
15. Латынью умъ свой притуплялъ.
 Плоды науки не пропали,
 Бѣднякъ Лукичъ дивился имъ.
 Мальчишка выросъ. Передъ нимъ
 Теперь просители стояли:
20. Священникъ, старичокъ больной,
 И дьяконъ тучный и рябой.

Священникъ кланялся. Съ досадой
 Ученый мужъ рукой махалъ:
 — Вашъ сынъ дуракъ! Вотъ и пропалъ...

25. И выгнали... хм... такъ и надо:
 Зазнался.

Священникъ.

Въ чемъ же? ради Бога,
 Скажите! Онъ изъ лучшихъ былъ.

Профессоръ.

- А вотъ: воротнички носиль,
 Да возраженій дѣлалъ много
30. Наставникамъ: я, молю, умень,
 Въ журналы, въ чтенье погружень,
 Исчерпалъ мудрость всю!..

(Священникъ хочетъ возразить).

Молчите!

Замѣтили, — онъ ничего;
 Все то жъ! Понизили его!..

(Священникъ снова хочетъ возразить).

35. Хм... погодите! погодите!..
 Понизили по спискамъ, — онъ того
 Ученъемъ занялся небрежно...
 Ну, вотъ, за это исключень!

С в я щ е н н и к ъ.

- Онъ молодъ. Онъ былъ оскорбленъ...
 40. Сперва учился онъ прилежно.

П р о ф е с с о р ъ.

- По насъ хоть звѣзды онъ хватай!
 Будь скромень! носъ не подымай!
 Онъ кто? Воспитанникъ духовный —
 Вотъ помни! Бойкость не нужна!
 45. А свѣтскость вздоръ, она вредна!
 Сказаль наставникъ, — безусловно
 И вѣрь! вы думаете какъ?
 На это власть!

С в я щ е н н и к ъ.

Извѣстно такъ.

- Прошу васъ, сжальтесь! два-три слова
 50. Сказать вамъ стоить — примуть снова...
 Позвольте мнѣ наединѣ
 Вамъ объяснить.

П р о ф е с с о р ъ.

Не время мнѣ!

- А, впрочемъ, если вы хотите,
 Пожалуй... вотъ сюда подите. —
 55. И за ученымъ мужемъ вслѣдъ
 Вошелъ проситель въ кабинетъ.

- О чемъ они тамъ толковали,
 Однѣ нѣмыя стѣны знали.
 Дверь отворилась наконецъ;
 60. Священникъ просто былъ мертвецъ,
 Такъ блѣденъ! «Вы побойтесь Бога...
 Я бѣ больше... бѣдность... негдѣ взять...»
 — Хм... Полно, полно толковать! —
 Ученый мужъ замѣтилъ строго.
 65. Несчастный попъ махнулъ рукой
 И дверь захлопнулъ за собой
 Съ проклятьемъ. Зоровъ улыбнулся:
 «Хорошъ! А попъ!.. Что нужно вамъ?»
 И къ дьякону онъ обернулся.
 70. — Да вотъ-съ, по разнымъ клеветамъ,
 Мой сынъ... замѣтило начальство,
 Что якобы онъ любить пьянство... —

«Дубковъ?»

— Да-съ. —

«Знаю я его!

Исключать. Больше ничего».

75. — За что же? Можетъ быть, ошибкой,
 Не то что выпилъ, пошалилъ... —
 И рѣчь проситель измѣнилъ
 Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой
 Подумалъ: круто своротилъ!
 80. Хитерь!

— Я слышалъ стороною,

Что вы нуждаетесь въ конѣ...

Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ...

Продамъ охотно. — И съ божбою

Плечистый дяконъ увѣрялъ:

85. — Конь добрый! я на немъ пахаль! —
«Взглянуть, пожалуй, не мѣшаетъ.
Вы приведите-ка его...
Не норовистъ онъ?»

— Ничего.

Узду, случается, скидаетъ:

90. Извѣстно, наши батраки
Лѣнтяи или дураки,
Какой присмотръ! —

«Хм... знаю, знаю!

Пусть поисправится вашъ сынъ.

Вы вотъ что, я предупреждаю,

95. Вѣдь я зависимъ... не одинъ...
Тутъ нужно...»

— Какъ же-сь! Понимаю! —

И тучный дяконъ вышелъ вонъ,

Отдавъ почтительный поклонъ. —

Профессоръ.

- Ну что, Лукичъ, не надоѣло
100. Стоять да слушать? Извини...

Лукичъ.

Помилуйте!

Профессоръ.

Вотъ мы одни...

Садись.

Лукичъ (*садится*).

Вы звали. Вѣрно, дѣло...

Профессоръ.

Хм... я коня хотѣлъ купить,
Раздумаль. Надо погодить.

Лукичъ (*лукаво улыбаясь*).

105. Такъ-съ.

Профессоръ.

Хорошо ли поживаешь?

Лукичъ.

По старому-съ! и такъ, и сякъ.

Профессоръ.

Ну, а, бываетъ, выпиваешь?

Лукичъ.

Ни капли! что я за дуракъ!
Да какъ живете вы отлично!

110. Полы подъ лакомъ, хоть глядись,
Диваны, кресла...

Профессоръ (*смѣется*).

Хм!.. Прилично...

Нельзя, деньжонки завелись!

Лукичъ (*вздыхая*).

Да-съ! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученые свѣтъ:

115. Поить и кормить... Я вотъ сѣдъ,
И все дуракъ!.. Бѣда, ей-Богу!
Тутъ бѣдность...

Профессоръ.

Ты бы мнѣ сказалъ.
Ты знаешь, я не скупъ; я бѣ далъ.

Лукичъ.

Сказалъ бы, сударь... какъ-то стыдно!

Профессоръ.

120. Хм!.. вотъ пустякъ! забылъ ты, видно,
Какъ у тебя я въ домѣ жилъ,
Уроки-то въ саду училъ!

Лукичъ

(смотреть на дипломъ профессора).

Я все гляжу, спросить не смѣю,
На этотъ листъ... вотъ-съ на стѣнѣ...

Профессоръ

(самодовольно смѣется).

125. Прочти.

Лукичъ.

Нѣтъ, сударь, не смѣю.
Написано-то не при мнѣ.

Профессоръ.

Вотъ слушай:

(встаетъ и читаетъ)

Ecclesiasticae Academiae conventus
pro potestate sibi concessa

Dominum Zorov

Magistrum sanctorum humaniorumque litterarum solenni hoc diplomate declarat honoremque ei ac privilegia concessa, decrevisse ac contulisse publice testatur.

Поняль?

Лукичъ

(съ улыбкою почесывая затылокъ).

Хоть бы слово!

Кого Господь-то умудрить!

Гм!.. диво! Вижу, въ рамкѣ новой

130. Съ большой печатью листъ виситъ —
И только. Правда, что наука!

Профессоръ (смѣется).

Вотъ то-то! Въ ней-то вся и штука!

Лукичъ (переминаясь).

А что бы васъ я попросилъ... —

И тутъ старикъ заговорилъ

135. О свадьбѣ Саши, о заемѣ,
О закладной на домъ, о домѣ, —
И на лицѣ своемъ потомъ
Горячій потъ отеръ платкомъ,
Вздохнулъ и низко поклонился.

140. Ученый мужъ не отвѣчалъ,
Въ раздумьи медленно шагаль

И кашляль, — вдругъ остановился.
 «Ты вотъ-что, ты отдашь мнѣ въ срокъ?»
 — Не выйди я за вашъ порогъ! . . —

145. «Изволь! сегодня я разстроень:
 Дѣль пропасть . . .»

— Значить, до утра?
 Такъ я въ надеждѣ. —

«Будь покоень!

Я дамъ».

- А! сынъ пономаря! . .
 Изъ грязи вышелъ, — не забылся! —
 150. Лукичъ подумаль — и простился.

XVII.

- Все рѣшено. Осталась ночь.
 Заря надъ лѣсомъ догорала,
 По желтымъ жнивьямъ тѣнь бѣжала.
 Увы! измученная дочь
5. День свадьбы грустно ожидала,
 Въ послѣдній разъ теперь рыдала
 Въ объятяхъ матери, — и мать
 Ее не смѣла утѣшать.
 Онѣ другъ друга понимали,
10. Чтò впереди, о томъ молчали,
 А горе прожитыхъ годовъ
 Такъ было живо, что безъ словъ
 Душа рвалась и въ мукахъ ныла.
 Но эти муки дочь таила,
15. Нѣма съ отцомъ своимъ была,
 Межъ ними пропасть вдругъ легла

- И Сашу навѣкъ отдѣлила
 Отъ старика . . . и тѣмъ больнѣй
 Была тоска послѣднихъ дней,
 20. Тяжеле рядъ ночей безсонныхъ,
 Невѣстой въ пыткѣ проведенныхъ! . .

- И вотъ пиръ свадебный умолкъ.
 Утихъ о немъ сосѣдей толкъ,
 Угомонились пересуды,
 25. Средь улицъ гости не поютъ,
 Не пляшутъ, и въ домахъ посуды
 Подъ пѣсни пьяныя не бьютъ.
 Арина вдругъ осиротѣла.
 Груститъ за дѣломъ и безъ дѣла,
 30. Чуть скрипнетъ дверь, — она вздрогнетъ,
 И слушаетъ, и Сашу ждетъ.
 Безъ Саши горенка скучнѣе,
 И время кажется длиннѣе,
 И котъ не весель: спать въ углу,
 35. Не поиграетъ на полу
 Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
 Она калитку запираетъ,
 И съ робостью обходитъ дворъ —
 Не притаился ли гдѣ воръ,
 40. И мужа ждетъ, и спицамъ снова
 Въ ея рукахъ покоя нѣтъ . . .
 Едва покажется разсвѣтъ,
 Работа прежняя готова;
 Старушкѣ не съ кѣмъ говорить,
 45. Тоски и грусти раздѣлить:
 Рѣчь мужа, какъ всегда, сурова . . .
 Но Саша блѣдная придетъ,
 Арина такъ и обовѣтъ
 Ее руками. «Ахъ, родная!

50. Здорова ли? Присядь, присядь!
Здорова ль? — повторяетъ мать,
Съ улыбкой слезы утирая:
Легко ль! недѣлю не была!
Ужъ я тебя, ждала, ждала!
55. Ну, какъ живешь?» И осторожно
О всякой мелочи ничтожной
Ее разспросить. «Ты смотри,
Ты не таись, молъ, говори...
Все хорошо? Ну, слава Богу!»
60. И въ лавочку черезъ дорогу
Съ копейкой трудовой спѣшить
И Сашу чаемъ угостить.
Свой садъ старушка позабыла:
Мать столяра ей досадила
65. Упрекомъ, бранью каждый день
Черезъ изломанный плетень:
— Здорово, другъ! въ саду гуляешь?
Хозяйка! яблоки считаешь?
Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
70. Поймаю, — прямо подъ топоръ! —
Арина головой качала
И ничего не отвѣчала.
Она не зла, молъ... это такъ;
Всему причина — Сашинъ бракъ.
75. Лукичъ на рынкѣ ежедневно
Встрѣчался съ зятемъ. Всякій вздоръ
Входилъ въ ихъ длинный разговоръ,
Оканчиваясь непременно
Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ:
80. О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ,
О томъ, что мужички умнѣютъ,
Не такъ легко въ обманъ идутъ,

- Что краснорядцы богатѣють:
 За рубль по гривнѣ отдають...
85. Лукичъ смѣялся: «Просто — чудо!
 Глупа ты, матушка Москва!
 Всѣмъ вѣришь!» — Этимъ и жива.
 Не ошибется... А не худо
 Того-съ... — Зять добрый замѣчалъ
90. И тестя къ чаю приглашалъ.
- «Онъ, видно, мнѣ не довѣряетъ, —
 Тесть думалъ: право, не поймешь...
 И чаемъ вдоволь угощаетъ,
 И льстить, — а толку ни на грошъ.
95. Я говорю, къ примѣру, буду
 Тебѣ въ торговлѣ помогать,
 Чужихъ равно, моль, нанимать...
 — Извольте-съ! я васъ не забуду.
 У насъ торговый оборотъ
100. Зимою-съ... вотъ зима придетъ. —
 Посмотримъ какъ зима настанетъ...
 Ну, если онъ меня обманетъ
 И я останусь въ дуракахъ,
 Безъ дома, съ сумкой на плечахъ?
105. За что же такъ? Дитя родное
 Принудилъ. Самъ теперь въ долгу...
 Нѣтъ, это черезчуръ! пустое!
 Нельзя! и думать не могу!»

XVIII.

Настала осень. Скучень городъ.
 Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
 Ночь черная и сѣрый день —
 И по нуждѣ покинуть лѣнь

5. Свой теплый уголь. Вечерами
 Вороны, галки надъ садами
 Кричатъ, собираясь на ночлегъ.
 Порой нежданный, мокрый снѣгъ
 Кружится, кровли покрываетъ,
10. Къ лицу и платью пристаесть,
 И снова мелкій дождь поидетъ,
 И вѣтеръ свистомъ досаждаесть.
 Куда ни глянешь, — ручейки,
 Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
15. И, морщась, пѣшеходы прячутъ
 Свои носы въ воротники.

- Лукичъ съ досадою молчаливой
 Поглядывалъ нетерпѣливо
 На небо, снѣга поджидалъ
20. И непогоду проклиналъ.
 На рынкѣ нечѣмъ поживиться:
 Дороги плохи, нѣтъ крестьянъ;
 Ходи, глотай сырой туманъ,
 Пришлось хоть воздухомъ кормиться!
25. На зло кулакъ-молокосось
 Надъ нимъ трунить: «Повѣсилъ носъ!
 Неволя по грязи шататься!
 Не молодъ, время отдохнуть
 И честнымъ промысломъ заняться!
30. Сидѣлъ бы съ чашкой гдѣ-нибудь...»
 Сюртукъ въ дырахъ, сквозь крышу льется,
 Въ окошки дуетъ, печь худа,
 На что ни взглянешь, — сердце рвется,
 Хоть умереть, такъ не бѣда!
35. Дождь каплетъ. Темными клоками,
 Рѣдѣя, облака летятъ.

- Ворѣны на плетнѣ сидятъ,
 Такъ мокры, жалки! Подъ ногами
 Листы поблеклыя шумятъ.
40. Садъ тихъ. Деревья почернѣли;
 Стыдяся невольной наготы,
 Въ туманѣ прячутся кусты;
 Грачей пустыя колыбели
 Качаетъ вѣтеръ, и мертва
45. Къ землѣ припавшая трава.

- Лукичъ стоитъ подъ старой ивой,
 Въ рукѣ топоръ, въ глазахъ печаль.
 Пришлось бѣднягѣ на топливо
 Рубить деревья, — крѣпко жаль,
50. Да надо: все дровамъ замѣна,
 Ихъ въ цѣломъ домѣ ни полѣна...
 И засучилъ онъ рукава.
 Что жъ выбрать? Эти дерева
 Своей рукой отецъ покойный
55. Ему на память посадилъ;
 Подъ этой ивой онъ любилъ
 Вздремнуть на травкѣ въ полдень знойный...
 «Эхъ-ма! нужда!» Топоръ стучить,
 Съ плетня вороны улетаютъ,
60. А щепки воздухъ разсѣкаютъ,
 И ива, падая, скрипитъ.

- Старушка печку затопила,
 Лукичъ на коникѣ прилегъ.
 «О чемъ грустишь?» жена спросила.
65. — Такъ, что-то мочи нѣтъ, продрогъ. —
 «Что зять-то? какъ?»

— Смотри за щами,
 Въ мужское дѣло не входи! —

- «О-охъ, не ошибись, гляди!
 Домъ заложилъ . . . что будетъ съ нами,
 70. Когда не выкупимъ?»

— Опять!

Нельзя, къ примѣру, помолчать? —

- Дверь отворилась, и горбатый,
 Въ халатѣ, съ палкой суковатой,
 Длиннобородый мужичокъ
 75. Сказалъ съ поклономъ: «Встань, дружокъ!
 Хозяинъ умный, тароватый!
 Явился гость, — и ты не радъ,
 И я, соколъ, невиновать».
 — Мы погода побалагуримъ.
 80. Ты кто? Зачѣмъ? —

«Да встань-ко, встань!

Не погоняй! кнута не любимъ . . .

Теперь — подушное достань».

— Ты, знать, отъ старосты? Разсылный?—

«Узналъ, сударикъ мой, узналъ!»

85. — Присядь: ты, кажется, усталъ . . .
 Ну, что сегодня?.. Вѣтеръ сильный?..
 Я, знаешь, все въ избѣ сижу,
 На дворъ, къ примѣру, не хожу,
 Нога болитъ. —

«Хе-хе! проказникъ!

90. Испилъ воды на свѣтлый праздникъ,
 Болитъ съ похмелья голова . . .
 Хитеръ на красныя слова!»
 — Чего! ей-ей, болитъ! безъ шутокъ!
 Вотъ видишь!.. Охъ!.. не наступлю! —

95. «Хе-хе, сударикъ мой, люблю!
 Нужда горька безъ прибаутокъ...
 Достань-ко деньги-то, родной,
 Инь — къ старостѣ пойдемъ со мной».
 — Да я бы радъ! недугъ проклятый!
100. Какъ быть? —

«Подушное платить!

- Я вотъ, сударикъ, самъ-девятый
 Живу — плачу!.. не стать-тужить.
 Шестъ душъ дѣтей, жена седьмая,
 Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ!
105. Какая тамъ нога больная!»
 — Скажи, что дома не засталъ,
 Изъ города, молъ, отлучился... —
 И въ кошелькѣ Лукичъ порылся,
 Послѣдній гривенникъ досталь.
110. «Хе-хе, сударикъ! маловато!»
 — Ей-Богу, больше гроша нѣтъ! —
 «Ну, за тобою, дѣло свято...
 Прощай покудова, мой свѣтъ!»

«Теперь на хлѣбъ добудь, гдѣ знаешь! —

115. Лукичъ подумалъ — и вздохнулъ,
 И кошелекъ на столъ швырнулъ:
 Не радъ хромать, да захромаешь!
 Попробуй-ка пожить вотъ-такъ...
 А вѣдь кричать: кулакъ! кулакъ!..»

XIX.

Вотъ и зима. Трещать морозы.
 На солнцѣ искрится снѣжокъ.
 Пошли съ товарами обозы

- По Руси вдоль и поперекъ.
 5. Ползеть, скрипитъ дубовый полозъ,
 Рѣка ли, степь ли — нѣтъ нужды:
 Вездѣ проложатся слѣды!
 На мужичкѣ бѣлѣть волосъ,
 Но весель онъ; идетъ — кряхтитъ,
 10. Казну на холодѣ копить.

- Кому путекъ, кому дорога —
 Аринѣ дома дѣла много!
 Вставая съ раннею зарей,
 Она ходила за водой;
 15. Порой бѣлье чужое мыла:
 Дескать, работа не порокъ,
 Все будетъ хлѣбушка кусокъ;
 Порою и дрова рубила,
 Когда Лукичъ на печкѣ спалъ,
 20. Похмелье храпомъ выгонялъ;
 Отъ стужи кашляла, терпѣла,
 И напоследокъ заболѣла.
 Лежить недѣлю — легче нѣтъ;
 Уста спеклись, все тѣло ноетъ;
 25. Едва глаза она закроетъ,
 Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
 Встаютъ забытыя видѣнья...
 Вотъ вспомнилась съ грозою ночь:
 Въ густомъ саду шумятъ деревья,
 30. Изъ теплой колыбели дочь
 Головку въ страхѣ поднимаетъ
 И громко плачетъ и дрожитъ,
 А мужъ неистово кричить,
 И стулъ, шатаясь, разбиваетъ...
 35. Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ,
 Малютка, убранный цвѣтами,

- Покоится подъ образами;
Блестить въ лампадѣ огонекъ,
Въ углу кадилъница дымится,
40. Столъ бѣлой скатертью накрытъ,
Подъ кисеей младенецъ спить,
Она отъ вѣтра шевелится,
А солнце въ горенку глядитъ,
На трупъ весело играя...
45. И мечется въ жару больная;
Въ ухахъ звенить, въ глазахъ темно,
Изъ глазъ ручьями слезы льются,
Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно
Къ ней звуки музыки несутся, —
50. Тамъ, свадьбу праздную, идетъ
Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ...
Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
Смотря бессмысленно кругомъ,
Старушка встанетъ, и потомъ,
55. Вся потрясенная испугомъ,
Со стономъ снова упадетъ
И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

- Лукичъ измучился съ больною:
Самъ кой-какъ печку затоплялъ
60. И непривычною рукою
Себѣ обѣдъ приготавлилъ.
Спѣшилъ на рынокъ, съ рынка снова
Жену провѣдать приходилъ,
Малиной теплою поилъ:
65. Вспотѣешь, будешь, моль, здорова, —
И снова домъ свой покидалъ,
Куска насущнаго искалъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная,
Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ:

70. «Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ!
Я умираю, дорогая...
Охъ, тошно! такъ и давить грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Все снѣгъ, да снѣгъ!..»

— Я къ вамъ хотѣла

75. Вчера придти, да то дѣла,
То гости... — Саша солгала:
Свекровь ей просто не велѣла,
Не приказаль и мужъ: авось,
Еще, молъ, свидишься, небось!
80. Старушка ложь подозрѣвала,
По голосу ее узнала,
А голосъ Саши грустенъ былъ!
«Дитя мое, я... Богъ судиль...
Дай руку!.. дай, моя родная!
85. Такъ... крѣпче жми!.. ну, вотъ теперь
Легко...» И плакала больная;
Рыдала дочь. Безъ шума въ дверь
Входила смерть.

Быль темный вечеръ.

- Порывистый, холодный вѣтеръ
90. Въ трубѣ печально завываль.
Лукичъ встревоженный стояль
У ногъ Арины. Дочь глядѣла
На умирающую мать
И все сильнѣй, сильнѣй блѣднѣла.
95. Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
И содроганья ногъ и рукъ,
Послѣдній знакъ тяжелыхъ мукъ,
Ослабѣвали. Вдругъ, рыдая,

100. Упала на колѣни дочь:
 «Благослови меня, родная!»
 — Отець твой... нищій... ты помочь
 Ему... нашъ домъ... — и рѣчь осталась
 Неконченной, — и тихій стонъ
105. Смѣнилъ слова. Но вотъ и онъ
 Умолкъ. Развязка приближалась.
 Въ тоскѣ подъятая рука,
 Какъ плеть, упала. Грудь слегка
 Приподнялась и опустилась,
110. Дыханье рѣже становилось,
 Взоръ неподвижный угасалъ,
 По тѣлу трепеть пробѣжалъ,
 И стихло все... Не умолкалъ
 Лишь бури вой.

«Одинъ остался!

115. Одинъ, какъ перстъ!» Лукичъ сказалъ,
 Закрылъ лицо — и зарыдалъ.

Уснуло доброе созданье!

Жизнь кончена. И какъ она
 Была печальна и бѣдна!

120. Стряпня и вѣчное вязанье,
 Забота въ домѣ приглядѣть
 Да съ голоду не умереть,
 На пьянство мужа тайный ропоть,
 Порой побои отъ него,
125. Про бытъ чужой несмѣлый шопоть,
 Да слезы... больше ничего!
 И эта мелочь мозгъ сушила
 И челоуѣка въ гробъ свела!
 Страшна ты, роковая сила
130. Нужды и мелочнаго зла!

Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
 Войдешь ты, — полъ не заскрипитъ,
 А душишь, душишь постепенно,
 Покуда жертва захрипитъ!

135. Съ разсвѣтомъ буря замолчала.
 Арина на столѣ лежала.
 Въ лампадѣ огонекъ сіялъ;
 Онъ какъ-то странно освѣщаль
 Лицо покойницы-старушки,
 140. И неподвижной, и нѣмой,
 И бѣлые углы подушки,
 Прижатой мертвой головой.
 Убитый горемъ и тоскою,
 Передъ иконою святою
 145. Лукичъ всю ночь Псалтирь читаль.
 Унылъ и тихъ его былъ голосъ;
 Отъ страха жесткій, черный волосъ
 На головѣ не разъ вставаль.
 Казалось, строго и сурово
 150. Глядѣла блѣдная жена;
 Раба доселѣ, съ жизнью новой
 Вдругъ измѣнилася она, —
 Свою печаль припоминала
 И мужу казнь угрожала...
 155. Старикъ внимательнѣй читаль
 И ничего не понималь.
 Всѣ буквы, мнилось, оживали,
 Плясали, разбѣгались вдругъ...
 При оборотѣ издавали
 160. Листы какой-то чудный звукъ...

Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу
 Набились въ горенку. Одрѣ
 Вдыхали и молились Богу,

- Другія въ грустной тишинѣ
165. Съ тяжелой думою стояли,
Иль объ усопшей толковали,
Что, вотъ-де, каковы дѣла —
Жила, жила, — да умерла!
Мать столяра въ углу стояла,
170. Съ кумой любимую шептала:
«Вѣдь на покойницѣ платокъ,
Что тряпка... ай-да муженекъ!
Убралъ жену, кулакъ проклятый!
О платьѣ и не говорю —
175. Я вчужѣ отъ стыда горю:
Съ заплатой, кажется, съ заплатой!..
А дочь слезинки не прольетъ...
Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ!
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
180. Она за сына моего
Хотѣла выйти... каково?
Да я-то шишь ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ,
Глупа была, глупа совсѣмъ!»
185. Сосѣдки вышли. Сталь совѣта
Отець у дочери просить:
«Ну, Саша! мать вотъ не отпѣта,
Гдѣ деньги? чѣмъ мнѣ хоронить?»
— Мой мужъ поможетъ. Попросите
190. Здѣсь посидѣть кого-нибудь
И вслѣдъ за мною приходите. —
«Да! надо, надо шею гнуть!
И по-дѣломъ мнѣ! охъ, какъ стою!»
И крѣпко жилистой рукою,
195. Остановя на трупѣ взоръ,
Свой блѣдный лобъ старикъ потеръ.

XX.

- Румянъ, плечистъ, причесанъ гладко,
 Тарасъ Петровичъ за тетрадкой
 Въ рубашкѣ розовой сидѣль,
 На цифры барышей глядѣль
5. И улыбался. Подъ рукою
 Сіяли проволоки счетъ;
 Зеленый плющъ надъ головою
 Висѣль съ окна. Полна заботъ,
 За чаемъ Саша хлопотала;
10. Пѣль пѣсни свѣтлый самоваръ;
 Въ лежанкѣ загребенный жаръ
 Краснѣль; струей перебѣгало
 По углямъ полямя. И вдругъ
 Часы издали странный звукъ,
15. Шипѣли долго и лѣниво.
 И, съ пятнышками вмѣсто глазъ,
 Кукушка сѣрая тоскливо
 Прокуковала восемь разъ.
- Лукичъ вошелъ, — и сердце сжалось
20. У Саши. Жалокъ былъ отецъ!
 Оборванъ, блѣденъ... грусть, казалось,
 Его убила наконецъ.
 Едва старикъ перекрестился,
 Румяный зять его вскочилъ
25. И сожалѣнье изъявилъ,
 Что доброй тещи онъ лишился.
 «Мнѣ, молъ, жена передала...
 Святая женщина была!»
 — Вотъ надо справить погребенье...
30. Нѣтъ гроба... сдѣлай одолженъе —
 Дай пѣмочь! —

- «Отъ добра не прочь,
 Зачѣмъ родному не помочь?..
 Гм!.. жаль! я думаю — простуда?»
 — Богъ знаетъ чтò, да умерла. —
35. «Я полагаю-сь, смерть пришла...
 Вотъ выпейте чайку покуда.
 — Благодарю! не до того. —
 «Напрасно-сь! это не мѣшаетъ:
 Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ...»
40. — Да я не зябну. Ничего...
 Не позабуди, къ примѣру, въ горѣ! —
 «Вотъ ключъ позвольте отыскать...
 Я много не могу вамъ дать,
 Не то что... да-сь! Нѣтъ денегъ въ сборѣ».
45. — Не добивай! Я такъ убить! —
 «О томъ никто не говоритъ.
 На счетъ того-сь... оно, конечно,
 Родню позабывать грѣшно,
 Да вѣдь грѣшно и жить безпечно,
50. Да-сь! поскользнетесь неравно!
 На васъ вотъ тулупишко рваный,
 Изъ сапоговъ носки глядятъ,
 А вы намедни были пьяны...
 Выходить, кто же виновать?»
55. — Охъ, знаю, другъ мой! Все я знаю!
 Вѣдь пьеть неволя иногда!
 Ты думаешь, мнѣ нѣтъ стыда,
 Что плутовствомъ я промышляю,
 Хитрю, ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ воръ? —
60. «Расчетъ въ торговлѣ не укорь...
 Все это пустяки — и только,
 На печкѣ хочется лежать!
 На рынкѣ горько промышлять,
 Ну-сь, а просить теперь — не горько?»

65. — Вѣстимо... если бы ты зналъ!
Осмѣянь всѣми, обнищаль,
Тутъ совѣсть не даетъ покою...
Зять! Не пусти меня съ сумою!
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть!
70. Поставь меня на честный путь!
Дай дѣло мнѣ! Господь порука, —
Не буду пить и плутовать! —
«Привыкли-сь. Трудно перестать!
Вотъ, значить, вамъ впередъ наука...
75. На похороны помогу,
Насчетъ другого-сь, — не могу». —
И съ бороною посѣдѣлой
Опять мнѣ грабить мужичковъ?
Пойми ты, доброе ли дѣло!
80. Неужто воръ я изъ воровъ!
Зять! Богомъ, значить, умоляю,
Подумай! Выручи! —

«Опять!

- Охота вамъ слова терять!
Нельзя-сь! По чести завѣряю...
85. Рубль серебра, извольте, дамъ». —
Такъ я, выходитъ, по домамъ
На тѣло мертвое собираю...
Ну, есть ли стыдъ въ тебѣ и честь?
Вѣдь я не нищій! я твой тесть!
90. Вѣдь я прошу не подаянья, —
Взаемъ. Ты слышишь, или нѣтъ? —
«А я даю изъ состраданья,
Не то что... да-сь! И мой совѣтъ:
Не надо брезгать».

Саша встала.

95. Негодованія полна,

Казалось, выросла она
И мужу съ твердостью сказала:
«Я свой салопь отдамъ въ закладъ —
И мать похороню!»

— Чудесно-съ!

100. Гм!.. дочка нѣжная... извѣстно-съ...
Хе-хе! Бываетъ — не велятъ! —
«Ну, если такъ, найду другое...
Вотъ обручальное кольцо...»
И Саши блѣдное лицо
105. Покрылось краскою.

— Пустое!

Не смѣешь, значить! —

«Саша, Саша!

Оставь! схоронимъ какъ-нибудь!»
Сказаль отецъ.

— Нѣтъ, воля ваша!

- Ужъ у меня изныла грудь
110. Отъ этой жизни!.. я молчала...
Онъ мягко стелеть, жестко спать...
Пусть бьетъ! я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать провѣдать не могла!
115. Бойтся — столяра увижу... —
«Столяръ мнѣ чтò? молва была...»
Онъ плутъ! плутовъ я ненавижу.
Мужъ хоть и лыкомъ сшить, — люби,
Да знай стряпню, да не груби,
120. На то жена!»

— О, будь увѣренъ,

Я буду стряпать и молчать!

Но подъ замкомъ себя держать
Я не позволю!.. —

«Не намѣренъ...

Нельзя-сь! законная жена...

125. А мужа ты любить должна —
Вотъ только!»

Саша улыбулась.

Мужъ отъ улыбки поблѣднѣлъ,
Но вмигъ собою овладѣлъ.
«Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась!

130. Объ этомъ мы поговоримъ
Наединѣ-сь... А вотъ роднымъ
Поможемъ. Нужно — и дадимъ.
Держите, батенька, Богъ съ вами!»

Тестъ молча подаянье взялъ

135. И точно память потерялъ:
Пошевелилъ слегка губами,
На зятя кинулъ мутный взоръ
И крупный потъ на лбу отеръ.
«А вамъ пора за умъ приняться! —
140. Прибавилъ зять: вы нашъ родной,
Не съ поля вихорь, не чужой,
А съ пьянымъ нечего мнѣ знаться!»

Старикъ съ поклономъ вышелъ вонъ.
О чемъ-то, бѣдный, думалъ онъ?

145. Но вѣрно думою печальной
Былъ возмущенъ: на рынокъ шель —
И, Богъ вѣсть почему, забрель
Въ какой-то переулочъ дальній.
Опомнившись, взглянулъ кругомъ —
150. И зятя назвалъ подлецомъ.

- Добычи рыночной остатокъ,
Давно Лукичъ рублей десятокъ
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ.
Теперь вотъ зять ему помочь,
155. На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ ладону, свѣчей,
Изюму, меду, калачей,
Вина, — конечно, понемногу;
Поденщиковъ приговорилъ
160. Могилу рыть, и гробъ купилъ.
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ,
На днѣ холстину разостлалъ,
Съ молитвой положилъ старушку,
165. Съ молитвою свѣчу зажегъ —
И сѣлъ въ раздумьи въ уголокъ.
Курился ладонь. Все молчало.
Играло солнце на стѣнѣ,
Бѣлѣлись свѣчи на окнѣ,
170. Стекло алмазами сверкало,
Старушка, мнилось, спала, —
Такъ въ гробѣ хороша была!
«Вотъ, — думалъ онъ: вотъ жизнь-то наша!
Недаромъ сказано, что цвѣтъ
175. Ногою смялъ, — его и нѣтъ.
Умру и я, умретъ и Саша,
И ни одна душа потомъ
Меня не вспомнить . . . Боже, Боже!
А вѣдь и я трудился тоже,
180. Весь вѣкъ и худомъ, и добромъ
Сбивалъ копейку. Зной и холодъ,
Насмѣшки, брань, укоры, голодъ,
Побои — все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну, чтò скопилъ?

185. Тулупъ остался да рубаха,
А краль безъ совѣсти и страха!
Охъ, горе, горе! Вѣдь метла
Годится въ дѣло! что же я-то?
Что я-то сдѣлалъ, кромѣ зла?
190. Вотъ свѣчи... гробъ... гдѣ это взято?
Крестьянинъ, мужичокъ-бѣднякъ
На пашнѣ пѣтомъ обливался
И продалъ рожь... а я, кулакъ,
Я, пьяница, не побоялся,
195. Не постыдился никого,
Какъ воръ безсовѣстный, обмѣрилъ,
Ограбилъ, осмѣялъ его —
И смертной клятвою увѣрилъ,
Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ!..
200. Вотъ зять, какъ нищему, помогъ...
Въ глазахъ мутилось, сердце ныло, —
Я въ поясъ кланялся, просилъ!..
А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было!
205. И смѣлъ, и молодъ, помню разъ
Въ грозу и непогодъ весною
Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою,
Нагой, на берегу лежалъ,
210. Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ, —
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился!
И все пропало! Все забылъ!..»
215. И голову онъ опустилъ,
И, задушить его готова,
Вся мерзость прожитая снова

Съ укоромъ грознымъ передъ нимъ
Стояла призракомъ нѣмымъ.

220. Бѣднякъ, бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
225. И путь иной тебѣ возможенъ,
Что ты, добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ и на помощь звалъ...
Подхваченный нужды волнами,
230. Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ.

XXI.

- Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца!
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
5. Живи, трудись, людское племя,
Вопросы мудрые рѣшай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью!.. Время, время!
Когда твоя устанетъ мочь?
10. Какъ страшный жерновъ день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ!
15. Ихъ доля — вѣчное забвенья!
Ты дашь широкой оборотъ —

И ляжетъ прахомъ поколѣнье,
Другое очереди ждетъ!

- Прошло два года. Дымъ столбами
20. Идетъ изъ трубъ. Снѣгъ порошокъ.
Чуть солнце сквозь туманъ глядитъ,
Не грѣя блѣдными лучами.
Старушка добрая, зима,
Покрыла шапками дома.
25. Заутро Рождество святое.
Санями рынокъ запруженъ,
Торговлей шумной оживленъ.
Желудка рабъ, какъ все живое,
Народъ кишитъ вокругъ цыплятъ,
30. Гусей, свиней и поросятъ.

- «Пошелъ налѣво! — торопливо
Скобѣевъ кучеру кричить
И палкой нищему грозить:
Ты что присталъ?» Но вдругъ учтиво
35. Кивнулъ кому-то головой:
«Деревня Долбина за мной!
Съ торговъ!.. поздравьте!..» — Ой, про-
пала!

- Ахъ, чтобъ вамъ не было добра!
Вотъ мужичье!.. — Мать столяра
40. Едва подъ лошадь не попала,
Къ горшкамъ съ кумою отошла,
Бесѣду снова повела:
— И говорю я это сыну:
«Оставь, молъ, ты свою кручину!»
45. Нѣтъ! долго Сашу вспоминалъ!
И вотъ что было — запивалъ!
Теперь ни-ни! Взятъ за дѣло.

- Поди ты, не женю никакъ,
 Прошу, прошу, — такой дуракъ!
 50. Вишь, рано... время не приспѣло...
 Да вретъ онъ! Это ничего!
 Ужъ уломаю я его! —

- Вотъ и столяръ. Его походка
 Размашиста. Тулупъ космать.
 55. Пробилась русая борода,
 И весель соколиный взглядъ;
 Лицо отъ холода краснѣтъ,
 На кудряхъ иней. Впереди
 Толпа зѣвакъ. Она густѣтъ.
 60. Бѣднякъ-Лукичъ песереди.
 Мужикъ съ курчавой бородою,
 Взбѣшенный, жилистой рукою
 Его за шиворотъ держаль,
 И больно билъ, и повторялъ:
 65. «Вотъ эдакъ съ вами! эдакъ съ вами!»
 Старикъ постукивалъ зубами,
 Халать съ разорванной полой
 Отъ вѣтра въ воздухъ мотался,
 И кровь на бородѣ сѣдой
 70. Застыла каплями...

- «Попался! —
 Кричалъ народъ: тряхни его!
 Тряхни получше! Ничего!»
 — Не бей по шапкѣ! одурѣтъ! —
 «Не смѣтъ бить! На это судъ,
 75. Расправа, значить... бить не смѣтъ!»
 — Валяй! Тамъ послѣ разберутъ! —
 Но вдругъ столяръ рукою смѣлой
 Толпу раздвинулъ: «Стой! за что?»

— А не обвѣшивай! за то... —

80. Мужикъ отвѣтилъ: наше дѣло!
Я продалъ шерсть, а онъ того...
Обвѣсилъ — вонъ-що! —

«Брось его!

Ты кто? Разбойникъ? Смѣешь драться?
Не знаешь — отдеруть кнутомъ!

85. Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!»
— Проваливай! Не станемъ гнаться!
Вотъ не замай, онъ покряхтитъ:
Въ бокахъ-то у него лежитъ? —

«Эхъ, съ этимъ не дошло до драки! —

90. Жалѣли, расходясь, зѣваки:
А молодець куда горячъ!
И степенъ! То-то, чай, силачъ!»

«Сосѣдъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно! —
Столяръ дорогой говорилъ:

95. Весь помертвѣлъ... лица не видно...
Что завтра? Вспомни!»

— Согрешилъ.

Обвѣсилъ... не во что одѣться...
Озябъ... и нечѣмъ разговѣться. —
«А зять?..»

— Мошенникъ! Охъ, продрогъ! —

100. «Ну, Саша?»

— Саша помогаетъ...

Въ постели... кровью все перхаесть...
Охъ, больно!.. Заложило бокъ... —
«Эхъ, Карпъ Лукичъ!»

— Молчи я знаю!

- Сгубиль я дочь свою, сгубиль! —
 105. «Нѣтъ, я не то... не попрекаю.
 Мнѣ жаль тебя: сосѣдомъ былъ...
 Бѣдняга! Выгнали изъ дома...
 Да ты идешь едва-едва...
 Квартира гдѣ?»

— У Покрова.

110. Нетоплена. Постель — солома.
 Привыкъ, къ примѣру... Охъ, продрогъ! —
 «Слышь, Карпъ Лукичъ! Ты не сердися...
 Вотъ деньги есть... Не откажися,
 Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ,
 115. Даю изъ дружества. Вѣдь хуже
 Обманывать, дрожать на стужѣ...
 Возьми, пожалуйста, сосѣдъ!
 Ну, хоть взаимъ... какъ знаешь!»

— Нѣтъ!

- Я виновать передъ тобою:
 120. Ты съ Сашей росъ... —

«Оставь! пустякъ!

- Угодно было Богу такъ...
 Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:
 Въ карманъ насильно положу,
 Вотъ на!.. и руки подержу».
 125. — Покинь! Мнѣ стыдно! —

«Знаю, знаю!

А ты не вынимай назадъ:
 Я, что родному, помогаю,
 Не то что, значить... чѣмъ богатъ!

- Утри-ко лучше кровь полою,
 130. Неловко... Стой! Господь съ тобою!
 Ты плачешь?»

— Ничего, пройдетъ.

- Я такъ. Озябъ... вода течетъ...
 Сегодня въ воровствѣ поймали,
 Прибили... милостыню дали...
 135. А дочь... Проклятый зять! Прощай! —
 «Да брось его! не поминай!
 Вотъ завтра праздникъ, дѣль-то мало,
 Ты завернешь въ мой уголокъ,
 Мы потолкуемъ, какъ бывало,
 140. Ну, да! Присядемъ за пирогъ...
 Ты просто приходи къ обѣду:
 Равно!» И старому сосѣду
 Онъ руку дружески пожалъ
 И на прощанье шапку снялъ.
 145. Лукичъ съ разорванной полою
 Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ, —
 Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою —
 И завернулъ въ питейный домъ.

-
- Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
 150. Когда мой домъ объять былъ сномъ,
 Сидѣлъ я, грустный, за столомъ,
 Подъ гнетомъ думъ, ночной порою!
 И мнѣ по твоему пути
 Пришлось бы, можетъ быть, идти,
 155. Но я избралъ иную долю...
 Какъ узникъ, я рвался на волю,

- Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
160. Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки,
165. Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ, —
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
170. Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ, быть можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя...
Ты сгибъ. Но велика ль утрата?
Васъ много! Тысячи кругомъ,
175. Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли, наконецъ, пора,
Когда блеснуть лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра
180. На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ;
185. Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?..

1854—1857 гг.

Поѣздка на хуторъ.

(Отрывокъ изъ поэмы „Городской голова“).

- Ужъ кони у крыльца стояли.
Отъ нетерпѣнья коренной
Сухую землю рылъ ногой;
Порой бубенчики звучали.
5. Семень сидѣлъ на облучкѣ,
Въ рубашкѣ красной, кнутъ въ рукѣ;
На упряжь гордо любовался,
Глядѣлъ, глядѣлъ — и засмѣялся,
Вслухъ коренного похвалилъ
10. И шляпу на бокъ заломилъ.
Ворота настезь отворили,
Семень присвистнулъ, — туча пыли
Вслѣдъ за конями понеслась,
Не догнала — и улеглась.
15. По всей степи — ковыль, по краямъ — все
туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ;
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
20. Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то, цвѣты! какъ живые стоятъ,

- Лѣниво катится телѣга,
Хруститъ подѣ шинами песокъ;
Вздохнетъ и стихнетъ вѣтерокъ;
Надѣ головою блескъ и нѣга.
55. Воздушный продолжая бѣгъ,
Сверкаютъ облака, какъ снѣгъ.
Жара. Вотъ оводъ закружился,
Гудеть, на коренную сѣль;
Спросонокъ кучеръ изловчился,
60. Хватъ кнутовищемъ — улетѣль!
Ну, погоди! — Передѣ глазами
Мелькаютъ пестрые цвѣты.
Умъ занять прежними годами,
Иль праздно погруженъ въ мечты.
65. Евграфъ вздохнулъ. Воображене
На память дѣтство привело:
Въ просторной комнатѣ свѣтло;
Складовъ томительное чтенье
Тоску наводитъ на него.
70. За дверью шумъ: отецъ его
Торгуетъ что-то... Слышны споры,
О дегтѣ, лыкахъ разговоры,
И серебра и рюмокъ звонъ...
А садъ сяньемъ затоплень;
75. Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
Тамъ лепеть, пѣнье и жужжанье —
И голоса ему звучать:
Иди же въ садъ! иди же въ садъ! —
Вотъ онъ въ гимназію отправлень,
80. Подрось — и умный ученикъ;
Но какъ-то нелюдимъ и дикъ,
Кружкомъ товарищей оставлень.
День сѣрый. Въ классѣ тишина.
Вопросъ учитель предлагаетъ;

85. Евграфъ удачно отвѣчаетъ,
Восторга грудь его полна.
Наставникъ строго замѣчаетъ:
«Мѣщанскій выговоръ у васъ!»
И весело хохочетъ классъ;
90. Евграфъ блѣднѣетъ. — Вотъ онъ дома;
Ему торговля ужъ знакома.
Но, Боже! эти торгаши!..
Но это смрадное болото,
Гдѣ ихъ умомъ, душой, работой
95. До гроба двигаютъ гроши!
Гдѣ все безсмысленно и грязно,
Гдѣ все коснѣетъ и гниетъ...
Тамъ ужась сердце обдаетъ!
Тамъ вѣетъ смертью безобразной!..
100. Но вотъ знакомый изволокъ.
Ужъ виденъ хуторъ одинокій,
Затерянный въ степи широкой,
Какъ въ синемъ морѣ островокъ.
Гумно заставлено скирдами,
105. Передъ избою на шестѣ
Бадья заснула въ высотѣ;
Полусклоненными столбами
Подперта рига. Тамъ — вдали
Волы у стога прилегли.
110. Вокругъ безлюдье. Жизни полны,
Безъ отдыха и безъ слѣда,
Бѣгутъ, бѣгутъ, Богъ вѣсть — куда,
Цвѣтовъ, и травъ, и свѣта волны...

Семень къ крылечку подкатилъ
115. И тройку ловко осадилъ.
Собака съ лаемъ подбѣжала,

- Но дорогихъ гостей узнала,
Хвостомъ махая, отошла
И на заваленкѣ легла.
120. Евграфъ приказчика Федота
Засталь врасплохъ. За творогомъ
Сидѣль онъ съ заспаннымъ лицомъ.
Его печаль, его забота,
Жена смазливая — въ углу
125. Цыплятъ кормила на полу,
Лѣнтяемъ мужа называла,
Но вдругъ Евграфа увидала,
Смутясь, вскочила второпяхъ
Съ густымъ румянцемъ на щекахъ.
130. Приказчикъ бормоталъ невнятно:
«Здоровы ль? Очень пріятно!»
Кафтанъ поспѣшно надѣвалъ
И въ рукава не попадалъ.
«Эй, Марья! Ты бы хоть покуда...
135. Слѣпа! творогъ-то прибири!
Да пыль-то съ лавки, пыль сотри...
Эхъ, баба!.. Кши! пошли отсюда!..
А я, того-съ... велѣлъ пахать...
Вотъ гречу будемъ засѣвать».
140. Евграфъ сказалъ: «Давно бы время!»
Въ амбаръ приказчика повелъ
И гречу указалъ на сѣмя;
Всѣ закрома съ нимъ обошелъ;
Въ овесъ, и въ просо, и въ пшеницу
145. Глубоко руку погружалъ, —
Все было сухо. Приказалъ
Смѣнить худую половицу
И, выходя, на хлѣвъ взглянулъ,
Федота строго упрекнулъ:

150. «Эхъ, братъ! навозу по колѣни . . .
За чѣмъ ты смотришь?»

— Все дѣла!

Запущень, знамо, не отъ лѣни . . .
Кобыла, жаль, занемогла! —
«Какая шерстью?»

— Вороная. —

155. Евграфъ конюшню отворилъ,
Приказчикъ лошадь выводилъ.
Съ боками впалыми, больная,
Тащилась, чуть переступая.
«Хорошъ присмотръ! опоена!»
160. — Ему, знать, черти рассказали, —
Приказчикъ думалъ.—Нѣтъ-съ, едва ли!
Мы смотримъ. Оттого больна —
Не любить домовой. Бываетъ,
На ней всю ночь онъ разъѣзжаетъ
165. По стойлу; поутру придешь, —
Такъ у бѣдняжки потъ и дрожь. —
Евграфъ вспылилъ. «Вѣдь вотъ му-
ченье!
Найдетъ хоть сказку въ извиненье!»

- Но, проходя межами въ полѣ,
170. Казалось, онъ вздохнулъ на волѣ,
Свою досаду позабылъ
И всходы зелени хвалилъ.
Приказчикъ разводилъ руками:
«Распашка много-съ помогла . . .
175. Вотъ точно пухъ земля была, —
Такъ размягчили боронами!»
— Гдѣ овцы? Я ихъ не видалъ. —
«Вонъ тамъ... гдѣ кустъ-то на курганѣ».

- Но взоръ Евграфа замѣчалъ
 180. Лишь пятна сѣрыя въ туманѣ;
 Что жъ! ночью можно отдохнуть —
 И онъ къ гурту направилъ путь.

- Заснула степь, прохладой дышетъ.
 Въ огнѣ зари полъ-неба пышетъ,
 185. Полъ-неба въ сумракѣ виситъ;
 По тучамъ молнія блеститъ;
 Проворно крыльями махая,
 Съ тревожнымъ крикомъ въ вышинѣ
 Степныхъ гостей несется стая.
 190. Маячить всадникъ въ сторонѣ,
 Помчался конь, — хвостомъ и гривой
 Играетъ вѣтеръ шаловливый,
 При зорькѣ пыль изъ-подъ копытъ
 Румянымъ облачкомъ летитъ.
 195. Неслышнымъ шагомъ ночь подходитъ,
 Не мнетъ травы, — и вотъ она,
 Легка, недвижна и темна,
 Молчаньемъ чуткимъ страхъ наводитъ...
 Вотъ снова блескъ — и грянулъ громъ,
 200. И степь откликнулась кругомъ.

- Евграфъ къ избушкѣ торопился,
 Приказчикъ слѣдомъ поспѣшалъ;
 Барбось ихъ издали узналъ,
 Навстрѣчу весело пустился,
 205. Но вдругъ на вѣтеръ поднялъ носъ,
 Вдали слышавъ скрипъ колесъ, —
 И въ степь шарахнулся.

За щами,
 Румянъ и потомъ окропленъ,

- Межъ тѣмъ посиживаль Семень.
210. Его веселыми рѣчами
Была приказчика жена
Чуть не до слезъ размѣшена.
«Эхъ, Марья Львовна! Ты на волю
Сама недавно отошла;
215. Ты, значить, въ милости была
У барина: и чаю въ волю
Пила, и все... А я, какъ пѣсь,
Я, какъ щенокъ, средь дворни росъ;
Блѣ, что попало. Съ тумакнами
220. Всей барской челяди знакомъ.
Отецъ мой, знаешь, былъ псаремъ,
Да умеръ. Баринъ жилъ на-славу:
Даваль пиры, держаль собакъ;
Чужой ли, свой ли, — чуть не такъ,
225. Своей рукой чиниль расправу.
Жиль я, не думаль, не гадалъ,
Да въ музыканты и попаль.
Ну, воля барская, извѣстно...
Ужъ и пришло тогда мнѣ тѣсно!
230. Одѣли, выдали фаготъ, —
Играй! Бывало, потъ пробьетъ,
Что силы дую, — все нескладно!
Растянуть, выдеруть изрядно, —
Опять играй! Да цѣлый годъ
235. Такимъ порядкомъ дуль въ фаготъ!
И вдругъ въ отставку: не годился!
Я радъ, молебень отслужиль,
Да, видно, много согрѣшилъ:
У насъ ахтеръ вина опился —
240. Меня въ ахтеры... Стало, рокъ!
Пошла мнѣ грамота невпрокъ!
Бывало, что: рога приставятъ,

- Твердить на память рѣчь заставятъ,
Ошибся — въ зубы! Въ гробъ бы легъ, —
245. Евграфъ Антипычъ мнѣ помогъ.
Я, значить, зналъ его довольно,
Ну, вижу — добръ; давай просить:
«Нельзя ль на волю откупить?»
Вѣдь откупилъ! А было больно!» —
250. И пятерней Семень хватилъ
Объ столъ. — «Эхъ-ма! собакой жилъ!»
- Евграфъ за ужинъ не садился;
И не хотѣлъ, и утомился,
И свѣчу сальную зажегъ,
255. На лавку въ горенкѣ прилегъ.
Разъ десять Марья появлялась,
Скользиль платокъ съ открытыхъ плечъ,
Лукавы были взглядъ и рѣчь,
Тревожно грудь приподнималась...
260. Евграфъ лежалъ къ стѣнѣ лицомъ
И думалъ вовсе о другомъ.
Носилась мысль его безъ цѣли;
Едва глаза онъ закрывалъ,
Въ степи ковыль припоминалъ,
265. Надъ степью облака летѣли;
То снова вздоръ о домовомъ
Въ ушахъ, казалось, раздавался,
Приказчикъ глупо улыбался...
«Гм... Знахарь нуженъ-съ... Мы найдемъ...»
270. Взятся читать, — въ глазахъ пестрѣло,
Вниманье скоро холодѣло,
Но постепенно увлеченъ,
Забылъ онъ все, забылъ и сонъ.

- Ужъ пѣтухи давно пропѣли.
275. Надъ свѣчкой вьется мотылекъ;

- Кругъ свѣта палъ на потолокъ,
И тишь, и сумракъ вкругъ постели;
По стекламъ красной полосой
Мелькаетъ молнія порой,
280. И вѣтеръ ставнемъ ударяетъ...
Евграфъ страницу пробѣгаетъ,
Его душа потрясена,
И чтò за пѣснь ему слышна!
- «Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву...»
285. Стоитъ Дездемона, снимаетъ уборъ,
Чело наклонила, потупила взоръ;
«Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву...»
Блѣдна и прекрасна, въ тоскѣ замираетъ,
Печальная пѣсня изъ устъ вылетаетъ:
290. «Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ...»
И падаютъ слезы съ послѣднимъ стихомъ.

Уходитъ ночь, разсвѣтъ блеснулъ,
И, наконецъ, Евграфъ уснулъ.

Т а р а с ь .

I.

Нужда, нужда! Все старья избенки,
Въ избенкахъ сырость, темнота;
Изъ-за куска и грязной одежки
Всѣ бьются... прямо нищета!

5. Не весела ты, глушь моя родная!
Поникли ивы надъ рѣкой,
Молчить дорожка, травкой заростая,
И бродить людъ, какъ испитой.

10. Вотъ ужъ вечеръ идетъ,
Росой травку кропить;
Въ синихъ тучахъ заря
Разыгралась-горить.

15. Золотые дворцы
По-надъ лѣсомъ плывутъ.
Золотые сады
За дворцами растутъ.

Черезъ синюю глубь
Мостъ янтарный висить...

20. Изъ-за темныхъ дубовъ
Ночь-царица глядитъ.
- Вздохи-чары и лѣнь
Разлеглись на цвѣтахъ,
Огоньки по травѣ
Зажигаютъ впотъмахъ.
25. Вотъ за горкой крутой
Колокольчикъ запѣлъ,
На горѣ призатихъ,
Подъ горой прозвенѣлъ.
30. Прозвенѣлъ по селу,
Въ чистомъ полѣ поеть,
На широкой просторъ
Душу-сердце зоветъ...

- Житье, житье! закованъ точно въ цѣпи,
Молчи да чахни отъ тоски...
35. Эхъ, если бы махнуть мнѣ на Донъ въ степи,
Или на Волгу въ бурлаки!..

- Такъ изнывалъ Тарасъ отъ думъ-заботы
И, грезя про чужую даль,
Онъ шелъ межами съ полевой работы
40. Домой, на горе и печаль.

II.

Тарасу съ дѣтства приходилось жутко:
Отецъ его былъ строгъ и крутъ,
Женѣ побои называлъ онъ шуткой,
И называлъ наукой кнутъ.

5. Бывало, котъ подъ ноги подвернется, —
Кота полѣномъ... «Будь умень!»
Храни Господь, когда вина напьется, —
Бѣги семья изъ дома вонъ!

- Пристанеть къ гостю, крѣпко обнимаетъ,
10. Цѣлуешь: «Другъ мой дорогой!
Я вотъ тебѣ...» и въ ноги упадаетъ.
Гость скажетъ: «Вотъ чудакъ какой!»

— «Кто, — я чудакъ? А, ты мужикъ бо-
гатый!»

- Не любишь знаться съ бѣднякомъ...
15. Такъ нѣ-вотъ! Помни, лапотникъ прокля-
тый!»

И друга хватить кулакомъ.

- Испуганный сынишка вострепнется,
Украдкой матери шепнетъ:
«Охъ, мамушка! Опять отецъ дерется...
20. Уйдемъ, онъ и тебя прибьетъ».

— «Ступай-ко за грибами, вотъ лу-
кошко, —

Отвѣтитъ мать, — тутъ хлѣбъ лежитъ».
И въ темный лѣсъ знакомою дорожкой
Мальчишка бѣгомъ побѣжитъ.

25. И ляжетъ онъ тамъ на травѣ росистой.
Прохлада, сумракъ... Вотъ запѣлъ
Зеленый чижъ подъ липою душистой,
Вотъ дятель на березу съѣлъ

- И застучалъ. Вотъ заяцъ по тропинкѣ
30. Пронесся, — и ужъ слѣду нѣтъ.

Туть стрекоза вертится на былинкѣ,
По листьямъ жукъ ползеть на свѣтъ;

- Тревожно шепчетъ робкая осина.
Сквозь зелень видны вдалькѣ
35. Уснувшихъ водъ зеркальная равнина,
Рыбакъ съ сѣтями въ челнокѣ,

- Стада овецъ, луга, пески, заливы,
Въ водѣ и надъ водой лѣса,
За берегами золотыя нивы,
40. Кругомъ — въ сіяньи небеса.

- И очарованъ звуками лѣсными,
Цвѣтовъ дыханьемъ упоенъ,
Ребенокъ грезилъ снами золотыми,
Весь въ слухъ и зрѣнье превращенъ.
45. Когда корой прозрачною и тонкой
Синѣла, въ осень, гладь озеръ, —
Иной приютъ манилъ къ себѣ ребенка, —
Сосѣда постоянный дворъ.

- Тамъ бурлаки порой ночлегъ держали,
50. Порой держали косари,
Про степь и Волгу пѣсни распѣвали
Всю ночь до утренней зари.

- И за сердце хваталъ напѣвъ унылый...
Вдругъ свистъ... и вскакивалъ бурлакъ —
55. «Пой веселѣй!» И пѣсня съ новой силой
Неслась, и не смолкалъ трепакъ.

И свистомъ покрывался звукъ жилейки,
И полъ отъ топота гудѣлъ,

- И прыгаль столъ, и прыгали скамейки...
60. Ребенокъ слушалъ и смотрѣлъ.

И брань отца была ему больнѣ,
Когда домой онъ приходилъ,
И уголокъ родной глядѣлъ скучнѣ,
И онъ, Богъ вѣсть о чемъ, грустилъ.

III.

И годы шли. И на дворѣ, и въ полѣ
Тарасъ работникъ хотъ куда,
И головы не клонить въ темной долѣ
Ни передъ кѣмъ и никогда.

5. Чуть мироѣдъ на бѣдняка наляжетъ, —
Тарасъ ужъ тутъ. Глаза блестятъ,
Лицо пылаетъ. «Ты не трогай! — скажетъ.—
Не бей лежачихъ! Не велятъ!»

- «Ты кто такой?» и мѣряетъ глазами
10. Нахала съ головы до ногъ.
Отецъ махнетъ съ досадою руками:
«Не сдобровать тебѣ, сынокъ!»

«Подрѣжутъ крылья... Такъ оно быва-
етъ...»

- Надвинетъ шапку и пойдетъ,
15. И въ кабакѣ до ночи пропадетъ,
Домой едва ужъ добредетъ.

- «Ну, кто тутъ? Эй! зажги лучину!
Я пропилю шапку... да, смотри!
Весь вѣкъ работаль... ну, пора и сыну
20. Работать... чортъ васъ поберитъ!»

«Весь вѣкъ пахаль... Все нищій...
что жь работа?

Вѣстимо такъ. И хлѣбъ и квась —
Мы все добудемъ! Важная забота!
И пью... никто мнѣ не указъ!..»

25. И въ уголокъ свои деньжонки спрячетъ,
Забудеть, — и давай искать;
Кричить: «разбой!» и охаетъ, и плачетъ:
«Ты воръ, Тарась! не смѣй! молчать!

«И будь ты проклять! Сохни, какъ лу-
чина!..»

30. Стоитъ, ни слова сынъ въ отвѣтъ;
Въ его глазахъ угрюмая кручина,
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ.

Сидитъ на лавкѣ бѣдная старушка,
Лицо слезами облито...

35. И такъ печальна грязная избушка,
Что не глядѣлъ бы ни на что!

Ужъ разсвѣтаетъ. Тучки краской алой
Покрыты. Закраснѣлся прудъ,
И весело надъ кровлей обветшалою

40. Пѣвуньи-ласточки поють.

Прозрачный паръ рѣдѣетъ надъ лугами,
Вотъ слышны: рѣзкій скрипъ воротъ
И голосъ бабы: «Поѣзжай межами,
Тамъ перелѣскомъ путь поидетъ».

45. — «Эхъ-ма! ужъ день». — Тарась тря-
нетъ кудрями. —
«Ну, видно, послѣ, моля, поспишь».

И вотъ съ сохою ѣдетъ онъ полями;
Дорога — скатерть, въ полѣ — тишь.

- Надъ лѣсомъ солнце золотомъ сверкаетъ,
50. И птичка въ вышинѣ поетъ,
Звенить, поетъ и устали не знаетъ...
И пѣсню парень заведетъ.

- И грустно, грустно эта пѣсня льется.
Онъ ѣдетъ лугомъ, — будить лугъ,
55. Проѣдетъ лѣсомъ, — темный лѣсъ проснется
И съ нимъ поетъ, какъ старый другъ.

- Но вотъ стемнѣло. Кончена работа.
Уснуть бы, кажется, пора,
Да спать-то парню не даетъ забота, —
60. Коней ведетъ онъ со двора

Поить. И шляпу набекрень надѣнетъ,
Ворота настежь распахнетъ,
По улицѣ, посвистывая, ѣдетъ,
А за угломъ подруга ждетъ.

65. Кругомъ безлюдно. Тепелъ лѣтній ве-
черь.
Рѣка при мѣсяцѣ блестить.
И знаетъ только перелетный вѣтеръ,
Что парень съ милой говоритъ.

- Печальна жизнь. Печальны съ милой
встрѣчи.
70. Она поникла головой,
Въ отвѣтъ на ласки не находитъ рѣчи,
Стоитъ и парень самъ не свой.

— «Я самъ не радъ, голубка дорогая!
Какъ мнѣ жениться на тебѣ?

75. Свяжу себя, свяжу тебя, родная,
Гнѣзда не вить ужъ мнѣ себѣ.

«Мнѣ тѣсно тутъ. Не связывай мнѣ воли,
Авось придутъ иные дни.

- А сгину гдѣ, безъ счастья и безъ доли, —
80. Меня хоть ты-то не кляни!..»

— «На муку, вѣрно,—отвѣчаетъ голосъ,—
Да на печаль я рождена,
И пропаду, что одинокій колось,
И все молчать, молчать должна!

85. «Отецъ и мать мнѣ попрекнуть тобою,
Тамъ замужъ. Чахни отъ тоски!
И всѣмъ-то будетъ воля надо мною
До гробовой моей доски».

— «Не быть тому! добыюсь до красной
доли,

90. Добыюсь! мнѣ силъ не занимать.
И будешь ты и въ радости, и въ холѣ,
И въ нѣгѣ вѣкъ свой вѣковать».

Старушка мать все плачетъ да горюетъ:
«Испорченъ сынъ . . . куда вѣдь плохъ!

95. О чемъ онъ только, соколъ мой, тоскуетъ,
Меня сушить и самъ изсохъ».

И ходитъ баба по селу съ кручиной.

«Бѣда, моль, матушки, пришла!

Разсталась бы съ послѣднею холстиной,

100. Коли бъ я знахаря нашла».

25. И долго говорилъ косарь кудрявый,
И все хвалиль степей просторъ,
Красу казачекъ, косарей забавы, —
И пѣсней кончилъ разговоръ.

Тарась вскочиль. Лицо его горѣло.

30. «Такъ здравствуй ты, чужая даль!
Ну, въ степь, такъ въ степь! все сердце из-
болѣло...
Вина! Заъемъ свою печаль!»

И взялъ онъ паспортъ. Помолился Богу
И отдалъ старикамъ поклонъ:

35. «Благословите, молъ, родные, на дорогу,
Такъ, значить, надобно: законъ».

Старикъ кричалъ. Ничто не помогало,
И плюнулъ, наконецъ, со зла.

Старушка къ сыну на плечо припала

40. И оторваться не могла.

«Касатикъ мой! мой голубь сизокрылый!
Господь тебя да сбережетъ...

Заѣль тебя, заѣль отецъ постылый,
Да и меня-то въ гробъ кладеть».

V.

И, распростясь съ родимыми полями,
Взявъ только косу со двора,
Пошелъ Тарась съ котомкой за плечами
Искать и счастья, и добра.

5. Одна заря смѣнялася другою,
За темной ночью день вставалъ, —

Все щель косарь, все дальше за собою
Поля родныя оставляль.

- Порой, усталый, на траву приляжетъ,
10. Горячій потъ съ лица отретъ,
Ремни котомки кожаной развяжетъ
И скудный завтракъ свой начнетъ.

- На немъ отъ пыли платье почернѣло,
Въ клочкахъ подошвы сапоговъ,
15. Лицо его отъ солнца загорѣло,
Но какъ онъ веселъ и здоровъ!

- Идетъ мой парень. А надъ нимъ порою
Иль журавлей кружится цѣпь,
Иль пролетаютъ облака толпою, —
20. И вотъ онъ углубился въ степь.

«О, Господи! что жъ это за раздолье!
А глушь-то: — степь да небеса!
Трава, цвѣты... ужъ правда, тутъ при-
волье,
Краса, что рай земной, краса!»

25. Межъ тѣмъ трава клонилась, поднима-
лась,
Ей вѣтеръ кудри завиваль,
По этимъ кудрямъ тѣнь переливалась
И яркій лучъ перебѣгаль.

- И весело изъ зелени, какъ глазки,
30. Цвѣты глядѣли тутъ и тамъ,
По нимъ играли радужныя краски,
И кланялись цвѣты цвѣтамъ.

- А голоса безъ умолку звучали.
 Жужжанье, пѣсни, трескотня
 35. Со всѣхъ сторонъ неслись и утопали
 Въ сіяньи солнечнаго дня.

- Смеркается — и говоръ затихаетъ,
 Край неба въ полыми горить,
 Ночь темная украдкой подступаетъ,
 40. Степной травы не пробудить.

- Зажглась звѣзда. Зажглось ихъ много,
 много,
 И мѣсяцъ въ сумракѣ блестить,
 И снопъ лучей воздушною дорогой
 Идетъ и въ глубь рѣки глядитъ.
 45. Все стихло, спить. Но степь какъ будто
 дышитъ,
 Въ дремотѣ звуки издаетъ:
 Вотъ, гдѣ-то свистъ далекій ухо слышитъ,
 И, кажется, чумакъ поетъ.

- Рѣдѣютъ тѣни, звѣзды пропадаютъ,
 50. Въ огнѣ несутся облака
 И, съ синевой сливаясь, померкаютъ.
 Ковыль задвигался слегка.

- Свѣтло. Вспорхнула птичка. Солнце
 встало.
 Степь тонетъ въ золотомъ огнѣ...
 55. И снова все запѣло, зазвучало
 И на землѣ, и въ вышинѣ.

Вотъ въ сторонѣ станица показалась,
 Стекломъ воды отражена,

- Сидить на берегу. Вся увѣнчалась
60. Садами темными она.

По зелени некошенной равнины
Разсыпался табунъ коней.
Безлюдье, тишь... Холмовъ однѣ вершины
Оглядываютъ ширь степей.

65. Вошелъ Тарасъ въ станицу и дивится:
Казачка, въ пестромъ колпакѣ,
На скакунѣ, ему навстрѣчу мчится
Съ баклагой круглою въ рукѣ.

- Желтѣютъ гумна. Домики нарядно
70. Глядятъ изъ зелени садовъ.
Вотъ спитъ казакъ подъ тѣнью виноградной,
И какъ румянь онъ и здоровъ!

- Ни грязныхъ бабъ въ понявахъ подоткну-
тыхъ,
Ни лицъ не видно испитыхъ,
75. И нѣтъ тутъ нищихъ блѣдныхъ, необутыхъ,
Калѣкъ, оборванныхъ слѣпыхъ...

- Какъ-разъ мой парень подоспѣлъ къ по-
косу,
Нанялся скоро въ косари.
«Ну, добрый часъ!» и наточилъ онъ косу
80. При свѣтѣ утренней зари.

Кипи, работа! Въ шляпѣ и въ рубахѣ
Идетъ и машетъ онъ косой;
Коса сверкаетъ, и при каждомъ взмахѣ
Трава ложится полосой.

И слышенъ говоръ: никому не спится,
И слышенъ изрѣдка рожокъ.

Вокругъ молчанье. Мѣсяцъ обливаетъ
Стоговъ верхушки серебромъ,
115. И при огнѣ изъ мрака выступаетъ
Шалашъ, покрытый камышомъ.

«Ну, не къ добру, — сказалъ косарь пле-
чистый, —
Умолкъ нашъ соловей степной!
Тарась, а ну!.. привстань съ травы росистой,
120. Уважь, лучинушку пропой!»

— «Ну, нѣтъ, дружище, что-то не поется.
Гроза бы, что ли ужъ, нашла...
Такая тишь! Трава не пошатнется!
Нѣтъ, лѣтомъ лучше жизнь была».
125. — «Домой, пріятель, видно захотѣлось.
Ты говорилъ: тутъ рай въ степяхъ».
— «И былъ тутъ рай. Да все ужъ пригля-
дѣлось.
Работы нѣтъ, трава въ стогахъ».

И думалъ онъ: вотъ я и домъ покинулъ.
130. Была бы только жизнь по мнѣ,
Мнѣ кажется, я бь горю съ мѣста сдви-
нулъ, —
Да чтѣ! Заботы все однѣ!..

Живется жъ людямъ въ нуждѣ безъ пе-
чали!
Такъ наши дѣды жизнь вели;

135. Росли въ нуждѣ, пахали да пахали,
Съ нуждою бились, въ гробъ легли

И сгнили... Точно смерть утѣха.

Ищи добра, броди впотъмахъ,
Покуда, свѣту Божьему помѣха,

140. Лежитъ повязка на глазахъ...

Эхъ, ну васъ къ чорту, горькія заботы!
О чемъ тутъ плакать горячо?
Пойду туда, гдѣ болѣе работы,
Гдѣ нужно крѣпкое плечо.

VI.

Горитъ заря. Румяный вечеръ жарокъ;
Румянецъ по рѣкѣ разлитъ.
Пестрѣютъ флаги плоскодонныхъ барокъ,
И людъ на пристани кишить.

5. Въ высокихъ шапкахъ чумаки съ кну-
тами;

Татаринъ съ бритой головой;
Въ бешметѣ съ откидными рукавами
Курчавый грекъ; цыганъ сѣдой;

- Купецъ дородный съ важною походкой,
10. И съ самоваромъ сбигенщикъ,
И плуть-еврей съ козлиною бородкой,
Вѣстей торговыхъ проводникъ, —

Кого тутъ нѣтъ! Докучный пискъ шарма-
нокъ,
Смѣхъ бурлаковъ и скрипъ колесъ,

15. И брань, и пѣсни буйныя цыганокъ, —
Все въ гуль надъ берегомъ слилось.

Куда ни глянь — подъ хлѣбомъ берегъ
гнется:

Хлѣбъ въ балаганахъ, хлѣбъ въ бунтахъ...
Не даромъ Русь кормилицей зовется

20. И почиваетъ на поляхъ.

Вкругъ вольницы веселый свистъ и то-
потъ;

Народу — пушкой не пробьешь!
И всюду шумъ, какъ будто моря ропотъ;
Шумъ этотъ слушать устаешь.

25. «Вотъ гдѣ разгуль! Вотъ милая сто-
ронка! —

Тарась кричитъ на берегу. —
Вина, ребята! Вотъ моя мошонка;
Да грянемъ пѣсню, помогу!

«Ну, внизъ по матушкѣ по Волгѣ, дружно!»

30. И пѣсня громко понеслась;
Откликнулся на пѣсню лугъ окружной,
И даль рѣки отозвалась...

А небо все темнѣло, померкало,
Шла туча синяя съ дождемъ,

35. И молнія гладь Дона освѣщала,
И перекачивался громъ.

Вдругъ хлынулъ дождь, гроза забушевала;
Народъ подъ крыши побѣжалъ.

«Шабашъ, ребята! Пѣсни, значить, мало!»

40. Тарась товарищамъ сказалъ.

Пустился къ Дону, жилистой рукою
 Челнокъ отъ барки отвязаль,
 Схватилъ весло, и тѣшилъ грозою,
 По гребнямъ волнъ перелеталь.

45. Товарищи качали головами:
 «Неугомонный человѣкъ!
 Вишь, шутъ понесъ помѣряться съ волнами,
 Ни за копейку сгубить вѣкъ! . . .»

VII.

Одѣты сѣрые луга туманомъ,
 То дождь польетъ, то снѣгъ летить.
 И глушь, и дичь. На берегу песчаномъ
 Угрюмо темный лѣсъ стоитъ.

5. Дождю навстрѣчу, мѣрными шагами,
 Подъ лямкой бурлаки идутъ
 И тянутъ барку крѣпкими плечами,
 Слабѣть канату не даютъ.

- Ихъ ноги грязью до колѣнъ покрыты,
 10. Шапчонки лѣзутъ на глаза,
 Потерлось платье, лапти поизбиты,
 Отъ поту взмокли волоса.

«Бери причаль! ну, живо! аль заснули!»
 Продрогшій кормчій закричалъ.

15. И бурлаки веревки натянули, —
 И барка стала на приваль.

Огонь зажженъ. Дымъ въ клочьяхъ уле-
 таеть;

Несутся быстро облака;

И вѣтромъ барку на волнахъ качаетъ,
20. И плещетъ на берегъ рѣка.

Тарасъ потеръ мозолистыя руки
И сѣлъ, задумавшись, на пень.
«Ну, ну! перенесли мы нынче муки! —
Промолвилъ кто-то, — скверный день!

25. «Убѣгъ бы, да притянуть къ становому
И отдеруть . . .» — «Доволокемъ! —
Сказаль другой, — гуляй, пока до дому,
Тамъ будь, что будетъ! Ужъ попьемъ!

«Вотъ мы вчера къ Тарасу приставали,
30. Куда, — не пьеть, такой чудакъ!»
— «А что, Тарасъ, ты, право, крѣпче
стали, —
Сказаль оборванный бурлакъ. —

«Тутъ тянешь, тянешь, — смерть, а не
работа!

А ты и ухомъ не ведешь».

35. Тарасъ кудрями, мокрыми отъ пота,
Тряхнулъ и молвилъ: «Не умрешь!

«Умрешь, — зароемъ» . . . — «У тебя все
шутки.

О дѣлѣ, слышишь, рѣчь идетъ.

Вѣдь у тебя — то пѣсни, прибаутки,

40. То скука, — шутъ тебя пойметъ!»

— «Разсказывай! Перебивать не буду . . .»
Онъ думалъ вовсе о другомъ,

Хоть и глядѣль, какъ желтыхъ листьевѣ
груду
Огонь охватываль кругомъ.

45. И вспомнилъ онъ сторонушку родную
И свой печальный, бѣдный домъ;
Отець клянеть его на-пропалую,
А мать рыдаетъ за столомъ.

И вспомнилъ онъ, какъ разставался съ
милой,

50. Зачѣмъ? Что ждало впереди?
Что ждетъ теперь? Ужъ какъ она любила!..
И сердце дрогнуло въ груди.

«Сюда, ребята! Плотникъ утопаетъ!»
На баркѣ голосъ раздался.

55. И по доскамъ толпа перебѣгаетъ
На барку. «Экъ, онъ, сорвался!»

«Да гдѣ?» — «Вотъ тутъ. Ну, долго ль
оступиться!»
— «Вотъ горе — вѣтеръ-то великъ!»
— «Плыви скорѣй!» — «Нешто, плыви то-
питься...»

60. «Спасите!» раздавался крикъ,

... И голова мелькала надъ волнами.
Тарась ужъ бросился въ рѣку
И во всю мочь размахиваль руками.
«Держись! — кричалъ онъ бѣдняку. —

65. «Ко мнѣ держись!» Но громкаго призыва
Товарищъ слышать ужъ не могъ,

И погрузился въ волны молчаливо.
Тарасъ нырнулъ. Ужъ онъ продрогъ

- И былъ далеко. Глухо раздавался
70. И шумъ воды, и вѣтра вой.
Пловецъ изъ синей глуби показался
И вновь исчезъ... Нѣмой толпой

- Стоялъ народъ съ надеждою несмѣлой.
И вынырнулъ Тарасъ изъ волнъ.
75. Глядятъ, — за нимъ еще всплываетъ тѣло,
И разомъ грянуло: «Спасень!»

- И шапками въ восторгъ замахала
Толпа, забывшая свой страхъ.
А вѣтеръ злился; чайка пропадала,
80. Какъ точка въ темныхъ облакахъ.

- Усталъ пловецъ. Измученный волнами,
Едва плыветъ. Онѣ бѣгутъ
Всѣ въ бѣлой пѣнѣ, дружными рядами,
И все растутъ, и все растутъ.
85. Хотѣлъ онъ крикнуть, — замерло ды-

ханье;
И въ воздухѣ рукой потрясъ,
Какъ будто жизни посылалъ прощанье,
И крикнулъ — и пропалъ изъ глазъ...

1855—1860 гг.

Примѣчанія къ стихотвореніямъ *.

1854 г.

59. *Моленіе о чашѣ* (т. I, стр. 229). Напеч. по рукописи архива Второва (тетр. I, № 12, лл. 19—22). — Рукописи первонач. редакціи — въ архивѣ Второва (тетр. I, № 10, лл. 15—16), датир. 1854 г., 7 января, и (тетр. I, № 11, лл. 17—18) безъ даты. Въ обѣихъ рукописяхъ стих. не озаглавлено, эпитафъ: — ст. 39, гл. XXVI Евангелія Матвея. Въ первой рукописи сравнительно со второй:

- 36. Клеймомъ безславія лежало
- 50. Мгѣ кровью сердце обливаешь;
- 85. Ему любовь я завѣщалъ,
- 103. И снова, грусти тайной полный,
- 153. И что за этотъ падшій міръ
- 161. И вотъ могучій искушитель
- 166. Пылалъ его прекрасный ликъ,
- 175. И звукъ мечей остроконечныхъ

Приводимъ, исправленный Никитинымъ, текстъ второй рукописи:

- Сверкаетъ западъ озлащенный
- Надъ Иудейскою землею,
- И на окрестность вечеръ сонный
- Съ прозрачною нисходитъ мглой;
- 5. Спокойно высясь надъ полями,
- Закатомъ солнца освѣщенъ,
- Стоитъ высокій Елеонъ
- Съ благоуханными садами;

---

* Чтобы не раздѣлять поэмъ на двѣ книги, въ этомъ томѣ дается только часть комментарія, и примѣчанія къ остальнымъ стихотвореніямъ и поэмамъ переносятся въ слѣдующій томъ.

- Вокругъ его живыхъ картинъ
 10. Сіяють чудные узоры:
 Здѣсь увѣнчали Ерусалимъ
 Своими зданіями горы;
 Вдали Геваль и Гаризимъ¹,
 Къ востоку воды Иордана,
 15. Съ пейзажемъ дремлющихъ долинъ,
 Рисуется въ волнахъ тумана,
 И моря Мертваго краса²
 Сквозь сонъ глядитъ на небеса,
 А тамъ, на западѣ, далеко,
 20. Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ³
 Разливъ могучій огражденъ
 Песчанымъ берегомъ широко...
 Темнѣть... всюду тишина...
 Вотъ ночи вспыхнули свѣтила, —
 25. И ярко полная луна
 Садъ Геесиманскій озарила.
 Въ травѣ подъ вѣтвями оливъ
 И померанцевъ неподвижныхъ,
 Ерусалима шумъ забывъ,
 30. Спятъ три Апостола всемірныхъ;
 Ихъ сонъ и легокъ и глубокъ.
 Но тяжело спалъ міръ суровый:
 Вѣковъ наслѣдственный порокъ
 Его замкнулъ въ свои оковы,
 35. Проклятье праотца на немъ
 Пятномъ безславія лежало
 И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
 Его, какъ язва, поражало...

- И въ цѣломъ мірѣ въ эту пору
 40. Одинъ Учитель лишь не спалъ
 И, чуждый общему позору,
 Судьбу всемірную рѣшалъ;
 За слово истины высокой
 Голгоескій крестъ предвидѣлъ. Онъ
 45. И, чувствомъ скорби возмущенъ,
 Отцу молился одиноко:
 «Отецъ! Отецъ! душа Моя
 Въ нѣмой тоскѣ изнемогаетъ,
 Картина будущаго дня»

¹ Горы на сѣверъ отъ Елеона.

² Къ востоку отъ Елеона.

³ Къ западу отъ Елеона. „Свящ. Географія“ Рера.

50. Мнѣ сердце кровью обливаешь;
Я знаю, этотъ день придетъ, —
На жертву отданный народу,
Твой Сынъ Божественный умретъ,
Умретъ за общую свободу;
55. Проклятыя черни загремѣть
Надъ головой, вѣнцомъ покрытой,
И подвигъ жертвы очернить
Насмѣшка злобы ядовитой,
И тѣ, которымъ со креста
60. Пошлю Я даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья
Подымутъ руки на Христа...
Отецъ! Отецъ! пусть чаша эта
Минуетъ Сына Твоего:
65. Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но если Твоему народу
Позоръ Мой славу принесетъ, —
Пускай за общую свободу
70. Сынъ человѣческой умретъ!..»

Молитву кончивъ, грусти полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: «Встаньте, часъ пришелъ;

75. Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушеніе не впасть,
Тогда вы въ Вѣрѣ укрѣпитесь
И съ Вѣрой встрѣтите напасть».

- Сказалъ — и тихо удалился
80. Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И, новой скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился:
«Отецъ! Ты въ міръ Меня послалъ,
Но Сына міръ Твой не приемлетъ;
85. Ему любовь Я возвѣщалъ, —
Моиъ глаголамъ онъ не внимлетъ;
Я былъ врачомъ его больнымъ,
Я за враговъ Моиъ молился, —
И надо Мною Ерусалимъ,
90. Какъ надъ обманщикомъ, глумился;
Народу міръ Я завѣщалъ, —
Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ;
Я въ міръ мертвыхъ воскрешалъ, —
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!»

95. Отецъ! Отецъ Мой! чаша эта
 Да мимо идетъ отъ Меня!
 Ты Богъ любви, начало свѣта,
 И все возможно для Тебя.
 Но если кровь нужна святая,
 100. Чтобъ землю съ Небомъ примирить, —
 Твой вѣчный судъ благословляя,
 На крестъ готовъ Я восходить!..»

- И снова, тайной грусти полный,
 Къ ученикамъ Онъ подошелъ
 105. И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
 Сказалъ имъ: «Встаньте — часъ пришелъ:
 Ужъ не далеко царство славы,
 Близка великая борьба.
 Молитесь: скоро въ день кровавый
 110. Земли окончится судьба...»

- Сказалъ, и снова удалился
 Подъ тѣнь смоковницъ и оливъ,
 И тамъ, колѣни преклонивъ,
 Опять! Онъ плакалъ и молился:
 115. «Отецъ! Отецъ! Мнѣ тяжело:
 Мой умъ, колебляся, темнѣетъ;
 Все человѣческое зло
 На Мнѣ единомъ тяготѣетъ;
 Позоръ людской, позоръ вѣковъ,
 120. Все на Себя Я принимаю,
 Но Самъ подъ тяжестью оковъ,
 Какъ человѣкъ, изнемогаю.
 Отецъ! спаси же Свой народъ!
 Дай Мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
 125. И Сынъ Твой съ радостью умереть
 Великой жертвой примиренья...»
 И руки къ небу Онъ подъялъ
 И весь въ молитву превратился;
 Огонь лицо Его сжигалъ,
 130. Кровавый потъ по немъ струился.

- И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
 Эдема блескомъ окруженный,
 Явился въ садъ уединенный
 Глашатай Божіихъ чудесъ⁴;
 135. Былъ чуденъ взоръ его спокойный,
 И безмятежно и свѣтло

⁴ Еванг. Луки, гл. 22, стихъ 43.

- Одушевленное чело,
И ликъ сіялъ, какъ полдень знойный,
И близъ Учителя онъ сталъ,
140. И рѣчью, свѣще вдохновенной,
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ,
И самъ, подобный легкой тѣни,
Но полный благодатныхъ силъ,
145. Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонилъ...

- Весь міръ въ ту пору спалъ глубоко;
Была на небѣ тишина;
Лишь въ царствѣ мрака одиноко
150. Страдалъ безплодно сатана.
Онъ зналъ, что въ міръ колебался
Его владычества кумиръ,
И что за оболоченный міръ
Вѣнецъ и крестъ приготовлялся.
155. Онъ понималъ, о чемъ, одинъ,
Молился Праведникъ Великій,
И плакалъ мрачный властелинъ
О славѣ свѣтлаго Владыки...

- Луна сіяла. Небожитель
160. Слѣшилъ въ эдемъ по облакамъ;
Межъ тѣмъ могучій Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновеніе
Какъ былъ Онъ истинно великъ,
165. Какимъ огнемъ одушевленъ
Горѣлъ Его прекрасный ликъ,
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ любовались на Него
170. Свѣтила блѣдной полуночи!..
Ученики, какъ прежде, спали.
И вновь Учитель имъ сказалъ:
«Вставайте: близокъ день печали,
И часъ предательства насталъ!..»
175. Вотъ звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Гесиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

Списокъ этой же редакціи — въ тетр. Нордштейна (№ 46),
датир. 1854 г., январь. Рукопись послѣдующ. редакціи —

въ архивѣ Второва (тетр. I, № 12, лл. 19—22), озаглавлено: «Моленіе о чашѣ», датир. 1854 г., январь. На рукописи рукою Второва написано: «Не забудьте, что этотъ экземпляръ подаренъ Вами мнѣ». Никитинъ, написавъ стих. или передѣлавъ его, совѣтовался со Второвымъ и давалъ ему для прочтенія, а иногда и дарилъ, рукописи, не оставляя у себя копій. Когда поэту нужна была рукопись, онъ бралъ ее обратно у Второва (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 92—94). Второвъ очень дорожилъ рукописями Никитина и тщательно собиралъ ихъ. Этимъ и вызвана приведенная надпись на рукописи «Моленія о чашѣ»; она сдѣлана Второвымъ для того, чтобы поэтъ не забылъ возвратить ему обратно рукопись. Кромѣ того, Второвымъ на этой рукописи позднѣе написано: «Духовною цензурою стихотвореніе это не было дозволено къ напечатанію въ первомъ изданіи Стихотвореній». Сообщенное Второвымъ — вѣрно; объ этомъ ему писалъ издавшій въ 1856 г. первый сборникъ стих. Никитина гр. Д. Н. Толстой въ неизданномъ письмѣ отъ 11 января 1856 г. (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 81—82). Въ изд. 1859 г. стих. не помѣщено. Оно было опубликовано Де-Пуле послѣ смерти Никитина въ «Русск. Арх.», 1865, VII, стр. 805—810, 2-е изд., стр. 1357—1362, не въ позднѣйшей редакціи, а по одному изъ списковъ первонач. редакціи, въ которомъ стих. озаглавлено: «Молитва въ саду Геесиманскомъ». Въ напеч. Де-Пуле текстъ сравнительно съ рукописью архива Второва (№ 11):

3. И на окрестность воздухъ сонный
 35. Проклятыя праотцевъ на немъ
 91. Народу миръ Я возвѣщалъ,
 105. И, увидавъ ихъ сонъ покойный,
 116. Мой умъ колеблется, темнѣеть;
 123. Отецъ! Спаси же Твой народъ!
 130. Кровавый потъ съ Него струился...
 175. И звукъ мечей остроконечныхъ

Въ изд. 1869 г. напеч. по рукописямъ архива Второва — въ основномъ текстѣ позднѣйшая редакція (т. I, 1854, стих. LI, стр. 267—274), въ примѣч. — первонач. (т. I, стр. 527—531); напеч. она небрежно. Въ этомъ изд. цензурою была выпущена, какъ въ позднѣйшей, такъ и въ первонач. редакціяхъ, строка: «Мой умъ, колебляся, темнѣеть». Текстъ этого изд. перепеч. безъ измѣненій, съ тѣмъ же пропускомъ въ послѣдующ. изд. Находя, что редакторъ изд. 1869 г. Курбатовъ ошибся въ опредѣленіи послѣдовательности редакцій, Де-Пуле, редактируя 4-е

изд. (М. 1886), допустилъ ошибку, переставивъ редакціи и напеч. въ основномъ текстѣ первонач. редакцію, а позднѣйшую перенесъ въ примѣчанія. Текстъ 4-го изд. перепеч. въ послѣдующ. 5—13-мъ изд. (М. 1889—1910) и юбил. изд. т-ва Сытина (М. 1911). Ошибка Де-Пуле впервые была исправлена въ изд. подъ ред. М. О. Гершензона: въ основномъ текстѣ напеч. позднѣйшая редакція по изд. 1869 г. (1854, стих. LIX, стр. 33), первонач. по списку въ тетр. Нордштейна помѣщ. въ приложеніи (стих. XXIII, стр. 368).

Де-Пуле въ напеч. въ «Русск. Арх.» вмѣстѣ со стих. «Биографической замѣткѣ» къ нему говорить, что «Молитва въ саду Геесиманскомъ» или «Моленіе о чашѣ» принадлежитъ къ числу пьесъ, написанныхъ Никитинымъ на заданныя темы. Одна особа женскаго пола подарила Никитину прекрасный эстампъ, изображающій моленіе І. Христа о чашѣ, и просила его написать по поводу этой картины стихи. Покойный поэтъ очень любилъ эту картину, и она до самой его смерти постоянно висѣла въ его комнатѣ». Де-Пуле говорить здѣсь о женѣ тогдашняго воронежскаго губернатора кн. Долгорукой. Въ биографіи Никитина, напеч. въ изд. 1869 г. (т. I, стр. 36), Де-Пуле сдѣлалъ поправку къ сообщенному имъ раньше, замѣчая, что картина Бруни «внушила Никитину мысль о стихотвореніи того же названія, а не просьба одной особы, какъ мы предполагали въ нашей замѣткѣ, напечатанной въ «Русск. Архивѣ» 1865 г.». Сообщенное Де-Пуле — не вѣрно. Неточно и свѣдѣніе, сообщенное въ воспоминаніяхъ Е. И. Сабинина, который указываетъ, что ««Моленіе о чашѣ» Иванъ Саввичъ посвятилъ губернаторшѣ» (А. Вдовенкова. Протоіерей Е. И. Сабининъ. Воронежъ 1910, стр. 5—6). К. О. Александровъ-Дольникъ въ неизданныхъ воспоминаніяхъ о Второвѣ, хранящихся въ его архивѣ (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 63), говорить: «Нѣкоторые свѣдѣнія о Никитинѣ, сообщенныя въ печати, требуютъ исправленія. Такъ о происхожденіи его «Моленія о чашѣ» сказано, кажется, въ «Архивѣ», что написано это стихотвореніе по поводу эстампа съ «Моленія о чашѣ» Бруни, подареннаго поэту княгиней Долгорукою. Совершенно наоборотъ: подарокъ послѣдовалъ по поводу прочтенія Никитиннымъ его стихотворенія, получившаго начало вслѣдствіе моего съ нимъ разговора. Замѣтивъ въ немъ глубокое и сильное религиозное чувство и способность къ психическому анализу, я заговорилъ съ нимъ о той великой внутренней борьбѣ, которую пережилъ Спаситель въ саду Геесиманскомъ, стараясь навести поэта на мысль заняться

этимъ предметомъ. Никитинъ прекрасно выполнилъ эту задачу, оставаясь вѣрнымъ евангельскому тексту. Впоследствии, когда онъ введенъ былъ въ домъ князя Долгорукаго и прочелъ это стихотвореніе, княгиня, очарованная послѣднимъ, нашла какъ нельзя болѣе кстати подарить поэту эстампъ съ картины Бруни, изображающей тотъ же великій моментъ изъ жизни Спасителя. Привожу это не изъ глупаго тщеславія показать нѣкоторое участие свое въ инициативѣ появленія на свѣтъ этого произведенія, которое могло появиться и безъ моего разговора съ Никитинымъ, а просто для установленія истины». Сообщенное Александровымъ-Дольникомъ подтверждается хранящимся въ архивѣ Второва неизданнымъ, безъ даты, письмомъ къ нему кн. Долгорукой, въ которомъ она пишетъ: «Нельзя ли вамъ сдѣлать мнѣ удовольствіе, милостивый государь Николай Ивановичъ, пріѣхать сегодня ко мнѣ въ 8 ч. или 8½ и привести нашего поэта г. Никитина, попросивъ его взять съ собою его стихотворенія и именно «Моленіе о чашѣ», которое мнѣ очень хвалили». Такимъ образомъ, кн. Долгорукая не играла никакой роли въ созданіи этого стих., какъ сообщаетъ Де-Пуле, и оно не было ей посвящено, какъ говоритъ Сабинеръ. Объ отношеніи кн. Долгорукой къ Никитину см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 76—77. Здѣсь ошибочно указаны ея инициалы — Е. Г. Ее звали Елизаветой Петровной. Кн. Долгорукой Никитинъ посвятилъ стих. «Елка», написан. въ 1855 г. Для характеристики отношенія Никитина къ вниманію, оказанному ему кн. Долгорукой, дѣйно его неизданное письмо къ Второву отъ 11 августа 1854 г.

Какъ уже сказано нами въ біографіи Никитина (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 55), онъ въ 1844—1853 гг. глубоко чувствовалъ несоотвѣтствіе окружающей дѣйствительности съ мечтами и стремленіями, и чувство неудовлетворенности жизнью составило основную черту его духовнаго облика въ это время. На этой почвѣ создалась религіозность. Стремясь осмыслить жизнь, Никитинъ искалъ ея осмысленія въ религіи. Проявившаяся въ 1844—1853 гг. въ Никитинѣ религіозная настроенность не покинула его и въ 1854 г., когда было написано «Моленіе о чашѣ»; оно было продуктомъ этого настроенія, вытекало изъ него. Роль Александра-Дольника въ созданіи стих. должна быть ограничена опредѣленными рамками: онъ далъ лишь толчокъ къ написанію стих., обратилъ вниманіе Никитина на данную тему.

И. Прозоровскій («Воронежск. Епарх. Вѣд.», 1911, № 25) сообщаетъ, что Никитинъ не былъ доволенъ

написаннымъ и хотѣлъ даже уничтожить рукопись, но не сдѣлалъ этого, благодаря влиянію его знакомаго А. Коломенкова. Данныхъ, подтверждающихъ то, что Никитинъ хотѣлъ уничтожить рукопись, нѣтъ во всемъ сохранившемся матеріалѣ о немъ, но передѣлки имъ стих. съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ не былъ удовлетворенъ первоначальнымъ текстомъ. Перерабатывая стих., онъ совѣтовался со Второвымъ. «Посылаю Вамъ «Моленіе о чашѣ», — пишетъ Никитинъ Второву 2 апрѣля 1854 г. — Не лучше ли въ послѣдней молитвѣ стихъ: *Да будетъ Отче Мой со мною* замѣнить стихомъ: *Тогда да будетъ надо мною*; для того, чтобы избѣжать повторенія словъ: *Отче Мой*. Если это Вы найдете лучшимъ, потрудитесь замѣнить сами. Далѣе, — не лучше ли стихи, относящіяся къ Сатанѣ, замѣнить новыми, читанными Вами вчера, съ прибавленіемъ еще одного стиха: *О чемъ Отца Онъ умолялъ*. Этотъ стихъ, если цензура и не пропуститъ, то цѣлость пьесы отъ этого пострадаетъ мало. За прежнія же слова Сатаны я боюсь: они не будутъ пропущены цензурой. Недаромъ я это предчувствую. Впрочемъ, посоветуйтесь съ Константиномъ Осиповичемъ [Александровымъ-Дольпикомъ]. И, если найдете нужнымъ, оставьте по-старому, но тогда оцитованные тексты выставлять не нужно: они будутъ ни къ селу, ни къ городу». Опасенія Никитина относительно того, что духовная цензура не пропуститъ стих., еще болѣе опредѣленно выступаютъ въ посланномъ Второву вмѣстѣ съ этимъ письмомъ стих.: «Ахъ! признаюсь, воля Ваша...» (см. въ нашемъ изд. стих. 70, т. I, стр. 272). Этимъ обстоятельствомъ было, повидимому, обусловлено то, что Никитинъ старался приблизиться къ тексту св. Писанія. Въ архивѣ Второва сохранились (тетр. I, № 13, лл. 23—24) написанныя поэтомъ неизданныя «Замѣчанія къ стихотворенію «Моленіе о чашѣ», датир. 1854 г., 10 февраля, съ одной стороны, обнаруживающія, что стих. было продуктомъ хорошаго знанія Никитинымъ св. Писанія, а съ другой, показывающія, насколько онъ, зная тяжелыя цензурныя условія, былъ остороженъ, касаясь затронутой темы: даже отдѣльныя выраженія были основаны на текстахъ изъ св. Писанія. Приводимъ «Замѣчанія» полностью:

«Нѣкоторымъ бросается въ глаза рѣзкость двухъ слѣдующихъ стиховъ:

Твой Сынъ, поруганный, умреть,
Умреть за общую свободу...

— вотъ тексты, которые оправдываютъ допущенное авторомъ выраженіе:

Посланіе ап. Павла къ Рим., гл. VIII, ст. 21.

” ” ” ” Галатамъ, гл. V, ст. 1 и 13.

Далѣе, автору замѣтили, что въ стихахъ:

Онъ *понималъ* (т. е. сатана), о чемъ одинъ
Молился Праведникъ великій...

слово *понималъ* не можетъ быть допущено, потому что сатана, будто бы, не могъ знать Иисуса Христа, какъ Сына Божія, а предугадывалъ только въ Немъ *нѣчто* для себя опасное. Авторъ думаетъ напротивъ. И вотъ доказательства, на основаніи которыхъ онъ осмѣлился унотребить въ отношеніи къ сатанѣ слово *понималъ*:

Ев. Матѳея, гл. VIII, ст. 29;

Ев. Марка, гл. V, ст. 7;

Ев. Луки, гл. IV, ст. 34;

Воскресное Чтеніе, 1840 г., № 45, *Искушеніе Иисуса Христа отъ діавола въ пустынь*, гдѣ говорится, что *діаволъ слышалъ свидѣтельство небесное (на Іорданѣ)*, *именовавшее Его Сыномъ Божиимъ возлюбленнымъ*, съ чѣмъ и совершенно согласенъ и полагаю, что діаволъ, зная Иисуса Христа, какъ Сына Божія, не могъ только *предсидѣть*, что приготовленный имъ позорный крестъ будетъ позоромъ для него и вѣчною славою для распятаго на этомъ крестѣ.

Послѣ «Замѣчаній» Никитинымъ приведены отмѣченные имъ тексты изъ св. Писанія. Выбраны они по-этомъ удачно. «Воскресное Чтеніе», на которое онъ указываетъ для подкрѣпленія своего мнѣнія, — серьезный религіозно-нравственный журналъ, основанный въ 1837 г. знаменитымъ архіеп. Иннокентіемъ. Тотъ фактъ, что, передѣлавъ нѣсколько разъ «Моленіе о чашѣ», Никитинъ каждый разъ сохранялъ, нѣсколько варьируя, стихи: «Твой Сынъ [Божественный] [поруганный] безропотно умереть, умереть за общую свободу», подводилъ подъ нихъ фундаментъ изъ текстовъ св. Писанія, тѣмъ самымъ рѣшительно отстаивая ихъ передъ цензурой, говорить за то, что этими стихами поэтъ очень дорожилъ, что Христосъ былъ дорогъ ему, какъ провозвѣстникъ свободы человѣчества, какъ социальный реформаторъ. Такимъ образомъ, на отношеніе Никитина къ Иисусу Христу семинарія съ царящимъ въ ней духомъ официальной церковности не наложила своего отпечатка.

Изъ сопоставленія первонач. редакціи, датир. 7 января, «Замѣчаній», датир. 10 февраля, цитированнаго выше письма Никитина къ Второву отъ 2 апрѣля и позднѣйшей редакціи (архивъ Второва, тетр. I, № 12, лл. 19—22), опредѣляется время передѣлки Никитинымъ стих.: позднѣйшая редакція написана послѣ 2 апрѣля; поставленная на рукописи дата: 1854 г., январь, указываетъ время созданія стихотворенія.

Повидимому, Никитинъ первоначально имѣлъ въ виду напечатать «Замѣчанія» вмѣстѣ со стих., но затѣмъ оставилъ эту мысль, ограничившись лишь ссылками на тексты св. Писанія, приведя ихъ для того, чтобы обезоружить духовную цензуру. Всѣ старанія Никитина провести стих. черезъ нее, какъ уже отмѣчено, не принесли желаннаго результата, стих. не было допущено къ напечатанію въ изд. 1856 г., и даже въ изд. 1869 г., когда цензурныя условія измѣнились, цензурою были сдѣланы купюры. О тогдашней духовной цензурѣ см. изслѣдованіе А. Котовича: «Духовная цензура въ Россіи», Спб. 1909.

«Моленіе о чашѣ», какъ мы видѣли, очень нравилось друзьямъ и знакомымъ Никитина: Александрову-Дольнику, Де-Пуле, кн. Долгорукой, Нордштейну (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 100). По свидѣтельству Де-Пуле въ біографіи Никитина, стих. было встрѣчено очень сочувственно также и воронежскимъ обществомъ, способствовало популярности поэта въ Воронежѣ. «О Никитинѣ, — пишетъ Де-Пуле, — заговорили во всѣхъ даже едва грамотныхъ слояхъ общества, стихотвореніе переписывалось во множествѣ экземпляровъ и распространилось далеко за предѣлы Воронежа и даже губерніи». Если Никитинъ, какъ отмѣчено выше, не былъ доволенъ первонач. текстомъ «Моленія о чашѣ», то въ передѣланномъ видѣ оно его удовлетворило, онъ счелъ его достойнымъ печати, предназначивъ къ помѣщенію въ составленный имъ въ 1854 г. сборникъ стих. Впослѣдствіи отношеніе Никитина къ «Моленію о чашѣ» измѣнилось. Религіозное настроеніе, довольно сильно проявившееся въ 1854 г., затѣмъ стало падать. Подготавливая въ 1859 г. новый сборникъ своихъ произведеній, Никитинъ не включилъ въ него «Моленіе о чашѣ», и не потому, что былъ увѣренъ, что цензура снова не пропуститъ это стих., а потому, что оно его тогда уже не удовлетворяло, представлялось слабымъ. По тому же мотиву поэтъ не помѣстилъ въ изд. 1859 г. напеч. въ изд. 1856 г. проникнутыя религіознымъ настроеніемъ стих. Повидимому, онъ сознавалъ, что, хотя эти стихи были продуктомъ глубоко искренняго настроенія, — въ выраженіи этого настроенія

было много искусственности, приподнятости. За исключеніе изъ изд. 1859 г. этихъ стихъ поэта хвалилъ Добролюбовъ, видя въ этомъ показатель роста художественнаго сознанія Никитина («Современ.», 1860, кн. IV, отд. III, стр. 367—391, и Сочин., подъ ред. М. К. Лемке, т. IV, СПб.: 1912, стр. 156). Въ послѣдній годъ жизни поэтъ снова впалъ въ религиозное настроеніе. О религіозности Никитина и отношеніи его къ духовенству см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 44, 55, 61, 91, 128, 150; т. II, стр. 117 и 384. «Моленіе о чашѣ» упоминается въ письмѣ Никитина къ Второву отъ 15 января 1855 г.

60. *Сладость молитвы* (т. I, стр. 236). Нанеч. по изд. 1856 г. — Рукопись — въ архивѣ Второва (тетр. I, № 14, л. 25), датир. 1854 г., 15 января. Списокъ — въ тетр. Нордштейна (№ 20), датир. 1854 г., 15 января. Въ рукописи сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

8. Мнѣ въ очи сурово и строго глядѣть.
11. И сердце отрады живой не находить,
12. И волосъ отъ тайной боязни встаетъ.
13. И вспомню тогда я судьбу человѣка,
14. И грозную вѣчность и съ жизнью расчесть,
15. Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
16. Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
17. Невѣрность надежды, тревогу желаній,
18. И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
19. Постыдныя страсти и горечь страданій,
20. И скрытый подъ маской глубокой развратъ,
26. И съ ложа въ ту пору я быстро сойду,
29. И мнится мнѣ, — слышу я голосъ невнятный,

Затѣмъ стихъ было передѣлано Никитинымъ на той же рукописи:

12. И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.
13. И вспомню тогда я тревогу желаній,
14. И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
15. Невѣрность надежды и горечь страданій,
16. И скрытый подъ маской глубокой развратъ,
17. Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
18. Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
19. И слабость, недуги и смерть человѣка,
20. И грозную вѣчность и съ жизнью расчесть; —
21. И вижу я крестъ на Голгоѣ повзорной,
26. И съ ложа невольно тогда я сойду,
29. И мнится мнѣ, — слышу я шопотъ невнятный.

Напеч. съ измѣненіемъ строкъ 8, 11, 19 и 21 сначала, вмѣстѣ со статьей о Никитинѣ Нордштейна. (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 18 и 78), въ «Отеч. Зап.», 1854, т. ХСІV, кн. VI, отд. VII, Новости литературы, искусствъ, наукъ и промышленности, стр. 66—67, датир. 1854 г., 15 января, а затѣмъ въ изд. 1856 г. (стих. L, стр. 111—113), датир. 1854 г. Въ изд. 1859 г. Никитинымъ не помѣщено. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LII, стр. 274—275) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1856 г.

Авторъ статьи въ «Пантеонѣ», 1854, т. XV, кн. VI, отд. IV, Журналистика, стр. 26, находилъ, что стихъ проникнуто «неподдѣльнымъ чувствомъ». Иначе отнесся къ стихъ Добролюбовъ въ рецензійи объ изд. 1859 г. («Современ.», 1860, кн. IV, отд. III, стр. 367—391, и Сочин., подъ ред. М. К. Лемке, т. IV, Спб., 1912, стр. 156). Считаю стихъ слабымъ, онъ хвалилъ Никитина за то, что онъ исключилъ стихъ изъ этого изд. О религіозности Никитина и отношеній его къ духовенству см. въ нашемъ изд. предыдущее примѣч., а также т. I, стр. 44, 55, 61, 91, 128, 150; т. II, стр. 117 и 384.

61. *Почлегъ извозчиковъ* (т. I, стр. 237). Напеч. по изд. 1856 г. — Рукопись первонач. редакцій — въ архивѣ Второва (тетр. I, № 17, л. 30). Приводимъ текстъ этой рукописи:

Широко лежать Поля бѣлыя; Высоко горятъ Звѣзды яркія;	Идутъ лошади Съ ноги на ногу; Мужички крихтять, 20. Пожимаются.
5. Мѣсяцъ въ дадьній путь, Вслѣдъ за тучками, Надъ селомъ плыветъ Бѣлымъ лебедемъ.	Отъ мороза ихъ Брови, бороды, Поросли густымъ, Бѣлымъ инеемъ.
10. Со смолой обозъ Съ горы на гору, Не спѣша, къ селу Подвигается.	25. Вотъ въ село они Дружно вѣхали, Подошли къ двору Постоялому.
Рѣзко снѣгъ скрипитъ Подъ полозьями, 15. На уздахъ звенятъ Кольца мѣдныя.	30. И навстрѣчу къ нимъ Дворникъ ласковымъ Подошелъ и снялъ Шапку старую.

- Поклонился всѣмъ,
Поздоровался;
35. Сталъ ихъ звать къ себѣ,
Приговаривать:
«Что, на дворъ что ль вамъ?»
Просимъ милости:
У меня овесъ —
40. То же золото;
«Я не то, что вонъ
Сосѣдъ-выжига. —
Люди добрые
Со мной знаютъ;
45. «Я вѣдь самъ въ извозъ,
Братцы, хаживалъ,
Нужды, холода
Много видывалъ;
«Угощу, небось,
50. По-приятельски,
Провожу съ двора
Хлѣбомъ, солию;
«Поѣзжайте-ка,
Просимъ милости,
55. У меня изба —
Баня банею».
Мужички его
Словъ послушались, —
На широкий дворъ
60. Къ нему вѣхали;
Отпрягли коней
Подъ сараями,
Въ рептуги овса
Понасыпали;
65. Со двора пошли
Въ избу теплую,
Образамъ святымъ
Помолился,
Распоясались,
70. Шубы скинули,
На полатахъ ихъ
Поразвѣшали,
Водой чистою
Руки вымыли
75. И за длинный столъ
Посажались.
Подала имъ хлѣбъ
Жена дворника,
Въ мискѣ крашеной
80. Щи поставила.
Мужички ѣдятъ,
Согрѣваются,
Сами рѣчь ведутъ
О Саратовѣ.
85. Прислонясь къ стѣнѣ,
Подлѣ притолки,
Ихъ рассказъ, сквозь
сонъ,
Дворникъ слушаетъ.
Про себя жъ, одинъ,
90. Молча думаетъ:
Вишь сидятъ они,
Прохлаждаются,
А овса, такъ вотъ,
Почти не брали;
95. Угощу жъ я васъ
По-приятельски!

Затѣмъ стих. было существенно передѣлано Никитинымъ. Въ этой передѣлкѣ вполне опредѣленно выступаетъ стремленіе поэта освободиться отъ вліянія Кольцова, сильно сказавшагося во внѣшней формѣ стих. Руслиси — въ Воронежскомъ Губ. Музеѣ (первыя 68 строкъ, остальная часть рукописи не сохранилась), и въ архивѣ

Второва (тетр. I, № 18, лл. 31—35), датир. 1854 г. Списокъ — въ тетр. Нордштейна (№ 36), датир. 1854 г., январь. Въ рукописи Воронежскаго Губ. Музея сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

3. И звѣзды зажглися, и мѣсяць, какъ лебедь,
11. Вотъ слышно, какъ слѣдъ заскрипѣлъ подъ санями,
15. Съ клутами подмышкой, въ большихъ рукавицахъ,
16. Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужички.
17. На лицахъ ихъ жесткихъ невзрачныя пятна
18. Причудливо вывелъ суровый морозъ,
19. На шапкахъ, бровяхъ, бородахъ темнорусыхъ
20. Серебряный иней клоками наросъ;
27. И кстати примолвилъ: «Что жъ дворъ-то не занять?»
30. Сказалъ ему дворникъ, махнувши рукой, —
31. [неразборчиво] на барышъ, — такъ хорошая слава, —
32. Ужъ дамъ по-пріятельски бражки густой.
38. Полати большія, широкая печь, —
39. Ужъ есть, гдѣ пройти, посидѣть. обсушиться,
40. Раздѣться, разуться и на ночь прилечь.
48. И въ избу хозяйскую, молча, вошли.
53. Погрѣлись немножко и руки помыли,

стиховъ 57—60 нѣтъ;

61. Хозяйка по ложкѣ имъ всѣмъ положила,
63. И въ крашеной чашкѣ, съ надломленнымъ краемъ,

между стихами 68 и 69:

Вотъ голодъ немного они утолили,
И начали длинный о чемъ-то рассказъ;
И сидя, близъ печки, качаясь и дремля,
Ихъ слушаетъ дворникъ, прищуривши глазъ.

Въ рукописи архива Второва стих. оканчивается послѣдъ стиха 184 слѣдующ. стихами, затѣмъ вычеркнутыми:

Но долго послѣдній мужикъ горячился,
На дворника смерть и пожаръ призывалъ,
А дворникъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало,
«Ну, съ Богомъ, любезный» — ему отвѣчалъ.

Напеч. въ статьѣ Н. К. (Кукольника) — «Листки изъ записной книжки русскаго» въ «Библ. для чтенія», 1854, т. СХХVI, кн. VII, отд. I, стр. 95—99 (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 78). Въ текстѣ «Библ. для чтенія» сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

22. Навстрѣчу къ нимъ дворникъ идетъ изъ воротъ,
 23. Д. шапку снимая, привѣтствуетъ словомъ:
 61. По крашеной чашкѣ имъ всёмъ разложила,
 83. Мы безъ разбора! Что есть, тѣмъ и сыты!
 121. Куда жъ это, братцы, все уложилось!
 147. Гостямъ утираться дала полотенце,

Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LI, стр. 114—124), датир. 1854 г. По свидѣтельству Александрова-Дольника въ не-изданныхъ воспоминаніяхъ о Второвѣ, хранящихся въ его архивѣ, это стих. было продуктомъ ихъ воздѣйствія на Никитина, совѣта ему обратить болѣе вниманія на окружающую жизнь (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 96). Съ большой долей вѣроятія можно сказать, что матеріаломъ для обрисовки содержателя постоялаго двора Никитину послужилъ его отецъ, Савва Евтихѣевичъ (см. воспомина-нія Е. И. Сабинина въ книгѣ А. Вдовенковой: Про-тоіерей Е. И. Сабининъ, Воронежъ 1910, стр. 2—3, а также въ нашемъ изд. т. I, стр. 53). Найдя въ 1854 г. стих. достойнымъ печати, передавъ его Кукольніку для напечатанія и включивъ въ изд. 1856 г., Никитинъ въ-послѣдствіи, въ 1859 г., не былъ удовлетворенъ стих. и не помѣстилъ его въ изд. 1859 г. «О стихотв. «Ночлегъ из-возчиковъ», «Купецъ на пчельникѣ» и проч. въ этомъ родѣ, — пишетъ онъ Второву 11 сентября 1859 г., — право, не стоитъ говорить: вода, мой милый Николай Ивановичъ, просто вода... Они мнѣ страшно надоѣли...» Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LIII, стр. 276—282) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1856 г.

Дружининъ въ рецензіи объ изд. 1856 г. («Библ. для чтенія», 1856, т. CXXXVII, кн. VI, отд. VI, стр. 23—43, и Сочин., т. VII, Спб. 1865, стр. 167) хвалилъ это стих. Хорошимъ находилъ его и Скабичевскій (Исторія новѣй-шей русск. литературы, 7-е изд., стр. 446).

62. Новая борьба (т. I, стр. 245). Напеч. по рукописи архива Второва (тетр. I, № 16, лл. 28—29), датир. 1854 г., 20 февраля. — На рукописи Никитинимъ написано: «Стихотвореніе это еще не отдѣлано мною окончательно, и потому прошу пока никому его не передавать». Въ рукописи первонач. редакціи (архивъ Второва, тетр. I, № 15, лл. 26—27), датир. 1854 г., 20 февраля:

5. Но съ нами Богъ Руси! Онъ видитъ споръ кровавый!
 6. И Самъ благословитъ великій нашъ народъ, —
 7. И грозной бурей, во имя Бога-славы,
 8. На новаго врага мы двинемся впередъ.

9. Впередь! за кровь славянъ, насильемъ угнетенныхъ,
11. За вѣру христіанъ, позорно умерщвленныхъ,
12. За славу русскую, — наслѣдіе вѣковъ!
13. И пусть рѣшить теперь мечъ нашего народа,
14. При заревѣ войны. современный вопросъ:
24. И нашу грозную, воинственную месть.
29. Но эти ли сыны мечтательной свободы,
30. О равенствѣ одномъ твердивши до сихъ поръ,
31. Отвергнувъ близкіе по вѣрѣ имъ народы,
32. Оправдываютъ вдругъ насилія позоръ!

стиховъ 33—36 нѣтъ;

38. Безстыдный ихъ порывъ въ исторію внесетъ
39. И гнѣвомъ праведнымъ, быть можетъ, увлеченный,
40. Съ невѣрной Турціей союзъ ихъ проклянетъ!..
42. Но честь своихъ отцовъ Россія сохранить:
44. И все за Крестъ Святой во гнѣвѣ закипитъ!
47. И быстро племя ихъ въ одинъ народъ сольется

«Это стих. мнѣ не нравится», — писалъ Никитинъ Второву 23 февраля 1854 г. Не удовлетворенный написаннымъ, поэтъ не напеч. этого стих. Впервые оно было напеч. въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LIV, стр. 283—284) по рукописи архива Второва (тетр. I, № 16, лл. 28—29). Изъ этого изд. перепеч. въ послѣдующ. изданіяхъ.

Въ этомъ стих. сказано нѣкоторое вліяніе стих. Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» (см. Сочин. Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, Спб. 1903, стр. 157—161), на что вѣрно указали: К. Покровский (Никитинъ, сборн. статей, составл. В. И. Покровскимъ, стр. 145) и Б. В. Нейманъ (Отзвуки поэзіи Пушкина и Лермонтова въ творествѣ Никитина. — «Филологич. Зап.», 1912, вып. III и IV, и отдѣльно: Воронежъ 1912, стр. 34—36). Кромѣ этого, Б. В. Нейманъ отмѣчаетъ близость стиха Никитина: «Съ какимъ презрѣніемъ потомокъ оскорбленный» со стихомъ изъ «Думы» Лермонтова: «Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ».

63. *Ссора* (т. I, стр. 247). Напеч. по изд. 1859 г. — Списокъ первонач. редакціи — въ тетр. Нордштейна (№ 71), датир. 1854 г., 25 февраля. Въ этомъ спискѣ сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

между стихами 52 и 53:

Не отецъ ли тебѣ въ лѣсу кладъ завѣщаль?
Только, знаешь, на умъ мнѣ приходитъ,

Что и самъ онъ, не ѣвши, порой, засыпалъ,
И, бывало, къ намъ ужинать ходитъ».

вмѣсто стиховъ 61—64:

Еще кладомъ какимъ-то въ лѣсу упрекнулъ,
Что ходила туда по малину;
Мнѣ вѣдь мало нужды, что сосѣдъ нашъ Федуль
Ину пору стерегъ тамъ скотину».
«Проболтнулась жена! Вора выдала рѣчь!
Оно, видно, и кумъ твой Ефимка
Всякій день къ тебѣ ходитъ скотину стеречь,
И отвѣдывать вмѣстѣ «малинку».

66. И всплеснула своими руками;
68. Ужъ нельзя посидѣть съ кумовьями!
82. Добра мало прибудеть отъ шума,
84. Молоко-то оставь ужъ куму.
93. Только онъ къ воротамъ, — кумъ навстрѣчу идетъ,
106. А ужъ намъ ли съ тобой величаться;
108. А мнѣ надо съ кумой повидаться».
109. — «Эхъ, была не была! Ну, держись, куманекъ!»

Рукописи послѣдующ. редакціи — въ тетр. Нордштейна,
датир. 1854 г., февраль (№ 117), и датир. 1854 г. (№ 129).
Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. ЛII, стр. 125—130), датир.
1854 г. Приводимъ эту редакцію по изд. 1856 г.:

«Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!

Али мало, что всѣхъ промоталъ лошадей —
Вѣрно по міру хочешь таскаться?

5. Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно;
То и дѣло твердятъ: чѣд, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: гдѣ же oprичъ ему быть,
10. Чай опять загулялъ съ бурлаками...
И сердечушко вдругъ закипитъ, закипитъ,
И, вздохнувши, зальешься слезами».

— Не дурачь ты меня, — мужъ женѣ отвѣчалъ: —
Я не первый денекъ тебя знаю.

15. Да по чьей же я милости пьяницей сталъ
И теперь ни за что пропадаю?
Не вино съ бурлаками — я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю;
Только, видно, его я ничѣмъ не залю,
20. Лишь одну свою жизнь скоротаю.
Ты не знаешь, небось, какъ я прежде живалъ,

- Все умѣя про нужду готовить,
Пока замужь тебя, бѣлоручку, не взявъ,
Не посмѣвши отцу прекословить.
25. Ахъ, ты время мое, золотая пора,
Не видать ужъ тебя вѣрно болѣ!
Какъ бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
Вдешь рожь убирать въ свое поле: —
Сбруя вся на заказъ, кони — любо взглянуть,
30. Словно звѣри, изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, возжей шевельнуть —
Ужъ голубчики вихремъ несутся.
Самъ работаешь до ночи, устали нѣтъ,
Противъ вѣтру вся грудь нараспашку,
35. Лишь коса зазвенитъ, какъ рука размахнетъ,
И отъ поту хоть выжми рубашку.
Придетъ праздникъ, — одѣвшись, глядишь молод-
цомъ,
- Сходишь въ церковь, помолишься Богу
И идешь по селу, вьются кудри кольцомъ,
40. Старики уступаютъ дорогу!
А теперь, — знать за грѣхъ меня Богъ наказалъ, —
Надо мною смѣяться всѣ стали... —
И вздохнувъ глубоко, онъ опять продолжалъ,
И глаза его вдругъ засверкали:
45. — Одного я маленько вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто;
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно не густо;
На тебя жъ поглядишь, что откуда идетъ,
50. Что ни праздникъ — иная обновка;
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да все что-то какъ будто не ловко... —

«Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ хо-
дить? —

- Покрасѣвши, жена отвѣчала: —
55. Кажись было на что мнѣ обновки купить, —
Я вѣдь цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь онъ рѣчи какія заводитъ!
Самому же лаптишекъ не хочется сплести,
60. А зипунъ-то онучи не стоитъ».

— Поистерся немного: не всѣмъ щеголять;
Бѣдняку, что Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платью встрѣчать,
Сосѣдъ ходитъ недаромъ нарядно. —

65. «Ахъ, родные мои, — закричала жена: —
Ужъ и гостя принять мнѣ нѣтъ воли!
Вотъ настали какія у насъ времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Аль досада берётъ, что сталъ голъ, какъ соколъ,
70. Что ужъ нѣчѣмъ пришло охмеляться?
Та бѣда — не бѣда, онъ другую нашелъ,
Захотѣлъ надъ женой издѣваться.
Да вотъ на-ка тебѣ! не по-твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
75. Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Чтобъ сердечко твое надрывалось!»

— Коли такъ, такъ и такъ! — мужъ женѣ отвѣ-
чалъ: —

- Мнѣ тебя переучивать поздно;
Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
80. А сосѣда попробовать можно...
Ну, да полно кричать! Собери-ка поѣсть:
Я и то другой день безъ обѣда,
Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда! —
85. «Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь! —
Жена, съ лавки вскочивши, сказала: —
Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь»,
И на печку она указала.
- Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ;
90. Взявъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ близъ окна, головой покачалъ,
И пошелъ куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ — идетъ;
Шляпа набокъ, халатъ нараспашку,
95. Отъ коневыхъ салогахъ чистымъ дегтемъ несеть,
И застегнута лентой рубашка.
— «Будь здоровъ, Пантелей! Что повѣсилъ, братъ,
носъ?
Аль запала въ головушку дума?»
«Видишь бойкой какой! А ты что мнѣ за спросъ?»
100. Пантелей ему молвилъ угрюмо.
— «Что такъ больно сердить? знать болитъ голова,
Или просто нехстати зазнался.
(Пантелей между тѣмъ засучалъ рукава
И кругомъ второпяхъ озирался.)
105. Да вѣдь я, братъ, видалъ и почище тебя,
И умѣлъ въ ихъ бокахъ ломать кости;

- Ты ступай куда шель, вонъ дорога твоя,
А я знаю, къ кому иду въ гости». —
«Эхъ, была не была! ну, держися дружокъ!»
110. Закричалъ Пантелей размахнувшись, —
И онъ такъ хватилъ мѣтко сосѣда въ високъ,
Инда съ часъ тотъ лежалъ, растянувшись...

- Вечеру Пантелей ужъ сидѣлъ въ кабацѣ
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
115. Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

Въ изд. 1859 г. напеч. новая редакція (стих. 45, стр. 98—102). Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LV, стр. 284—287) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1859 г.

Это стих. хвалилъ Дружининъ въ рецензіи объ изд. 1856 г. («Библ. для чтенія», 1856, т. СХХХVII, кн. VI, отд. VI, стр. 23—43, и Сочин., т. VII, Спб. 1865, стр. 167).

64. *Измѣна* (т. I, стр. 251). Напеч. по изд. 1856 г. — Списокъ — въ тетр. Нордштейна (№ 56), озаглавл.: «Пѣсня», датир. 1854 г., 10 марта. Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LIII, стр. 131—134), озаглавл.: «Измѣна», датир. 1854 г. Въ изд. 1859 г. Никитинымъ не помѣщено. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LVI, стр. 288—290) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1856 г.

Въ этомъ стих. сказалось вліяніе Кольцова (см. стих.: «Хуторокъ» и «Ночь», — Сочин. Кольцова, подъ ред. А. I. Лященко, 2-е изд. Академіи Наукъ, стр. 115—117 и 140—141), на что вѣрно указали: Ивановъ (Поэтъ горькой правды. — «Русск. Мысль», 1896, кн. I, и Новая культурная сила, Спб. 1901, стр. 257), К. Покровскій (Никитинъ, сборн. статей, составл. В. И. Покровскимъ, стр. 137) и др.

65. *Жена ямщика* (т. I, стр. 253). Напеч. по изд. 1859 г. — Списки — въ тетр. Нордштейна, датир. 1854 г., 15 марта (№ 57), и датир. 1854 г., апрѣль (№ 74). Рукопись — въ архивѣ Второва (тетр. I, № 29, лл. 55—56). безъ даты. Какъ видно изъ письма Никитина къ А. А. Краевскому отъ 21 февраля 1855 г., поэтъ отдалъ это стих. 18 октября 1854 г. проѣзжавшему черезъ Воронежъ М. В. Авдѣеву для передачи въ «Отеч. Зап.», между тѣмъ стих. въ первонач. видѣ, безъ вѣдома Никитина, было доставлено однимъ изъ его друзей или знакомыхъ, но кѣмъ именно онъ не зналъ, въ «Современ.», гдѣ и

было напеч. въ декабрѣ 1854 г., т. XLVIII, кн. XII, отд. I, стр. 209—215, датир. 1854 г. Въ текстѣ «Современ.» сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

2. Тихо все въ избѣ,
 29. «Охъ, родной, и прятъ-то
 30. Ужъ не стало силъ;
 31. А ужъ какъ мнѣ грустно,
 52. Обнялъ мать рукой.

между стихами 108 и 109:

«И въ опрятномъ платьѣ
 Ходишь завсегда,
 И не скажешь грубо
 Старшимъ никогда.

вмѣсто стиховъ 113—116:

Поболѣвъ, старушка
 Скоро умерла;
 Но сестра покойной
 Сироту взяла.
 Словно дочь родную
 Стала сберегать
 И успѣла замужъ
 Черезъ годъ отдать.
 Мужъ ямщикъ степенный,
 Не богатъ казной,
 Но работникъ добрый
 И любимъ женой.
 Онъ теперь въ дорогѣ
 И, Богъ дастъ, въ свой домъ
 Скоро возвратится
 Съ полнымъ кошелькомъ...
 127. Снялъ, вошедши, шапку,
 159. И всѣмъ тѣломъ, блѣдный,

Въ изд. 1856 г. (стих. LVIII, стр. 153—162) напеч. новая редакція (архивъ Второва, тетр. I, № 29, лл. 55—56), датир. 1854 г. Приводимъ текстъ этого изд.:

Скоро будетъ полночь...
 Тишина въ избѣ;
 Только вѣтеръ воесть
 Жалобно въ трубѣ,
 5. И горить лучина,
 Издавая трескъ

И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.

- Въ старомъ зипунишкѣ,
10. Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.

- Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
15. Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

- Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ
И, лаская сына,
20. Кротко говоритъ:

«Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку,
Вишь какъ холодно».

25. — «А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечеръ все пряла,
И теперь не спишь?» —

- «Охъ, мой ненаглядный,
30. Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

- «Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
35. А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

- «Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
40. На пути глухомъ.

«Дѣло мое бабѣ,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станеть
Одѣвать, кормить?» ...

45. — «Полно плакать, мама!» —

Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

И къ щекѣ родимой
50. Онъ прильнулъ щекой
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ;
55. Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

«Постелю постельку,
А Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
60. Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаеть опять:
Будемъ въ нихъ сыночка
По двору катать».

65. И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
70. Чуть въ свѣтцѣ горить,
Только въюга какъ-то
Жалобиѣй гудить.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
75. Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца.

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
80. Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:

«Тошно сиротою
Мнѣ тебя кидать!

85. «Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ порой рабочей
Въ полѣ выносить?»

- «И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
90. Старшія-то сестры
Кровь вѣдь съ молокомъ;

- «И разгульны, правда,
Нечего сказать,
95. Да зато какъ стануть
Въ полѣ работать, —

- «Хоть жара, хоть вѣтеръ —
Все равно для нихъ:
Оттого и замужъ
100. Скоро взяли ихъ.

«А тебя за разумъ
Хвалить вся семья.
Да любить-то... любить
Только мать твоя.

105. «Все ты шить умѣешь
И въ избѣ прибрать,
Ребятишекъ-братьевъ
Любишь обмывать.

- «Да въ быту крестьянскомъ,
110. Знаешь ты сама,
Сила-то дороже
Разума-ума...»

- Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,
115. Какъ его покойный
Тестъ любилъ, старикъ.

- Вотъ въ сѣняхъ пѣбушки
Кто-то застучалъ.
«Ахъ, отецъ!» — проснувшись,
120. Мальчикъ закричалъ.

— «Вишь морозъ какъ крѣико
Дверь-то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

125. И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ,

- Осѣнилъ три раза
130. Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

- «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
135. Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

- «Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
140. Изъ Москвы привелъ».

— «А мой мужъ?» — спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣ снѣга
Сдѣлалась она.

145. — «Да въ Москву приѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.

- «На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
150. Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять».

- Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
155. Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ ручки,
Сынъ ея стоялъ,

Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
160. Въ ужасѣ дрожалъ.

«Вишь какая притча!»
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

165. «А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить.

— «Полно горевать-то»,
170. Вслухъ онъ ей сказалъ:
«Стало неча дѣлать,
Богъ знать наказалъ!

«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
175. Такъ поди возьми ихъ;
Мнѣ домой пора.

«Да!.. вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынникѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ: —

185. «Вотъ благословеньє
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему». —

«А тебя-то, видно,
190. Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ».

Въ изд. 1859 г. напеч. новая редакція (стих. 42, стр. 82—91). Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LXII, стр. 303—310) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1859 г.

Дружининъ въ рецензiи объ изд. 1856 г. («Библи. для чтенiя», 1856, т. СXXXVII, кн. VI, отд. VI, стр. 23—43, и Сочин., т. VII, Спб. 1865, стр. 167) хвалилъ это стих. Хорошимъ находилъ его и Скабичевскiй (Исторiя новѣйш. русск. литературы, 7-е изд., стр. 446). Стих. упоминается въ письмахъ Никитина къ Второву 1854 г., 10 iюня, 28 августа и 23 сентября.

66. *Утро на берегу озера* (т. I, стр. 260). Напеч. по изд. 1859 г. — Списки — въ тетр. Нордштейна (№ 53 и № 102), датир. 1854, 17 марта. Напеч., вмѣстѣ со статьей о Никитинѣ Нордштейна (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 18 и 78), въ «Отеч. Зап.», 1854, т. XCIV, кн. VI, отд. VII, Новости литературы, искусствъ, наукъ и промышленности, стр. 61—63, датир. 1854 г., 17 марта. Приводимъ текстъ «Отеч. Зап.»:

Ясно утро. Тихо вѣтъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣтъ;
Въ заревѣ востокъ.

5. Будто искры золотыя,
Свѣжихъ травъ нарядъ,
Ночи капли дождевыя
По лугу горять.

- Окаймленное кустами
10. Молодыхъ ракивъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

- Вотъ плыветъ вдали, направо,
Подлѣ камышей,
15. Грудь подьемля величаво,
Стадо лебедей.

- Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями, и — вдругъ
Влага брызнула игриво
20. Жемчугомъ вокругъ...

Привязавъ къ ракивамъ лодки,
Трое рыбаковъ
Дружно тянутъ сътъ веревкой
Подлѣ береговъ.

25. Боснкомъ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
На лугу рѣзвась,
Два мальчишка загорѣлыхъ
Бѣгають, смѣясь.
- Звучно смѣхъ ихъ раздается,
30. Голосокъ звенить,
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горить.

- «Тянуть, тянуть!» — закричали
Ребятишки вдругъ:
35. «Вотъ теперь-то, чай, поймали
И линей и щукъ».

- Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сътъ;
«Ну, вытряхивайте съ Богомъ,
40. Нечего глядѣть!»

- Такъ сказалъ рыбакъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
45. Сътъ руками приподняли
Дружно рыбаки, —
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.

- И трепещущую рыбку
50. Съ-земи на подхватъ
Дѣти въ легкую корзинку
Стали собирать.

- Ловлю снова продолжали
Трое рыбаковъ,
55. Снова мальчишки играли
Подлѣ береговъ.

- А межъ тѣмъ, надъ полосами
Дремлющихъ полей
Солнце сыпало снопами
60. Радужныхъ лучей;

Волны воздуха сверкали,
Зыблясь надъ землей,

И луга благоухали
Сочною травой.

65. Безконечно разстиались
Въ блескъ небеса,
И повсюду раздавались
Жизни голоса.

- И невольно привлекали
70. Изумленный взоръ
Виды сель въ туманной дали
И луговъ просторъ.

По словамъ Нордштейна въ «Отеч. Зап.», въ статьѣ, вмѣстѣ съ которой было напечатано это стих., Никитинъ не имѣлъ въ виду помѣщать его въ подготавливаемый имъ сборникъ своихъ произведеній. Затѣмъ поэтъ измѣнилъ это рѣшеніе и включилъ стих. въ сборникъ, существенно передѣлавъ его въ сентябрѣ 1854 г. «Утро на берегу озера», — пишетъ Никитинъ Второву 16 сентября 1854 г., — я исправилъ; можетъ быть, цензура не пропустила окончанія этого стихотворенія, но я не хочу переимѣнять: оно вылилось изъ души, въ минуту раздражительнаго взгляда на жизнь». Изъ этого письма видно, насколько въ 1854 г. Никитинъ былъ запуганъ цензурой: совершенно невинное въ цензурномъ отношеніи, даже при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, окончаніе стих. казалось ему опаснымъ. Сообщая стих. въ передѣланномъ поэтотомъ видѣ Александрову-Дольнику въ неизданномъ письмѣ къ нему 26 сентября 1854 г., Второвъ пишетъ: «Не правда ли, какъ живо теперь это стихотвореніе? Прелесть!.. Такъ какъ «Утро» теперь, можно сказать, безукоризненно, то не отдашь ли ты эту пьесу Погодину для помѣщенія въ «Москвитянинъ»? Все-таки не лишнее было бы это» (архивъ Второва). Александровъ-Дольникъ не передалъ Погодину стих. Оно было напечатано въ «Библ. для чтенія», 1855, т. СХХХІ, кн. VI, отд. I, стр. 184—186, датир. 1854 г., затѣмъ — въ изд. 1856 г. (стих. LIV, стр. 135—139), датир. 1854 г., и въ изд. 1859 г. (стих. 9, стр. 17—21). Въ текстѣ «Библ. для чтенія» сравнительно съ текстомъ изд. 1859 г.:

9. Вотъ плыветъ вдали, — направо,
10. Подлѣ камышей,
11. Грудь подъяема величаво,
12. Стадо лебедей.

17. Привязавъ къ ракиѣ лодку,
31. Смотритъ съ завистью дѣвчонка,
32. Стоя близъ кустовъ.
41. Такъ сказалъ рыбакъ высокій,
45. Сѣтъ отъ-земли приподняли
46. Разомъ рыбаки;
54. Любишь поглазѣть!
56. Неча тутъ сидѣть!..»
57. И дѣвчонку вмгъ мальчишка
62. Вымолвилъ старикъ:
74. Я чужихъ корми;

Въ текстѣ изд. 1856 г. сравнительно съ текстомъ «Библ. для чтенія:

9. Вонъ плыветъ вдали, направо,
17. Привязавъ къ ракиѣ лодку,
41. Такъ сказалъ старикъ высокій,
45. Сѣтъ отъ земли приподняли
74. А чужихъ корми;

Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LVIII, стр. 292—295) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1859 г.

Авторъ статьи въ «Пантеонѣ», 1854, т. XV, кн. VI, отд. IV, Журналистика, стр. 26, говорилъ: «Мы не хотимъ сказать, чтобы въ стихахъ Никитина не было истиннаго чувства, истинной мысли; и мысль и чувство проявляются, напротивъ, во многихъ изъ его произведеній, мы хотимъ только посоветовать ему быть какъ можно строже къ самому себѣ при выборѣ стихотвореній для изданія отдѣльною книгою (о чемъ извѣщаютъ «Отеч. Зап.»). Такъ, напримѣръ, мы довольны, что въ это собраніе не войдетъ «Утро на берегу озера», какъ говоритъ тотъ же журналъ, приводя это стихотвореніе. Стихъ въ немъ очень гладокъ, но содержаніе, заключающееся въ томъ, что въ одно ясное утро рыбаки поймали въ озерѣ много рыбы, слишкомъ пусто, что, вѣроятно, чувствовалъ и самъ поэтъ». Сличеніе первонач. редакціи съ послѣдующ. позволяетъ предположить, что отмѣченная выше передѣлка Никитинымъ стих. вызвана замѣчаніемъ критика «Пантеона» (аналогичный случай см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 363, примѣч. къ стих. «Югъ и Сѣверъ»). Добролюбовъ въ рецензиі объ изд. 1859 г. («Современ.», 1860, кн. IV, отд. III, стр. 367—391, и Сочин., подъ ред. М. К. Лемке, т. IV, Спб. 1912, стр. 169—170) выражалъ пожеланіе, «чтобы г. Никитинъ какъ можно менѣе поддавался очарованію текущей изящной

словесности, какъ можно менѣе заботился объ опрятныхъ, вылощенныхъ и звучныхъ фразахъ, а обратился прямо къ жизни, проходящей у него предъ глазами. Наше желаніе всего болѣе основываемъ мы на поэмѣ «Кулакъ», доказывающей, что г. Никитинъ не чуждъ живой наблюдательности. Но и въ лежащей предъ нами книжкѣ можно находить — если не цѣлыя стихотворенія, то хоть отдѣльныя мѣста, доказывающія то же самое. Къ сожалѣнію, заботясь всего болѣе о художественности (которую онъ при томъ смѣшиваетъ съ красотой описаній), г. Никитинъ до сихъ поръ очень небрежно пользовался этой стороною своего таланта. Напримѣръ, у него есть стихотвореніе, въ которомъ является передъ нами крестьянская дѣвочка-пріемышь. Она подходитъ къ дѣтямъ, тѣ ее отталкиваютъ и гонятъ прочь, а отецъ пускается въ разсужденія о томъ, какъ ему неприятно и тяжело кормить чужую дѣвчонку, у которой мать — «чай, поди гуляетъ»... Къ этому старикъ прибавляетъ:

И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ какъ трава,
Да все плачетъ... дрянъ такая!
А на грѣхъ жива...

Дѣвочка все это слышитъ и понимаетъ... Кажется, для полнаго, художественнаго представленія такого явленія вовсе не нужно описывать, какъ, напримѣръ, «лебеди плывутъ по равнинѣ воды», какъ «лугъ зеленѣетъ, подобно бархату», какъ «влага брызжетъ жемчугомъ» и т. п. А у г. Никитина половина стихотворенія состоитъ изъ описанія всѣхъ этихъ прелестей, а во второй появляется дѣвочка. Стихотвореніе очень длинно, — стиховъ сто, — обѣ части ничѣмъ не связаны внутренно, особенной энергіи изображенія нѣтъ ни въ той, ни въ другой части, и потому ни картина озера, ни печальное положеніе дѣвочки не производятъ на насъ полнаго впечатлѣнія, на какое рассчитывалъ, конечно, поэтъ. Такимъ образомъ, изъ ложнаго убѣжденія (поддерживаемаго, впрочемъ, нѣкоторыми критиками), что у него есть талантъ пластической поэзіи, и изъ привязанности къ рутинѣ, требующей подробнаго изображенія мѣста и всей обстановки дѣйствія, г. Никитинъ часто пренебрегаетъ развитіемъ существенно-важной стороны стихотворенія и тѣмъ чрезвычайно вредитъ себѣ». Это замѣчаніе Добролюбова встрѣтило протестъ Достоевскаго, который усматривалъ въ этомъ давленіе на поэта, посягательство на

его свободное поэтическое развитіе (Г. — бовъ и вопросъ объ искусствѣ. — «Время», 1861, февр., и Сочин., 7-е изд. т. IX, стр. 82—83).

67. *Упрямый отецъ* (т. I, стр. 264). Напеч. по изд. 1856 г. — Списки — въ тетр. Нордштейна, озаглавл.: «Отецъ и дочь», датир. 1854 г., 18 марта (№ 59), и озаглавл.: «Упрямый отецъ», датир. 1854 г., апрѣль (№ 77). Приводимъ текстъ перваго списка:

- «Ты хотъ плачь, не плачь — быть по-моему!
 Я сказалъ: тебя не послушаю;
 Молода еще, рано умничать!
 Знаю всѣ твои бабьи присказки.
5. — Пожалѣй меня, родной батюшка,
 Не сведи меня во гробъ заживо;
 Мой женихъ-де мотъ, горькій пьяница,
 Его братья всѣ — тѣ жъ разбойники,
 У него-де вотъ жена первая
10. Съ горя въ гробъ пошла безовремени,
 У него дѣтей малыхъ четверо;
 Пожалѣй мою волю дѣвичью,
 Натерплюсь-де съ нимъ нужды, холоду,
 Погублю красу, очи выплачу... —
15. Вишь, безпутная, что придумала.
 Замолчи! Не смѣй слова вымолвить
 Я сказалъ тебѣ: быть по-моему!»

- Захватило духъ въ груди дочери,
 Полотна бѣлѣй лицо сдѣлалось;
20. Зарыдавъ навзрыдъ, съ мольбой горькою
 Вдругъ къ отцу она въ ноги бросилась:
 — «Аль чужая я тебѣ, батюшка,
 У тебя въ дому не работница?
 Али мѣста мнѣ много надобно?»
25. Аль я въ чемъ когда провинилась?
 Помяни, родной, слова матушки,
 Помяни ея слова при смерти:
 «Береги мою дочь покорную,
 Выбирай ты ей мужа по сердцу...»
30. Не губи же ты мою молодость!
 Не хочу я быть женой пьяницы!
 Лучше въ дѣвкахъ я буду стариться,
 Выѣсть жить съ тобой до сѣдыхъ волосъ,
 День и ночь сидѣть за работою!
35. Откажи только свахѣ засланной!»

- «Прочь ты съ глазъ моихъ, дочь ослушница!
 Прокляну тебя! съ двора выгою!
 Не увидишь ты себѣ счастья,
 Будешь жить людямъ на посмѣшище,
 40. Отъ тоски, какъ лнсть, вся ты высохнешь,
 До поры умрешь, не покаившись!»

- Вотъ прошло семь дней. Дѣло сладилось;
 Отецъ празднуетъ свадьбу дочери,
 За столомъ сидятъ гости званые,
 45. Межъ собой ведутъ рѣчи весело;
 Подъ хмелькомъ отецъ пляшетъ съ радости,
 Зятемъ, дочерью выхваляется.
 Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду;
 На плечахъ его кафтанъ новенькій,
 50. Сапоги съ гвоздьми, поясъ розовый.
 Молодая съ нимъ сидитъ объ руку,
 Душегрѣйка вся крыта бархатомъ,
 Золотой узоръ на кокошникѣ,
 На глазахъ дрожать слезы жгучія,
 55. На лицѣ лежитъ блѣдность смертная.
 Убралась хлѣбъ-соль. Столъ окончился,
 Гости хмельные плясать начали;
 Зять и дочь съ отцомъ распрощались.
 Проводилъ старикъ свое дѣтище;
 60. Вдоль по улицѣ тройка тронулась,
 Поднялася пыль, закружилася.

- Скоро годъ прошелъ. Насталъ праздничекъ.
 Мужички идутъ въ церковь весело,
 На крещеный людъ смотреть солнышко,
 65. Колокольный звонъ раздавается...
 Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,
 По бокамъ его два подсвѣчника,
 Какъ мертвецъ, стоитъ въ головахъ старикъ
 И не сводитъ глазъ съ своей дочери.
 70. Вотъ окончилась служба долгая,
 Мужички снесли гробъ на кладбище;
 Приняла земля дочь покорную.
 Обернулся зять къ тестю блѣдному
 И сказалъ, заткнувъ руки за поясъ:
 75. «Не пришлось пожить съ твоей дочерью»...
 — «Отойди, злодѣй, горькій пьяница!
 Положилъ ты въ гробъ мое дѣтище,
 Схоронилъ ты съ нимъ мои радости».

Подготавливая первый сборникъ своихъ произведеній, Никитинъ передѣлалъ стих., и 18 октября 1854 г., какъ видно изъ его письма къ А. А. Краевскому отъ 21 февраля 1855 г., отдалъ стих. проѣзжавшему черезъ Воронежъ М. В. Авдѣеву для передачи въ «Отеч. Зап.»; въ этомъ журналѣ стих. не было помѣщено. Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LV, стр. 140—145), датир. 1854 г. Въ изд. 1859 г. Никитинимъ не помѣщено. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LIX, стр. 295—299) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1856 г.

Дружининъ въ рецензіи объ изд. 1856 г. («Библ. для чтенія», 1856, т. CXXXVII, кн. VI, отд. VI, стр. 23—43, и Сочин., т. VII, Спб. 1865, стр. 167) хвалилъ это стих. К. Покровскій (Никитинъ, сборн. статей, составл. В. И. Покровскимъ, стр. 137) находитъ, что для этого стих. образцами послужили «Пѣсни» Кольцова: «Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали» и «Безъ ума, безъ разума». Сходство стих. Никитина съ отмѣченными К. Покровскимъ стих. Кольцова не идетъ далѣе мотива (см. Сочин. Кольцова, подъ ред. А. I. Лященко, 2-е изд. Академіи Наукъ, стр. 98—99 и 123). Стих. это упоминается въ письмѣ Никитина къ Второву отъ 23 сентября 1854 г.

68. *Три встрѣчи* (т. I, стр. 268). Напеч. по списку въ тетр. Нордштейна (№ 60), датир. 1854 г., 21 марта. — Никитинимъ не было напеч. Впервые напеч. по этому списку въ изд. подъ ред. М. О. Гершензона (1854, стих. LXVIII, стр. 50).

69. *«Село замолчало; безлюдны дороги...»* (т. I, стр. 270). Напеч. по списку въ тетр. Нордштейна (№ 61), датир. 1854 г., 27 марта. — Никитинимъ не было напеч. Впервые напеч. по этому списку въ изд. подъ ред. М. О. Гершензона (1854, стих. LXIX, стр. 50—51).

70. *«Ахъ! признаюся, воля Ваша...»* (т. I, стр. 272). Напеч. по рукописи. — Стих. находится въ письмѣ Никитина къ Второву отъ 2 апрѣля 1854 г. (архивъ Второва, тетр. II, № 2). Впервые опубликовано по этой рукописи С. Кавелиной въ статьѣ: «Новыя данныя къ характеристикѣ И. С. Никитина», напеч. въ «Русск. Вѣд.», 1911, 16 октября, и затѣмъ вышедшей отдѣльно: М. 1912. Текстъ напеч. С. Кавелиной не точно; искаженъ, съ измѣненіемъ смысла, стихъ 13, напеч.: «Не дай Богъ, если Л. иль М.». Въ рукописи этотъ стихъ напис.: «Не дай Богъ, если л... ихъ мѣ...» Принявъ во вниманіе послѣдующую рѣму, безъ всякихъ колебаній, можно

сказать, что послѣднія слова: «любъ ихъ мѣднй»; то же выраженіе Никитинымъ употреблено по адресу духовенства въ стих.: «Ахъ, прости, святой угодникъ!..» (см. въ нашемъ изд. т. II, стр. 117). Съ неточнаго текста С. Кавелиной стих. перепеч. во 2-мъ изд. подъ ред. М. О. Гершензона, стр. 449.

Въ этомъ стих. Никитинъ говоритъ о стих.: «Моленіе о чашѣ»; опасенія Никитина, что «Моленіе о чашѣ» не будетъ пропущено духовной цензурой, оправдались (см. въ нашемъ изд. примѣч. къ стих. «Моленіе о чашѣ», — т. II, стр. 354). Стих.: «Ахъ! признаюся, воли Ваша...» цѣнно для характеристики отношенія Никитина къ духовенству, обнаруживая, что даже въ 1854 г., когда было написано стих., въ ту эпоху, когда религиозное настроеніе было сильно въ поэтѣ, онъ отрицательно относился къ духовенству. Еще сильнѣе это отношеніе проявилось въ стих.: «Ахъ, прости, святой угодникъ!..», написан. въ 1858 г., въ эпоху упадка религиозности. Даже въ годъ смерти, когда религиозное настроеніе всецѣло захватило Никитина, онъ, по свидѣтельству близкаго друга Зиновьева (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 147), выразивъ желаніе пріобщиться, думалъ надъ тѣмъ, кого выбрать изъ мѣстнаго духовенства въ духовники, которымъ онъ хотѣлъ имѣть человѣка развитого, лично уважаемаго, и выбралъ инспектора семинаріи Арсенія, по словамъ Зиновьева, «далеко не похожаго на городскихъ дюжинныхъ поповъ». О религиозности Никитина и отношеніи его къ духовенству см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 44, 55, 61, 91, 128 и 150; т. II, стр. 117.

71. «*Не широкъ мой дворъ...*» (т. I, стр. 272). Напеч. по списку въ тетр. Нордштейна (№ 72), датир. 1854 г., 16 апрѣля. — Никитинымъ не было напеч. Впервые напеч. по этому списку въ изд. подъ ред. М. О. Гершензона (1854, стих. LXXII, стр. 53).

Въ этомъ стих. сказалось влияніе Кольцова.

72. С. В. Чис[тяков]ой (т. I, стр. 273). Напеч. по изд. 1856 г. — Списокъ — въ тетр. Нордштейна (№ 76), датир. 1854 г., 25 апрѣля. Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LVI, стр. 146—148), датир. 1854 г. Въ изд. 1859 г. Никитинымъ не помѣщено. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LX, стр. 300—301) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1856 г.

Кто была С. В. Чистякова по сохранившимся матеріаламъ выяснитъ нельзя.

73. *Купецъ на пчельникъ* (т. I, стр. 275). Напеч. по изд. 1856 г. — Рукопись — въ архивѣ Второва (тетр. I, № 19, лл. 36—39), датир. 1854 г., апрѣль. Списокъ — въ тетр. Нордштейна (№ 75), датир. 1854 г., апрѣль. Какъ видно изъ письма Никитина къ А. А. Краевскому отъ 21 февраля 1855 г., поэтъ отдалъ это стих. 18 октября 1854 г. проѣзжавшему черезъ Воронежъ М. В. Авдѣву для передачи въ «Отеч. Зап.»; стих. было напеч. не въ этомъ журналѣ, а въ «Библ. для чтенія», 1855, т. СXXXIV, кн. XII, отд. I, стр. 143—153, датир. 1854 г. Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LIX, стр. 163—182), датир. 1854 г. Въ рукописи сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

17. И красное солнышко ярко сверкаетъ.
18. Вотъ коршунъ вдали осторожно плыветъ,
19. Отрывисто перепелъ гдѣ-то играетъ
22. Согнувшись, старый пчелинецъ сидитъ,
29. Съ нимъ рядомъ сидятъ три плечистые свата,
30. Ихъ русые волосы вьются кольцомъ,
31. На шапкахъ, на каждой заплатѣ заплата,
32. Румяныя лица, что кровь съ молокомъ.
38. Въ рубашкѣ серпанковой, въ синихъ штанахъ,
41. Подальѣ въ кичкѣ, въ катахъ, въ сарафанѣ,

стиховъ 69—80 нѣтъ;

81. Я самъ тоже думаю. Ну-ка, Кудимычъ,
82. Еще на здоровье по чаркѣ одной!
170. Одинъ только хмельный пчелинецъ молчалъ:

между стихами 216 и 217:

«Такъ вы поскорѣе, ребята, начните,
Колодки замѣчаны свѣжей травой;
Да только съ огнемъ осторожнѣй ходите,
Чтобъ доброе дѣло не кончить бѣдой».

287. Вишь дѣло какое! И денежки взяли

стиховъ 289—292 нѣтъ;

316. Ихъ темную рѣчь было трудно понять.

стиховъ 333—348 нѣтъ;

355. И быстро всѣ спицы колесъ закружились

Въ текстѣ «Библ. для чтенія» сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

10. Межъ рожью и спѣлымъ, густымъ ячменемъ,
17. И красное солнце привѣтно сияетъ;
18. Вотъ коршунъ вдали осторожно плыветъ,

И. С. Никитинъ. II.

22. Согнувшись, старый пчелинецъ сидитъ,
 29. Съ нимъ — милые гости — гуляютъ три свата;
 30. Какъ видно, они не богаты добромъ:
 31. На шапкахъ, одеждѣ ихъ пыль и заплаты,
 32. И спины согнуты тяжелымъ трудомъ.
 38. Въ рубашкѣ серпанковой, въ синихъ штанахъ,
 70. А я вотъ подъ старость совсѣмъ обнищаль,
 72. Недолго пожить мнѣ Господь приказалъ.
 74. Самъ старъ, и работать приходитъ невмочь;
 197. Ну, видно, часъ добрый на путь — на дорогу!
 229. И крѣпко стучала большими котами,
 287. Вишь дѣло какое! И денежки взяли

стиховъ 289—292 и 337—340 пѣтъ;

343. И дочь его кое-гдѣ станеть шататься,

Приведа всѣ сколько-нибудь значительныя отличія рукописи и текста въ «Библ. для чтенія» отъ текста изд. 1856 г., мы не отмѣчаемъ всѣхъ мелкихъ различій, заключающихся въ замѣнѣ одного слова другимъ, въ перестановкѣ ихъ и т. п. Въ изд. 1859 г. Никитинымъ не помѣщено. «О стихотв. «Ночлегъ извозчиковъ», «Купецъ на пчельникѣ» и проч. въ этомъ родѣ, — пишетъ поэтъ Второву 11 сентября 1859 г., — право, не стоить говорить: вода, мой милый Николай Ивановичъ, просто вода... Они мнѣ страшно надоѣли». Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LXIII, стр. 310—324) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1856 г.

Прожившій въ Воронежѣ зиму 1853—1854 гг. Н. В. Кукольникъ (см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 76 и 78) въ «Листкахъ изъ записной книжки русскаго», въ «Библ. для чтенія», 1854, т. СХХVI, кн. VII, отд. I, стр. 103), писалъ: «Я еще не успѣлъ уѣхать изъ Воронежа, какъ сокровищница второго періода поэтической дѣятельности И. С. Никитина умножилась прелестнымъ народнымъ стихотвореніемъ: — «Молитва» и небольшою поэмою, въ которой изображенъ бытъ особеннаго класса нашихъ поселянъ — пчеловодовъ. Тѣма самыхъ остроумныхъ и живописныхъ подробностей, списанныхъ Теньеровскою кистью съ натуры» (стих. «Молитва», о которомъ говоритъ Кукольникъ, — по всей вѣроятности, «Вечеръ послѣ дождя», написан. 17 мая 1854 г., см. слѣдующ. примѣч.). «Купецъ на пчельникѣ» упоминается въ письмѣ Никитина къ Второву отъ 10 июня 1854 г.

74. *Вечеръ послѣ дождя* (т. I, стр. 290). Напеч. по изд. 1859 г. — Рукопись — въ архивѣ Второва (тетр. I, № 20, л. 40), датир. 1854 г., 17 мая, Списокъ — въ тетр.

Нордштейна (№ 91), датир. 1854 г., 17 мая. Въ рукописи сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

24. Свѣтлыя капли, какъ перлы, горять на головкѣ махровой,

между стихами 28 и 29:

Рожью густой окаймленный, какъ желтой, широкою рамой.

между стихами 30 и 31:

Въ воздухѣ легкія мошки кружатся, играя на солнцѣ.
31. Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, вокругъ

оглянулся,
34. Весело свистнулъ звѣрекъ, и напился водицы изъ лужи.

Какъ видно изъ письма Никитина къ А. А. Красевскому отъ 21 февраля 1855 г., поэтъ отдалъ это стих. 18 октября 1854 г. проѣзжавшему черезъ Воронежъ М. В. Авдѣеву для передачи въ «Отеч. Зап.»; стих. было напеч. не въ этомъ журналѣ, а въ «Библ. для чтенія», 1855, т. СXXXIV, кн. XI, отд. I, стр. 51—52, датир. 1854 г. Въ текстѣ «Библ. для чтенія» сравнительно съ текстомъ изд. 1856 г.:

3. Ярко сіяющій, огненный ликъ заходящаго солнца
4. Сталь выходить изъ-за тучи — и вмигъ загорѣлся
весь западъ;

10. Около лѣса стоятъ золотистыя, зрѣлыя нивы,
24. Свѣтлыя капли, какъ перлы, горять на головкѣ махровой,

31. Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, вокругъ
оглянулся,

Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LVII, стр. 149—152), датир. 1854 г. Приводимъ текстъ этого изд.:

Буря утихла. Грядой облака потянулись къ востоку;

Грома глухіе раскаты вдали замирать начинаютъ;
Вотъ они смолкли, и огненный ликъ заходящаго
солнца

Снова блеснулъ изъ-за тучи — и вмигъ загорѣлся
весь западъ,

5. Нѣжнымъ румянцемъ покрылась опушка кудряваго
лѣса,

Капли дождя засіяли на немъ, будто чудные камни.
Слышу, о чемъ-то таинственно шепчется вѣтеръ съ
листами;

Рѣчи его непонятны для нашего грубаго слуха,
Но понимаютъ ихъ вѣрно листья, отвѣчая имъ дружно.

10. Около лѣса желтѣется ржи неоглядное море,
Искрами блещетъ небесная влага на иглахъ колосевей;
Жадно они напилися ея послѣ долгой засухи;
Сладко дремать имъ теперь, наклонясь надъ сырою
землею,
Воздухъ прохладный вдыхая подъ кротко-сіяющимъ
небомъ.
15. О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ
освѣженный!
Какъ ощутительно вѣетъ онъ новою силой и жизнью!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благо-
датный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темно-си-
ний: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ
раскаленной;
20. Вѣрно увялъ бы онъ, если бы на день продлилась
засуха.
Что же теперь? Окропленный дождемъ, оживленный
прохладой,
Снова онъ весь развернулся и держится прямо на
стеблѣ.
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ ма-
хровой;
25. Крѣпко прильнула къ нему хлепотливо-жужжащая
пчелка,
Сокъ ароматный собирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется, снѣгъ это бѣлой лежитъ полосой.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилася на
колосъ;
30. Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ
тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ
оглянувся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ и распѣваетъ
овсянка;
35. Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу. Под-
мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шапку онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебряной
покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промол-
вилъ:

«Экую радость послалъ намъ Господь — проливной
этотъ дождикъ!
40. Хлѣбъ-ать въ недѣлю поправится такъ, что его не
узнаешь».

Въ изд. 1859 г. (стих. 51, стр. 125—126) напеч. новая редакція. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LXI, стр. 302—303) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1859 г.

Чернышевскій въ рецензій обь изд. 1856 г. («Современ.», 1856, кн. IV, и Сочин., т. II, Спб. 1906, стр. 351) указывалъ на вліяніе Майкова. К. Покровскій (Никитинъ, сборн. статей, составл. В. И. Покровскимъ, стр. 152—154) вѣрно отмѣчаетъ, что стих. примыкаетъ по своему характеру къ идиллическимъ описаніямъ природы 20—30-хъ годовъ, къ стих. Гнѣдича, Жуковскаго, Аксакова.

75. *Донцамъ* (т. I, стр. 292). Напеч. по списку въ тетр. Нордштейна (№ 92), датир. 1854 г. — Никитинымъ не было напеч. Впервые напеч. по этому списку въ изд. подь ред. М. О. Гершензона (1849—1855, стих. СXXX, стр. 115—116). «Посоветуйте, что мнѣ дѣлать? — пишетъ Никитинъ Второву 10 іюня 1854 г. — Рукавишниковъ говорить, что весьма было бы хорошо стихотвореніе: «Донцамъ» посвятить Наслѣднику Александру Николаевичу [Александру II]. Если вы изъявите на это свое согласіе, я постараюсь его исправить, прочту Вамъ и тогда — *была не была*. Сдѣлайте милость, потрудитесь извѣстить меня черезъ подателя этой записки хорошъ или нѣтъ совѣтъ Рукавишникова и нужно ли мнѣ ему слѣдовать». О Рукавишниковѣ см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 79. О томъ, какъ отнесся къ предложенію Рукавишникова Второвъ, было ли послано Никитинымъ стих., въ сохранившемся матеріалѣ о немъ свѣдѣній нѣтъ. Въ 1856 г. поэтъ поднесъ Александру II экземпляръ изд. 1856 г., о чемъ см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 82 и 83.

76. *Неудачная присуха* (т. I, стр. 295). Напеч., по изд. 1859 г. — Списки — въ тетр. Нордштейна, озаглавл.: «Неудачное колдовство», датир. 1854 г., 7 августа (№ 93), и озаглавл.: «Неудачная присуха», датир. 1854 г., августъ (№ 101). «Не угодно ли Вамъ будетъ, — пишетъ Никитинъ Второву 23 сентября 1854 г., — прочесть съ нѣкоторымъ исправленіемъ «Неудачную присуху» и «Бурлака». Въ первомъ стихотвореніи я кое-что прибавилъ; не знаю, какъ Вамъ покажется моя передѣлка». Эта рукопись была послана Второвымъ К. О.

Александрову-Дольнику (о немъ см. въ нашемъ изд. т. I, стр. 57, 59, 64, 65, 74, 75, 92, 94, 102, 103, 106 и 107). «Никитинъ продолжаетъ пописывать, — сообщаетъ Второвъ Александрову-Дольнику въ ненаданномъ письмѣ отъ 26 сентября 1854 г. (архивъ Второва, отдѣльн. листъ). — Посылаю при этомъ переписанную имъ самимъ пьеску: «Неудачная присуха», которая, вѣрно, тебѣ понравится... Очень недурна и «Присуха». Каковъ тутъ заговоръ! Полюбуйся тутъ парнемъ. Можетъ быть, въ частностяхъ найдутся кое-какія слабыя мѣста, но вообще пьеска прекрасная... Въ «Присухѣ» же Иванъ Саввичъ можетъ быть кое-что и поисправить...» Посланная Второвымъ Александрову-Дольнику рукопись не сохранилась. Какъ видно изъ письма Никитина къ А. А. Краевскому отъ 21 февраля 1855 г., поэтъ отдалъ это стих. 18 октября 1854 г. проѣзжавшему черезъ Воронежъ М. В. Авдѣеву для передачи въ «Отеч. Зап.»; стих. было напеч. не въ этомъ журналѣ, а въ «Библи. для чтенія», 1855, т. СXXXIII, кн. X, отд. I, стр. 161—169, датир. 1854 г. Въ той же редакціи, съ незначительными измѣненіями, напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LX, стр. 183—196), датир. 1854 г. Приводимъ текстъ этого изд.:

Ударъ за ударомъ,
Полуночный громъ...
То вспыхнетъ пожаромъ
Все небо кругомъ,

На лбу бороздами
Морщины лежатъ,
Глаза подъ бровями,
Какъ угли, горять.

5. Освѣтитъ картину
Села надъ рѣкой,
И лѣса вершину,
И берегъ крутой;

25. У притолки парень
Въ халатѣ стоитъ:
Онъ, бѣдный, печаленъ
И въ землю глядитъ;

То снова все темно..
10. Лишь вѣтеръ шумитъ,
Да ливень холодный
Въ оконце стучитъ.

Лицо некрасиво,
30. На видъ простоватъ,
Но сложенъ на-диво
Отъ плечъ и до пятъ.

Горитъ одиноко
Въ избушкѣ ночникъ;
15. На лавкѣ широкой
Кудесникъ-старикъ,

«Ну, слушай: готово!
Хоть трудъ мой великъ,—
35. Промолвилъ сурово
Кудесникъ-старикъ:

Съ сѣдой бородою,
Съ угрюмымъ лицомъ,
Надъ чашей съ водою
20. Сидитъ за столомъ.

«Я сдѣлаю дѣло:
Красотка твоя
И душу и тѣло
40. Отдастъ за тебя!»

И тихо онъ началъ
Шептать наговоръ:

- «На морѣ, на Окіянѣ
«Бѣлый камень Алатырь:
45. «На немъ баня огнемъ пышетъ
«Съ раскаленною доской.
«Тридцать три тоски оттуда
«Всюду мечутся: на югъ,
«На пути и перепутья,
50. «Западъ, сѣверъ и востокъ.
«Киньтесь вы, тоски, къ дѣвницѣ
«Въ разумъ, въ сердце, въ очи, въ ликъ,
«Въ жилы, кости и суставы,
«Въ тѣло бѣлое и кровь!
55. «Чтобъ о немъ она крушилась,
«Тосковала день и ночь,
«Чтобъ для ней онъ былъ утѣхой,
«Милѣй солнышка и сна,
«Свѣта бѣлаго дороже,
60. «Лучше матери, отца!
«Будеть слово мое крѣпко,
«И не снимется тоска
«Тѣмъ, кто въ морѣ выпьетъ воду,
«Траву выщиплеть въ поляхъ!»
65. «Иди! до свиданья!
И помни мой трудъ:
Мои заклинанья
Недаромъ пойдутъ».
- «Спасибо, кормилецъ!
70. За все заплачу;
Поможешь, — гостинецъ
Съ поклономъ вручу.
- «Крупы, коли скажешь, —
Мѣшокъ нипочемъ!
75. А денегъ прикажешь —
И деньги найдемъ».
- И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,
Что бури и грома
80. Всю ночь не слышалъ.
- Во снѣ ему снилось,
Что онъ ужъ женатъ,

Что, Богъ далъ, родилось
Ужь двое ребятъ.

85. Пять дней пролетѣло...
Вотъ разъ, вечеркомъ,
На лавкѣ, безъ дѣла,
Лежить онъ ничкомъ.

- На крѣпкія руки
90. Припавъ головой,
Колотить отъ скуки
Объ лавку ногой. —

- Лучина горѣла
Въ свѣтцѣ на полу,
95. Старушка сидѣла
За прялкой въ углу, —

- И вдругъ повернулся,
Плечо почесалъ,
Зѣвнулъ, потянулся
100. И громко сказалъ:
«Слышь, мамушка! бають,
У насъ въ деревняхъ
Вишь доки бывають, —
И вѣрить-то страхъ!

105. «Кого вишь присушать,
Не миль станетъ свѣтъ:
Тоска такъ и душитъ!..
Что, правда, аль пѣтъ?»

- «Охота, родимый,
110. Про дрянъ вспоминать!
Бывають, вѣстимо...»
Отвѣтила мать.

- «Ну, правда, такъ ладно! —
Сынъ думалъ: дождусь!..
115. Эхъ, жить буду славно,
Коли я женюсь!..»

- Но, видно, напрасно
Кудесникъ шепталъ
И дѣвицѣ красной
120. Тоской угрожалъ, —

Тоска не являлась...
А жаль: вѣдь плуту

Навѣрно бѣ досталось
Взять съ парня крупу.

125. Другого красотка
Любила тайкомъ
За пѣсни, походку
И кудри кольцомъ.

- А парень гуляетъ:
130. Какъ праздникъ придетъ,
Лицо умываетъ
И гребень беретъ,

- И кудри направо,
Налѣво завьетъ,
135. Подумасть: «браво!»
И пальцемъ щелкнетъ.

- Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
Рубашка на немъ,
Кумачъ на подолѣ
140. Сверкаетъ огнемъ;

На шляпѣ высокой,
Межъ черныхъ двухъ лентъ,
Блеститъ одиноко
Витой позументъ;

145. Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

- Тряхнетъ волосами,
150. Идетъ въ хороводъ:
«Ну, вотъ, дескать, нами
Любуйся народъ!»

- И свистнетъ, и станетъ
Плясать молодцомъ,
155. Отъ ногъ инда встанетъ
Пыль темнымъ столбомъ!

- Но какъ-то, случайно,
Узналъ, наконецъ,
Про дѣвчину тайну,
160. На грѣхъ, молодецъ.

Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ... «Такъ вотъ,
Онъ думалъ: въ чемъ дѣло
Кудесникъ-то вретъ.

165. «Дождется жъ онъ платы!
Ну, я съ нимъ того...
Обманщикъ проклятый,
Я вспомню его!»

- И два дни, угрюмый,
170. Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ своей.

- На третій, — лишь только
Отправилась мать
175. На рѣчку въ ведерко
Водицы набрать,

- И день загорѣлся, —
Съ постели онъ всталъ,
Обулся, одѣлся,
180. Котомку сыскалъ,

Въ тряпичѣ рубашку
Въ нее положилъ,
И съ ложкою чашку
Туда жъ опустилъ,

185. Халать для дороги,
Про непогодъ, взялъ...
Мать входитъ; онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

- «Ну, мамушка! горько,
190. Признаться, идти
Съ родимой сторонки...
А, видно, — прости!»

- Мать такъ и завыла:
— «Касатикъ ты мой!
195. Ахъ, крестная сила!
Что это съ тобой?» —

«Эхъ, тошно, родная!
И днемъ и во снѣ

- Сторонка чужая
200. Все грезится мнѣ.
«Нуждѣ не учиться,
Косить не боюсь,
Пойду потрудиться:
Съ казной ворочусь».
205. Какъ мѣль, побѣлѣла
Отъ словъ его мать,
На лавку присѣла
И что-то сказать
- Хотѣла, какъ видно,
210. Раскрыла ужъ ротъ, —
Но очи недвижно
Смотрѣли впередъ
- Безъ мысли и цѣли,
И, словно свинець,
215. Уста посинѣли...
Ну, просто мертвецъ!
- «Эхъ-ма! я старуху
Никакъ испугалъ!
Не слышно и духу... —
220. Сынокъ разсуждалъ. —
- «Вотъ горе, ей Богу!
Жаль полъ-то мочить:
Водой бы немного
Ее окатить».
225. Межъ тѣмъ встрепенулась
Старушка; отъ сна
Какъ будто проснулась
Въ тревогѣ она;
- Вздохнула, привстала,
230. Припомнила все,
И вдругъ зарыдала:
— «Дитя ты мое!
- «Да какъ же подъ старость
Мнѣ жить-то одной?
235. Вѣдь ты моя радость,
Кормилецъ родной!» —

И къ сыну припала
 На грудь головой,
 И все повторяла:
 240. — «Кормилецъ родной!»

Сынъ крѣпко рукою
 Хватилъ себя въ лобъ,
 И думалъ съ собою:
 «Прямой остолопъ!»
 245. «Ну, вотъ тебѣ — здравствуй!..
 Наладилось мнѣ:
 Иди, малый! царствуй
 Въ чужой сторонѣ!

«А, стало, старушкѣ
 250. Одной пропадать!
 Казны-то полушки
 Въдѣ негдѣ ей взять».

И парень украдкой
 Лицо отвернулъ,
 255. Заплакалъ и шанку
 На лавку швырнулъ.
 «Ну, полно, родная!
 Я такъ... пошутить...
 Эхъ, доля худая!
 260. Живи, знать, какъ жилъ!»

Черезъ часъ взялъ онъ хлѣба
 Ломоть, закусилъ,
 И такъ до обѣда
 Овесъ молотилъ,
 265. Что парень сосѣдскій
 Взглянулъ и сказалъ:
 — «Охъ, взмахъ молодецкій!
 Вотъ силу Богъ далъ!» —

Старушкѣ, ужъ долго
 270. Спусти, сынъ сказалъ,
 Зачѣмъ въ путь-дорогу
 Онъ вдругъ загадалъ.

Но самъ посчитался
 Съ плутомъ-старикомъ:
 275. Морочить заклался
 Старикъ колдовствомъ.

Въ изд. 1859 г. напеч. новая редакція (стих. 46, стр. 103—112). Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LXIV, стр. 324—331) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1859 г.

Авторъ «Замѣтокъ о журналахъ за октябрь 1855 г.» въ «Современ.», 1855, т. LIV, кн. XI, отд. V, стр. 86, говорилъ о напеч. въ «Библ. для чтенія» текстѣ: «Мы искренно желали бы сказать что-нибудь хорошее о стихотвореніи г. Никитина: «Неудачная при-суха», но хорошаго ничего сказать не можемъ. Г. Никитинъ не безъ дарованія, но онъ лишень чувства мѣры, не богатъ вкусомъ и не выдерживаетъ народнаго тона своихъ стихотвореній — недостатки, портящіе почти каждую его пьесу. И въ «Присухѣ» есть удачные стихи, именно все, что относится къ описанію глупаго парня... Но все остальное въ стихотвореніи слабо, безцвѣтно и очень растянуто». Возможно, что это стих. наѣяно стих. Кольцова: «Пора любви», но подражанія въ прямомъ смыслѣ этого слова нѣтъ (см. Сочин. Кольцова, подъ ред. А. I. Ляценьки, 2-е изд. Академіи Наукъ, стр. 81—83).

77. *Старый мельникъ* (т. I, стр. 303). Напеч. по списку въ тетр. Нордштейна (№ 94), датир. 1854 г., 11 августа. — Никитинимъ не было напеч. Впервые напеч. по этому списку въ изд. подъ ред. М. О. Гершензона (1854, стих. LXXVI, стр. 67—68).

78. «*Подль рѣки одиноко стою я подь тѣнью ракиты...*» (т. I, стр. 306). Напеч. по рукописи архива Второва (тетр. I, № 23, л. 45), датир. 1854 г., 12 августа. — Списокъ — въ тетр. Нордштейна (№ 95), датир. 1854 г., 12 августа. Никитинимъ не было напеч. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LXVI, стр. 334—336) напеч. по рукописи архива Второва; строка 15 по ошибкѣ пропущена. Изъ этого изд. съ той же ошибкой перепеч. въ послѣдующ. 2—13-мъ изд. и юбилейномъ т-ва И. Д. Сытина (М. 1911). Пропускъ восстановленъ по списку Нордштейна въ изд. подъ ред. М. О. Гершензона (1854, стих. LXXVIII, стр. 70—71).

79. *Бурлакъ* (т. I, стр. 308). Напеч. по изд. 1859 г. — Списокъ первонач. редакціи — въ тетр. Нордштейна (№ 96), озаглавл.: «Бобыль», датир. 1854 г., 17 августа. Приводимъ текстъ этого списка:

— Нѣтъ, ужъ видно къ кому горе въ гости придетъ, —
Зарастетъ къ краснымъ днямъ путь-дорога.

- Хоть работай — сиди по ночамъ напролетъ, —
 Безъ талана и трудъ — не помога.
5. На яву и во снѣ мучить дума одна,
 Куда хочешь иди, — не отстанеть:
 Спать въ могилѣ сырой молодая жена,
 Вспомнишь, — жизнь не мила тебѣ станеть!
 Вся надежа была, — словно вылитый въ мать,
10. Черноглазый красавецъ-сынишка;
 По складамъ было началъ псалтырь ужъ читать;
 Думалъ: выйдетъ мой въ люди мальчишка...
 Да не то ему Богъ на роду написалъ:
 Заболѣлъ отъ чего-то зимою, —
15. Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ,
 Наговоромъ лѣчилъ и травою,
 Обѣщала рублевую свѣчку купить,
 Предъ иконою въ церкви поставить, —
 Не услышалъ Господь... и пришлось сколотить
20. Сыну гробъ, панихиду отправить...
 Къ людямъ радость пришла — въ полѣ хлѣбъ уби-
 рать,—
- Я одинъ, съ ранней зорьки до ночи,
 И косить и сгребать, снопы въ конны складать
 Выбиваюся, бѣдный, изъ мочи;
25. Потъ отъ жару съ лица крупнымъ градомъ течеть,
 На устахъ инда кровь выстужаетъ,
 И, какъ другу, ты радъ, коли вѣтеръ пахнетъ,
 Иль отъ облачка тѣнь упадаетъ.
 Не убрался съ овсомъ, — поглядишь твоя рожь
30. Перезрѣла и зерна роняетъ,
 И постыль тебѣ трудъ и рукою махнешъ,
 И душа отъ тоски изнываетъ.
 Ночь придетъ, — по селу другъ за другомъ гужомъ
 Съ поля ѣдутъ съ снопами обозы,
35. А ты сядешь въ избѣ за дубовымъ столомъ
 И утрешь кулакомъ свои слезы...
 Сиѣга первого ждалъ, — я продамъ молъ всю рожь,
 Справлю сани, — извозничать буду, —
 Вдругъ, бѣда за бѣдой, на скотину падежь,
40. Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!
 Прожилъ зиму кой-какъ, — вижу честь мнѣ не та;
 То на сходкѣ иной посмѣется:
 Дескать, всякая вотъ что ни есть мелкота
 Тоже въ дѣло мірское суется;
45. То бранятъ за глаза: не съ его-де умою
 Жить въ нуждѣ, — пропадетъ онъ отъ лѣни!
 Нѣтъ, по-нашему такъ: коли быть молодцомъ, —
 Не робѣй, хоть въ крови по колѣни...

- Образумилъ меня людскою смѣхою — мой позоръ!
50. Видно, Богъ свою помощь мнѣ подаль:
Запросилась душа на широкій просторъ,
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ
И пошелъ въ бурлаки! Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
55. У огня ли сидишь на крутомъ берегу, —
Послѣ пѣсни до полночи темной!
На рѣкѣ ль буруны, — осѣнилъ крестомъ,
Въ холодъ-вѣтеръ не надобна шуба,
Засучилъ рукава, замахнулся весломъ, —
60. Силою съ бурей помѣриться любо!
Закипитъ въ тебѣ кровь, очи вспыхнуть огнемъ;
Ну, подумашь, — Божія воля!
Если жить — будемъ жить, умереть — такъ умремъ!..
И въ душѣ словно не было горя!..

Рукописи послѣдующ. редакціи — въ тетр. Нордштейна (№ 115 и № 134), датир. 1854 г., и въ архивѣ Второва (тетр. I, № 21, лл. 41 и 42), датир. 1854 г., 17 августа. Въ первой рукописи (№ 115) сравнительно съ текстомъ изд. 1859 г.:

11. Не повѣришь, такая хозяйка была —
стиховъ 21—24 нѣтъ;

25. Иногда ей случалось обновку купить
29. Какъ въ раю съ нею жилъ!.. Да не намъ, видно,
знать,

между стихами 48 и 49:

Ночь придетъ, — по селу другъ за другомъ, гужомъ,
Скрипятъ-ѣдутъ съ снопами обозы,
А ты сядешь въ избѣ за дубовымъ столомъ
И утрешъ кулакомъ свои слезы...

между стихами 80 и 81:

Какъ гора за горой, валъ за валомъ встаетъ,
Пѣна бѣлая клубомъ несется,
Всюду стонъ, голоса, буря свищетъ, реветъ,
Во всѣ стороны гулъ раздается, —
81. Ты летишь по волнамъ, только брызги кругомъ.

Текстъ второй рукописи (№134) имѣетъ слѣдующія отличія отъ текста первой рукописи:

29. Какъ въ раю съ нею жилъ!.. Да не намъ, вѣрно,
знать,

76. И бурлитъ, и поетъ на просторѣ.

Текстъ третьей рукописи (№ 21) имѣетъ слѣдующія отличія отъ текста первой рукописи:

вставлены стихи 21—24;

25. Иногда ей случится обновку купить

29. Какъ въ раю съ нею жилъ!.. Да не намъ, вѣрно, знать,

послѣ стиха 80:

Какъ гора за горой, валъ за валомъ идетъ,

Напеч. въ «Отеч. Зап.», 1855, т. СІ, кн. VII, отд. I, стр. 71—72 (см. письмо Никитина къ А. А. Краевскому отъ 21 февраля 1855 г.). Напеч. въ этомъ журналѣ текстъ второй рукописи, при чемъ редакціей былъ отброшенъ конецъ стих., начиная со стиха 67: «Коимъ отдыхъ придетъ, — на крутомъ бережку», стихи:

41. Обѣщался рублевую свѣчку купить,

42. Предъ иконою въ церкви поставитъ, —

43. Не услышалъ Господь... и пришлось положить

44. Сына въ гробъ, на кладбище отправить...

были измѣнены цензурой:

Но напрасно все было — пришлось положить

Сына въ гробъ, на кладбище отправить...

Напеч. въ изд. 1856 г. (стих. LXI, стр. 197—201), датир. 1854 г. Напеч. въ этомъ изд. текстъ третьей рукописи. Въ изд. 1859 г. (стих. 48, стр. 115—118) напеч. новалъ редакція. Въ изд. 1869 г. (т. I, 1854, стих. LXV, стр. 332—334) и въ послѣдующ. напеч. по изд. 1859 г.

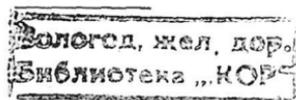
Де-Пуле въ рецензіи объ изд. 1859 г. («Русское Слово», 1860, кн. IV, отд. II, Критика, стр. 17) причислялъ это стих. къ «истиннымъ перламъ» поэзіи Никитина. Н. А. Александровъ въ рецензіи объ изд. 1869 г. («Дѣло», 1869, кн. VII, Новыя книги, стр. 47—56) находилъ, что въ этомъ стих. сказалось вліяніе стих. Некрасова: «Въ дорогѣ». Возможно, что «Бурлакъ» написанъ подъ впечатлѣніемъ «Въ дорогѣ», но о вліяніи въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется обычно это понятіе, въ данномъ случаѣ говорить нельзя. «Бурлакъ» упоминается въ письмѣ Никитина къ Второву отъ 23 сентября 1854 г.

Примѣчанія къ слѣдующимъ стихотвореніямъ см. въ третьемъ томѣ.

Списокъ иллюстрацій II тома.

		Стр.
12.	И. С. Никитинъ . . . . . Воспроизведено непосредственно съ фотографіи, снятой въ 1860 г. въ С.-Петербургѣ. Изъ архива М. Ѳ. Де-Пуле. По его мнѣнію, изъ всѣхъ имѣющихся фотографій И. С. Никитина эта фотографія наиболее вѣрно передаетъ его лицо.	1
13.	Домъ въ имѣніи Плотниковыхъ „Дмитріевкѣ“ въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежск. губ., гдѣ любилъ бывать И. С. Никитинъ . . . . . Съ фотографіи, помѣщенной въ „Нивѣ“ 1899, № 38, гравир. Шлиперъ. См. В. П. Малахинъ, „Правда объ И. С. Никитинѣ“ — „Историч. Вѣсти.“, 1913, т. СXXXI, кн. III, стр. 898.	60
14.	Домъ С. Е. Никитина на Никитинской улицѣ въ Воронежѣ . . . . . Во флигелѣ направо въ 3 окна жилъ (1844—1861 гг.) и умеръ И. С. Никитинъ. Съ специально снятой для настоящаго изданія фотографіи М. Н. Селиверстова изъ Воронежѣ. Улица ранѣе называлась Кировичной, переименована въ 1899 г. Этотъ домъ былъ купленъ отцомъ поэта, С. Е. Никитинымъ 2 іюня 1844 г., проданъ И. В. Алексѣеву 14 іюля 1864 г., въ настоящее время принадлежитъ его женѣ М. А. Алексѣевой. 16 октября 1911 г., въ день 50-лѣтія смерти И. С. Никитина, къ флигелю прибита мраморная доска съ надписью: „Здѣсь жилъ и умеръ 16 октября 1861 года поэтъ И. С. Никитинъ.“ Домъ въ 7 оконъ былъ построенъ И. В. Алексѣевымъ на мѣстѣ дома, отдававшагося подъ постой извозчикамъ. Флигель въ 4 комнаты съ передней, въ которомъ жили Никитины, сохранился почти въ прежнемъ видѣ. Онъ былъ лишь позднѣе обложенъ кирпичемъ и къ нему была пристроена галлерей съ ходомъ на улицу.	60
15.	Рукопись стихотворенія И. С. Никитина: „Ахъ, прости, святой угодникъ!... (1858 г.) . . . . . Изъ архива М. Ѳ. Де-Пуле. Воспроизведено впервые.	117
	И. С. Никитинъ, II.	26

	Стр.
16. И. С. Никитинъ	146
Съ специально снятой для настоящаго изданія фотографіи М. Н. Селиверстова въ Воронежѣ съ фотографіи, найденной Г. И. Еоимнымъ у родственницы И. С. Никитина А. М. Тюриной и хранящейся теперь въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ.	
17. Могила И. С. Никитина на Ново-Митрофановскомъ кладбищѣ въ Воронежѣ	163
Съ специально снятой для настоящаго изданія фотографіи М. Н. Селиверстова въ Воронежѣ. Памятникъ поставленъ 29 сентября 1863 г. на собранныя по подпискѣ средства. Сдѣланъ по рисунку художника М. С. Петерсена въ Петербургѣ, въ мастерской братьевъ Ботта.	
18. Рукопись стихотворенія И. С. Никитина: „Старикъ-другоженецъ“ (1853 г.)	348
Хранится въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ. Съ специально снятой для настоящаго изданія фотографіи М. Н. Селиверстова въ Воронежѣ.	

Оглавление II тома.

Стихотворенія.

1855 г.

	Стр.
94. „Сибирь!.. Напишешь это слово...“	3
95. „За какую жь вину и бѣду...“	4
96. „Пошутила я — и другу слово молвила...“	6
97. „Взгляни: небесный сводъ безоблаченъ надъ нами...“	7
98. Уличная встрѣча	7
99. „Погуляла вода...“	12
100. „Надъ свѣтлымъ озеромъ пурпуровой зарн...“	13
101. Елка	14
102. Другъ (Степь)	16
103. Слѣпой гусярь	17
104. [П. И. Савостьянову]	18
105. Въ лѣсу (Послѣ выздоровленія)	19
106. „Отвяжися, тоска...“	21
107. 19 октября	22
108. Дѣлежъ	23
109. „Надъ полями вечерняя зорька горить...“	26
110. „Не смѣйся, родимый кормилецъ!..“	28
111. Выѣздъ ямщика [троечника]	29
112. Послѣднее свиданье	32
113. Музыка лѣса	42
114. „Затеплились звѣзды одна за другою...“	44
115. На взятіе Карса	45
116. Пѣсня („Ковыль, моя травушка, ковыль безпріютная...“)	47

1856 г.		Стр
117.	Староста	50
118.	Новая утрата	53
119.	Николаю Ивановичу Второву	54
120.	Разсказъ моего знакомаго	54
121.	„У кого нѣтъ думы...“	57
122.	„Помню я: бывало, няня...“	58
123.	[Въ альбомѣ Н. В. Плотниковой]	60
124.	[Въ альбомѣ М. И. Жюно]	60
125.	„Чуть сошлись мы — другъ друга узнали...“	61
126.	„День и ночь съ тобой жду встрѣчи...“	62
127.	Пахарь	63
128.	[Н. В. Плотниковой]	64
129.	[Н. И. Второву]	65
130.	Сплетня	66
131.	Въ саду	66
132.	„Разсыпались звѣзды, дрожать и горять...“	67
133.	Гнѣздо ласточки	68

1849—1856 гг.

134.	„Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть...“	70
135.	Вѣчность	71
136.	Небо	72
137.	Нужда	74
138.	Воспоминаніе о дѣтствѣ	76
139.	„Когда Невы, окованной гранитомъ...“	78
140.	„Помоги ты мнѣ...“	79
141.	Могила	80
142.	„Бѣгутъ часы, недѣли и года...“	81
143.	Уединеніе	81
144.	„Что счастье? — бредъ воображенья...“	82
145.	„Когда, мой другъ, въ часы одушевленья...“	82
146.	„Ужъ и какъ же ты...“	83
147.	Отъѣздъ	86
148.	Жизнь	88
149.	„Не плачь, мой другъ! Есть много муки...“	90
150.	„Полночь. Темно въ горенкѣ...“	91
151.	[Н. И. Второву]	93

1857 г.		Стр.
152.	Лампадка	94
153.	„Смеркаетъ день. Въ бору темнѣть...“ . . .	95
154.	„Свѣтитъ мѣсяць въ окна...“ . . .	97
155.	„Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синебѣ...“ . . .	98
156.	„Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ...“ . . .	99
157.	Соха	100
158.	„Ахъ, ты, бѣдность горемычная...“ . . .	101
159.	Удаль и забота	102
160.	Безталанная доля	103
161.	„Медленно движется время...“	104
162.	„Незамѣнимая, безцѣнная утрата!..“	106
163.	Разговоры	107
164.	Нищій	108
165.	Деревенскій бѣднякъ	109

1857—1858 гг.

166.	Ночлеги въ деревнѣ	112
167.	Дѣдушка	112
168.	Пряха	114

1858 г.

169.	„Ахъ, прости, святой угольникъ!..“	117
170.	Дачная жизнь	118
171.	„Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями...“ . . .	120
172.	„Ярко звѣздъ мерцанье...“	120
173.	„Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ...“	122
174.	[Въ альбомѣ Е. А. Плотниковой]	122
175.	[Въ альбомѣ А. Н. О—вой]	123
176.	„Въ небѣ радуга сіяетъ...“	124
177.	„Въ темной чащѣ замолкъ соловей...“	125
178.	„Помнишь? — съ алыми краями...“	126
179.	Горькія слезы	126
180.	„Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги...“	127
181.	„Дѣтство веселое, дѣтскія грезы...“	128
182.	„Ахъ, у радости быстрыя крылья...“	130
183.	„Опять знакомыя видѣнья!..“	130
184.	Пѣсня бобыля	132

	Стр.
185. „Ъхаль изъ ярмарки ухарь-купецъ...“	133
186. Мертвое тѣло	135

1859 г.

187. Старый слуга	140
188. „Живая рѣчь, живые звуки...“	142
189. „Перестань, милый другъ, свое сердце пугать...“	143
190. „И дождь и вѣтеръ. Ночь темна...“	144
191. Могила дитяти	145

1860 г.

192. „Бѣдная молодость, дни невеселые...“	147
193. „Я радъ молчать о горѣ старомъ...“	148
194. [Поэту-обличителю]	149
195. „Теперь мы вышли на дорогу...“	150
196. Поминки	152
197. На пепелищѣ	153
198. [М. Ѳ. Де-Пуле]	155
199. [М. Ѳ. Де-Пуле]	155
200. Портной	155
201. „За прялую баба въ понявѣ сидитъ...“	159
202. Мать и дочь	160
203. Погость	162
204. „Вырыта заступомъ яма глубокая...“	163

1861 г.

205. Хозяинъ	164
206. [Н. А. Матвѣевой]	170
207. [Н. А. Матвѣевой]	171
208. Исповѣдь	172
209. Порывы	176

Неизвѣстные годы.

210. „Постыдно гибнетъ наше время!...“	180
211. „Тяжкій крестъ несемъ мы, братья...“	181
212. „Падеть презрѣнное тиранство...“	181
213. „Ноетъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ...“	182
214. Филантропъ	183
215. Пѣвицѣ	184

Оглавленьѣ II тома.

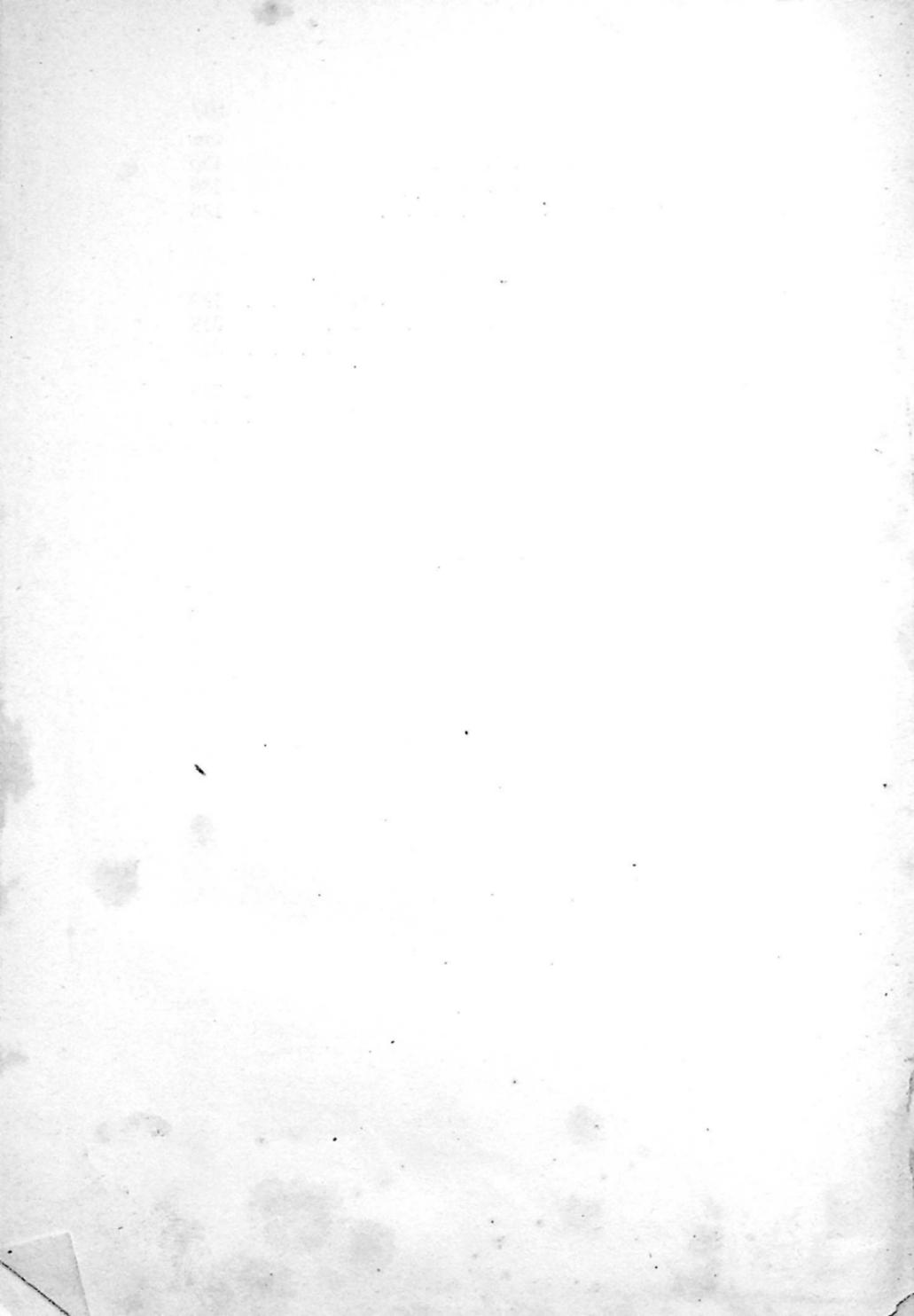
407

	Стр.
216. Жизнь	185
217. Собрату	186
218. [Изъ записки]	186

Поэмы.

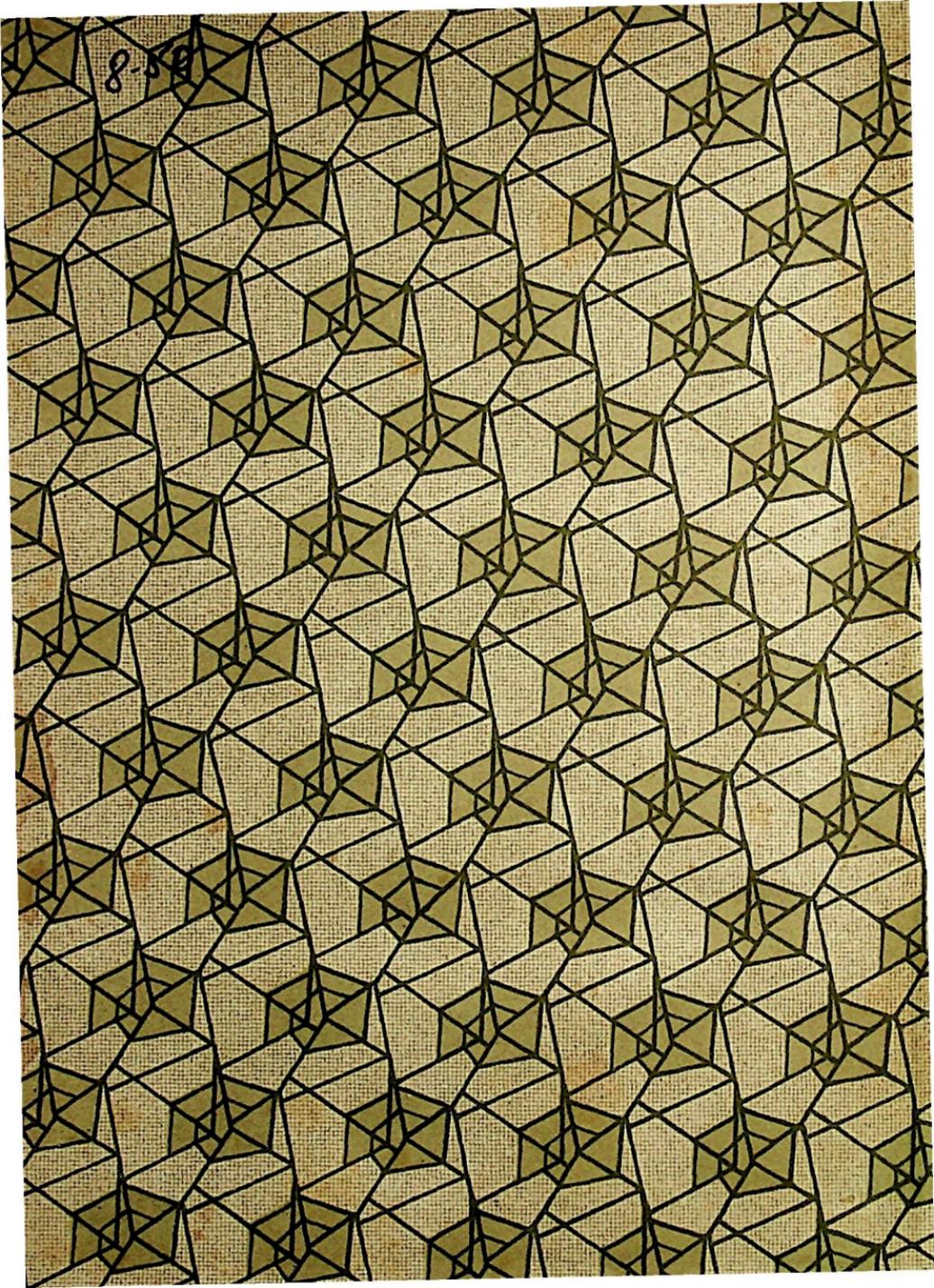
Кулакъ	189
Поѣздка на хуторъ	318
Тарасъ	328
Примѣчанія	349
Списокъ иллюстрацій II тома.	401

1-1 30=60

8-59

K/7

8-50.

